

ПРЕПОДАВАТЕЛЬ XXI ВЕК

2

2017

часть 2

ISSN 2073-9613

Журнал основан в 2003 году
Выходит 4 раза в год
Издается в 2 частях

Подписные индексы по каталогу
«Роспечать» 33140 и 37285

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский педагогический государственный университет»

Издатель: МПГУ

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации, в которых рекомендуется публикация основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Блох Марк Яковлевич,

доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой грамматики английского языка МПГУ, почетный академик Российской академии естественных наук, почетный академик Международной академии наук педагогического образования

Демьянков Валерий Закиевич,

доктор филологических наук, профессор, заместитель директора Института языкознания РАН

Кузнецов Александр Андреевич,

академик РАО, профессор, доктор педагогических наук, и.о. вице-президента РАО

Левицкий Михаил Львович,

академик РАО, доктор педагогических наук, профессор, директор Института менеджмента МПГУ

Мурын Тереза,

доктор наук, профессор французской филологии, Краковский педагогический университет (Польша)

Петров Юрий Александрович,

доктор исторических наук, директор Института российской истории РАН

Попова-Велева Иванка,

кандидат филологических наук, кафедра романистики, Университет св. Кирилла и Методия, Велико Тырново (Болгария),

Рогожин Николай Михайлович,

доктор исторических наук, профессор, директор Центра истории русского феодализма Института российской истории РАН

Уваров Александр Юрьевич, доктор педагогических наук,

профессор, ведущий научный сотрудник Института образовательной информатики ФИЦ «Информатика и управление» Российской академии наук

Уваров Павел Юрьевич,

доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, заведующий Отделом западноевропейского средневековья и раннего нового времени Института всеобщей истории РАН

Чубарьян Александр Оганович,

академик РАН, доктор исторических наук, директор Института всеобщей истории РАН

Штольценберг Юрген,

доктор философии, профессор, кафедра истории философии, Университет Мартина Лютера, Галле-Виттенберг (Германия)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Каракозов

Сергей

Дмитриевич,

доктор педагогических наук, профессор, проректор МПГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

А.А. Веряев

О.В. Воробьева

М.А. Гончаров

И.Н. Грифцова

Е.Ю. Лазарева

Е.А. Леванова

С.И. Маловичко

Ф.В. Николаи

Н.А. Николина

Е.А. Никулина

Н.И. Рыжова

С.Б. Серякова

Л.А. Трубина

А.В. Хазина

В.Е. Цибульников

В.Д. Янченко

Ответственный редактор

О.В. Воробьева

Дизайнер

Н.И. Лисова

Мнение Редакционной коллегии по материалам дискуссионного характера может не совпадать с мнением авторов

© МПГУ, 2017

PREPODAVATEL XX VЕК

Russian
Journal
of Education

2

2017

vol. 2

ISSN 2073-9613

The journal was founded in 2003

Published quarterly

Issued in 2 volumes

Subscription indexes in the catalogue
"Rospechat" **33140** and **37285**

Founder: Federal State-Financed Educational Institution of Higher Education
"Moscow State Pedagogical University"

Publisher: Moscow State Pedagogical University

*The journal has been included in the List of the leading peer-reviewed scientific journals
and periodicals recommended for the publication of the results of the dissertations
submitted for academic degrees*

EDITORIAL COUNCIL

Mark Ya. Bloch, ScD (Philology), Professor, Chairman,
English grammar Department, Moscow State University
of Education, Honorary Member of Russian Academy
of Natural Sciences, Honorary Member of International
Academy of Sciences in Pedagogical Education

Valery Z. Demyankov, ScD (Philology), Professor, Deputy
Director, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences

Alexander A. Kuznetsov, Academician, Russian Academy
of Education, ScD (Pedagogy), Acting Vice-President, Russian
Academy of Education

Mikhail L. Levitsky, Academician, Russian Academy of Education,
ScD (Pedagogy), Professor, Director, Institute of Management,
Moscow City Pedagogical University

Theresa Muryn (Poland), ScD, Professor, French Philology,
Krakow Pedagogical University

Yury A. Petrov, ScD (History), Director, Institute of Russian
History, Russian Academy of Sciences

Ivanka Popova-Veleva (Bulgaria), PhD in Philology,
Romance Philology Department, St Cyril and St Methodius
University, Veliko Turnovo

Nikolay M. Rogozhin, ScD (History), Professor, Director,
Center of Russian Feudalism History, Institute of Russian
History, Russian Academy of Sciences

Alexander O. Chubaryan, Academician, Russian Academy
of Sciences, ScD (History), Director, Institute of World
History, Russian Academy of Sciences

Jurgen Stoltzenberg, (Germany), ScD (Philosophy),
Professor, History of Philosophy Department,
Martin Luther University, Halle-Wittenberg

Alexander Yu. Uvarov, ScD (Pedagogy), Professor,
Chief Researcher, Institute of Educational Informatics,
Federal Research Center "Informatics and Management",
Russian Academy of Science

Pavel Yu. Uvarov, ScD (History), Professor, Corresponding Member,
Russian Academy of Sciences, Head of the Department
of West European Middle Ages and Early Modern Times,
Institute of General History, Russian Academy of Sciences

EDITOR- IN-CHIEF

**Karakozov
Sergey Dmitrievich**,
Dr. of Science
(Pedagogics),
Professor,
Vice-rector of MPSU

EDITORIAL BOARD

A.A. Veryaev
O.V. Vorobyova
M.A. Goncharov
I.N. Griftsova
E.Yu. Lazareva
E.A. Levanova
S.I. Malovichko
F.V. Nikolai
N.A. Nikolina
E.A. Nikulina
N.I. Ryzhova
S.B. Seryakova
L.A. Trubina
A.V. Khazina
V.E. Tsibulnikova
V.D. Yanchenko

Executive editor

O.V. Vorobyova

Designer

N.I. Lisova

© MSPU, 2017

НАУКА, ОБРАЗОВАНИЕ, КУЛЬТУРА

Педагогические науки (13.00.00)

Философия и история образования

Гончаров М.А. Делопроизводственная документация как историко-педагогический источник исследований в сфере истории образования и педагогической мысли9

Ивочкин Д.А. Статистические издания второй половины XIX – начала XX века как источник по истории Смоленской епархии.24

Педагогика профессионального образования

Ананин Д.П. Нетрадиционные студенты в системе высшего образования Германии31

Горовая В.И., Шевченко Г.И. Устойчивость профессионального идеала будущего педагога как фактор эффективности предстоящей деятельности41

Солдатова И.Н. Проблемы воспитания эстетического смысла жизни у студенческой молодежи: «минуты погружения в прекрасное»48

Мирончук Е.В. Мониторинг формирования профессиональной компетентности у студентов – будущих учителей посредством интеграции общей и театральной педагогики56

Содержание и технологии образования

Ломоносова Н.В. Основные принципы проектирования системы смешанного обучения в вузе64

Кирколуп Е.Р., Кирколуп О.В., Лескова С.С., Пупырев Н.П., Трухачева Н.В. Организация интерактивного взаимодействия в электронном обучении.72

Дмитриев Ю.А., Фролова А.А. Активные методы обучения в подготовке педагогов: деловая игра и тренинг.84

Кириллова Е.Б., Бганцева И.В., Боженова Н.А. Развитие общекультурных и общепрофессиональных компетенций бакалавров адаптивной физической культуры в процессе обучения иностранному языку97

Анфалов Е.В. Модель формирования рефлексивно-прогностической компетенции курсантов военных вузов.105

Язык и образование

Царькова В.Б. Статус субъекта диалога культур в контексте иноязычного образования115

Игнатенко И.И. Формирование автономии студентов магистратуры в изучении иностранного языка.120

Мойса Е.С. Парадигма обучения межкультурной коммуникации магистрантов технических вузов при изучении английского языка.127

Гладышева Н.Н. К вопросу о способе организации упражнений для формирования грамматического навыка говорения в вузе.132

Римонди Д. Социокультурный профиль учащихся на курсах по РКИ в российском пространстве высшего образования (на примере опроса, проведенного на филологическом факультете).138

Образование и культура

- Скурыдина Е.М., Ерохина П.В.** Народная педагогика в современной особой религиозной общности старообрядцев (духовно-нравственное воспитание)150

Образование и художественное творчество

- Чеканцев П.А.** Современная визуальная культура и проблемы художественного образования163
- Самойлова О.А.** Системы художественного образования 1950–1960-х гг. через призму мимитической концепции170
- Ахмедова М.Н.** Развитие интереса к портретной живописи художников Узбекистана у студентов педагогических вузов176

Образование и музыка

- Стулов И.Х.** Специфика работы с голосами эстрадных певцов182
- Юдин А.П., Хань Мо.** Традиции русской фортепианной школы и современная практика обучения в музыкальных учебных заведениях КНР187

Образование и физическая культура

- Кузьменко Г.А., Кабанова Е.А.** Индивидуализация спортивной подготовки юных дзюдоистов 15-16 лет на основе анализа параметров соревновательной активности и эффективности интеллектуальных решений199
- Монахова Е.Г.** Особенности физической подготовки спортсменов-танцоров213

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ НАУКА ВУЗАМ**Исторические науки (07.00.00)**

- Хазина А.В., Басов А.Ю.** Мифологема «священного царя» в эллинистической утопии Эвгемера и политическом праксисе эллинизма229
- Шпак Г.В.** Записки о душе. Материалистический идеализм в европейском травелогe нового времени238
- Гуськов А.Г., Рогожин Н.М.** Петр Великий и Россия (размышления о первом российском императоре)247
- Романовский В.К.** Великая русская революция в оценках политического мыслителя Н.В. Устрялова264
- Чураков Д.О.** Новейшая историография противодействия современным локальным гибридным войнам со стороны России277
- Жевалов С.А.** Мясопоставки в СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.287
- Ночвина Б.А.** Трансформация конституционного права Германии и Японии после Второй мировой войны298

Филологические науки (10.00.00)**Языкознание (10.02.00)**

- Гилева Е.С.** Заимствования экономической сферы в современных арабском и русском литературных языках (фонетико-графический аспект)307

Анисимова О.С., Соколова Г.Г. Пословица с отрицанием как речевое действие (на материале французского языка)	315
Жантурина Б.Н. Произвольный синтаксис в практике поэтического перевода	322
Жорж Т.К. Испаноязычное стихосложение: сложности рецепции для русскоязычного студента	332
Тимофеева А.А. Лексические особенности репрезентации понятия «сверхъестественное» в романе У. Коллинза «Отель с привидениями» и его переводе на русский язык	339
Корецкая О.В. Лингвостилистические особенности политической риторики Дональда Трампа	349
Солдаткина Я.В. Понятие «медиасловесность» и актуальные процессы в современной культуре	356
Сарин Лина. Блоголитература как новая литературная форма и издательская стратегия	369
Милославская З.А. PR-журналистика как продукт гибридизации журналистского и PR-текста	377
Мамедов А.Н. Реализация основных коммуникативных стратегий и тактик в текстах печатной немецкоязычной рекламы	389
Литературоведение (10.01.00)	
Нагайцева К.А. Античная традиция в цикле «Португальские сонеты» Элизабет Барретт Браунинг	401
Переводы	
Софронова Л.В., Романова М.В. Краткая автобиография Эразма Роттердамского	421
Научная хроника	
Нефедова Л.А. Языковая глобализация и немецкий язык	435

SCIENCE, EDUCATION, CULTURE

Philosophy and History in Education

Goncharov M.A. Record Keeping Documentation as a Historical and Pedagogical Source of Research in the Field of History of Education and Educational Thought.9

Ivochkin D.A. Statistical Publications of the Second Half of XIX – Early XX Centuries as a Source on the History of the Diocese of Smolensk.24

Profession Education Pedagogy

Ananin D.P. Non-Traditional Students in the Higher Education System of Germany31

Gorovaya V.I., Shevchenko G.I. Sustainability of the Professional Ideal of the Future Teacher as the Factor of Effectiveness of the Upcoming Activity41

Soldatova I.N. Issues of Education of Aesthetic Meaning of Life in Students: “Minutes of Immersion in Beautiful”48

Mironchuk E.V. Monitoring of Formation of Professional Competence of Students – Future Teachers by Integrating General and Theatre Pedagogy56

Education Topics and Techniques

Lomonosova N.V. Basic Principles of Designing the System of Blended Learning at the University64

Kirkolup E.R., Kirkolup O.V., Leskova S.S., Pupyrev N.P., Trukhacheva N.V. Organization of Interactive Communication in E-Learning72

Dmitriev Y.A., Frolova A.A. Active Teaching Methods in Training Teachers: Business Game and Training Organization of Interactive Communication in E-Learning84

Kirillova E.B., Bgantseva I.V., Bozhenova N.A. Development of Cultural and Professional Competencies of Bachelors of Adapted Physical Education in Teaching Foreign Languages97

Anfalov E.V. Model of Forming Reflexive and Predictive Competence of Cadets of Military Higher Education Institutions105

Education and Language

Tsarkova V.B. The Status of an Individual of Cultures Dialogue in the Process of Foreign Languages Education.115

Ignatenko I.I. Formation of Master Students’ Autonomy in Learning a Foreign Language120

Moisa E.S. Paradigm of Teaching Inter Language Communication the Master Students of Technical Universities When Studying English127

Gladysheva N.N. Possible Ways of Modelling the Exercises for Developing Speech Grammar Skills at University Level132

Rimondi Giorgia. Socio-Cultural Profile of the Students Attending Courses of Russian as a Foreign Language in the Space of Russian Higher Education (On the Basis of a Survey Conducted at the Faculty of Philology).138

Education and Culture

- Skurydina E.M., Erokhina P.V.** Folk Pedagogics in Modern Special Religious Community of Old Believers (Spiritually-Moral Education)150

Education and Art

- Chekantsev P.A.** Modern Visual Culture and Problems of Art Education.163
- Samoylova O.A.** Art Education System of 1950–1960-ies. Through the Prism of Mimesis170
- Akhmedova N.M.** Development of Interest to Portrait Painting in Students of Pedagogical Higher Educational Institutions of Artists of Uzbekistan176

Education and Music

- Stulov I.H.** Specifics of the Work with the Voices of Pop Singers182
- Udin A.P., Han Mo.** Traditions of the Russian Piano School and Modern Teaching Practice in Music Schools of China187

Education and Physical Culture

- Kuzmenko G.A., Kabanova E.A.** Individualization of Sports Training of Young Judoists Aged 15-16 Based on Parameters Analysis of Competitive Activity and Effectiveness of Intelligent Solutions199
- Monakhova E.G.** Features of Physical Training of Athletes-Dancers213

FUNDAMENTAL SCIENCE TO HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS

History

- Khazina A.V., Basov A.U.** The “Sacred King” Mythologeme in the Euhemerus’ Hellenistic Utopia, and the Political Praxis of Hellenism229
- Shpak G.V.** Notes on the Soul. Materialistic Idealism in European Travelogue of Modern Times.238
- Guskov A.G., Rogozhin N.M.** Peter The Great And Russia (Reflections About The First Russian Emperor)247
- Romanovskiy V.K.** The Great Russian Revolution in the Evaluation of Political Thinker N.V. Ustryalov264
- Churakov D.O.** The Newest Historiography of Russia’s Counteraction to Modern Local Hybrid Wars277
- Zhevalov S.A.** The Supply of Meat in the USSR During The Great Patriotic War of 1941–1945.287
- Nochvina B.A.** Transformation of Constitutional Law in Germany and Japan After The Second World War.298

Linguistics

- Gilyeva Eu.S.** The Borrowings in the Economic Sphere of the Modern Literary Arabic and Russian Languages (The Phonetic-Graphical Aspect)307
- Anisimova O.S., Sokolova G.G.** The Proverb with Negation as a Speech Act (On the Material of French Language)315
- Zhanurina B.N.** Dislocated Syntax in Poetic Translation322
- George T.K.** Spanish-Language Versification: Difficulties of Reception for the Russian-Speaking Students.332
- Timofeeva A.A.** Lexical Features of the Concept “Supernatural”

in W. Collins's Novel "The Haunted Hotel" and Its Translation Into Russian	339
Koretskaya O.V. Linguostylistic Features of Donald Trump's Political Rhetoric	349
Soldatkina Ya.V. The Concept of "Intermedia Art" and Current Processes in the Contemporary Culture	356
Sareen Leena. Blog Literature as a New Literary Form and Publishing Strategy	369
Miloslavskaya Z.A. PR-Journalism as a Product of Journalistic and PR-Text Hybridization	377
Mamedov A.N. Implementation of the Main Communicative Strategies and Tactics in the German Print Advertising Texts	389
Study in Literature	
Nagaytseva K.A. Antique Tradition in the Cycle "Sonnets from the Portuguese" By Elizabeth Barrett Browning	401
Translations	
Sofronova L.V., Romanova M.V. Brief Autobiography of Erasmus of Rotterdam	421
Scientific Chronicle	
Nefedova L.A. Language Globalization and German	435

УДК 93/94, 904
ББК 63.3(0)

МИФОЛОГЕМА «СВЯЩЕННОГО ЦАРЯ» В ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОЙ УТОПИИ ЭВГЕМЕРА И ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРАКСИСЕ ЭЛЛИНИЗМА

А.В. Хазина, А.Ю. Басов

Аннотация. Статья посвящена анализу эллинистического утопического нарратива «Священной записи» Эвгемера Мессенского, сохранившегося в переложении Диодора Сицилийского и имеющего неоднозначную оценку в историографии античной утопической мысли. На основе компаративного анализа текста Эвгемера и источников, содержащих сведения о развитии царского культа в эллинистическом мире, выясняется, имел ли монархический элемент решающее значение в утопическом конструировании и был ли он близок мифологеме «священного царя», служившей основой идеологии царской власти в эллинистических монархиях. Авторы приходят к выводу, что нет веских оснований интерпретировать сочинение Эвгемера как утопию, содействующую развитию «монархической пропаганды». Вероятно, институт царской власти сохраняется в его проекте только в виде «исторической реликвии».

Ключевые слова: Эвгемер, эллинистическая утопия, мифологема царя, культ правителя, эллинизм.

229

THE "SACRED KING" MYTHOLOGEME IN THE EUHEMEROS' HELLENISTIC UTOPIA, AND THE POLITICAL PRAXIS OF HELLENISM

A.V. Khazina, A.U. Basov

Abstract. The article is devoted to the analysis of the Hellenistic utopian narrative, so-called "Sacred Record" by Euhemerus of Messen, which had been conserved in the translation of Diodorus of Sicily and was later ambiguously estimated by the historiography of ancient utopian thought. On the basis of the comparative analysis of the text of Euhemerus as well as its sources witnessing to the development of the royal cult in the Hellenistic world, the authors make an attempt to find out if it was the monarchical element that contributed a lot to the design of utopias and if it was linked to the mythologeme of the "sacred king", which served as the basis for the ideology of royal power in the Hellenistic Monarchies. The authors come to the conclusion that there are no convincing reasons to interpret the work of Euhemerus as a utopia that promotes the devel-

opment of "monarchist propaganda". The institution of royal power is rather preserved in his project only in the form of a "historical relic".

Keywords: *Euhemerios, the Hellenistic utopia, mythologema king, the cult of the ruler, Hellenism.*

«Священная запись» Эвгемера Мессенского (340–260 гг. до н.э.) – источник, получивший в историографии условное название – утопия Эвгемера. Сам текст дошел до нас в переложении Диодора Сицилийского и представляет собой описание трех вымышленных островов, расположенных в Эритрейском море (Diod. V. 41. 4) [1]. Один из них – Священный остров Панхайя – особо выделяется Эвгемером. Используя метод автопсии (описания очевидца), он повествует о Панхайе как об идеальном топосе с наилучшим общественным устройством, который ему удалось воочию увидеть.

Этот источник был, вероятно, более обширным и сложным по содержанию. Судя по отрывкам, приведенным у Евсевия Кесарийского и Иоанна Малалы, утерянная часть текста представляла собой теологические рассуждения о земных богах. Собственно античным и христианским авторам Эвгемер был интересен, прежде всего, как создатель оригинальной теории происхождения богов [2], согласно которой олимпийские боги были выдающимися людьми, которые за свои благодеяния удостоились божественного статуса или сами учредили свой культ (Cicero. De N. D. I. 42, 119; Plin. Nat. h. II. 5.18-19; August. De C. D. VI. 7.1; VII. 27.1).

Многоплановость и фрагментарность текста Эвгемера затрудняют

его понимание и обуславливают различные интерпретации в историографии. Так, Ф. Якоби [3, s. 952 ff.], С.Г. Степанов, Ж. Тондрио, Л. Серфо [4, p. 77], М.К. Трофимова [5, с. 261] выдвинули тезис о всецело теологической и в этом смысле «антиутопической» направленности «Священной записи», в которой не следует искать самостоятельной политической концепции.

И все же «живым» фоном для развития своей мысли о богах Эвгемер выбирает совершенно определенный уклад общественной жизни, достаточно подробно разбирая структуры власти, сословного деления, хозяйственную этику. Вопрос о том, какой характер носит выдвинутый Эвгемером «проект» государственного устройства, является наиболее дискуссионным в историографии утопии.

По мнению М.И. Ростовцева [6, s. 282], М. Цумшлинге [7, s. 82] и М. Финли [8, p. 187], Эвгемер стремился к идеалу корпоративности и жесткой кастовости, ориентируясь на «египетскую модель»; положение же панхайского царя аналогично статусу эллинистических монархов. Альтернативной точки зрения придерживается В.А. Гуторов. Он полагает, что в плане политических ориентаций Эвгемер отказывается от индийского и египетского образцов, так как власть жреческой аристократии основывается не на политическом угнетении, а на добровольном

подчинении, и игнорируется идея «прерогативы царской власти» [9, с. 230]. В интерпретации Г. Браунерта «Священная запись» – образец произведения, называемого в историографии «зеркалом для монархов» и содействующего в эллинистическую эпоху развитию «монархической пропаганды» [11, s. 66].

Узкие рамки статьи позволяют остановиться только на одном аспекте этой большой проблемы. Имел ли монархический элемент решающее значение в утопии Эвгемера и был ли он близок мифологеме «священного царя», служившей основой идеологии царской власти в эллинистических державах? Поскольку одной из идеологических потребностей эллинистических царств была потребность в особой «государственной утопии», предполагавшей достижение «счастливого» состояния общества «здесь и сейчас». Чаще всего она связывалась с деятельностью «мудрых монархов» и отражалась в развитии царского культа на протяжении III–I веков до н. э.

Власть новой сакрализованной монархии мыслилась как «благотворная» и «мироустроительная» по своему характеру, что служило дока-

зательством легитимности правления каждой новой династии¹.

Мифологема «священного царя» аналогична культу Зевса в тексте Эвгемера. В книге V рассказывается о «самообожествлении» Зевса, то есть об установлении им самим собственного культа (Diod. V. 46. 3). Рефреном идут слова: «когда он был среди людей и царствовал над всей ойкуменой». Именно тогда Зевс привел в Панхайю богов с острова Крита, тогда же им было основано и святилище, в котором Зевс оставил надписи (Diod. V. 46. 3). В дальнейшем объясняется, что в храме «возвышается огромная золотая стела с нанесенными на нее знаками, которые египтяне называют священными». Надпись перечисляет деяния Урана и Зевса, «видимо, и те, о которых мы узнали выше» (Diod. V. 46.7).

Эвгемер здесь фактически излагает версию возникновения божественного культа. Зевс не называется прямо ни человеком, ни богом², но, как отметила М.К. Трофимова, такая неопределенность предполагает намек на будущее, когда «мироустроительные» деяния Зевса сделают его «сакральным».

Но как персонифицировать Зевса, когда он «был среди людей». Об-

231

¹ Иногда и гражданская община провозглашала себя державным демосом, но свои полномочия она приравнивала к полномочиям царя, компенсируя, тем самым, реальную зависимость от царской власти или подражала методам эллинистических монархов, укрепляя свою власть над подчиненными территориями. Культ Демоса существовал на Иосе — вместе с культом Антигона, на Родосе и в родосских владениях — вместе с местными божествами; в Афинах существовал темен Демоса и Харит. О культе Демоса обширный материал приводится в исследовании П. Хермана [12, s. 29 ff.].

² Тогда как обожествленные эллинистические монархи воспринимались скорее равными богам, но не отождествлялись с богами в прямом смысле слова, как отмечает Е. Вилль, сочетая в себе божественную и человеческую природу [13, p. 349 ff.]. Так, почести, оказываемые Птолемею Сотеру [14, с. 190] назывались в надписи «равнобожеские», значит, царь приравнивался к божеству, но им не становился. И если в официальной фразеологии надписей встречаются словосочетания «Бог Антиох», «Богиня Аполлониды», то к имени Зевса или Афины слово «бог» не прибавлялось [15, p. 340].

ратим внимание на то, что в начале 46 главы Диодор, пересказывая Эвгемера, указывает не только на пребывание Зевса среди людей, но и на его царствование: «царствовал над всей ойкуменой» (Diod. V. 46. 3). Несколько раньше, в главе 44, восстанавливая этимологию названия священной горы, называемой «Олимп Трифилийский», Диодор передает легенду из «Священной записи» о том, что «когда Уран был царем обитаемой земли, он любил проводить время в этом месте...» (Diod. V. 44. 5). Следовательно, Уран и Зевс не просто находились среди людей, но царствовали, были царями всей ойкумены, затем сами установили свой культ. Божественность царей стала следствием их царственности.

Ближайшей параллелью здесь может быть развитие царского культа в эллинистическом мире III—I веков до н. э., когда вслед за Александром Македонским (Plut. Alex. 27) личное обожествление играло основную роль и являлось основой претензии на обладание царственностью, затем же, в условиях закрепления власти за определенными династиями, божественность царя стала следствием его царственности. Вероятно, на эвгемеровскую концепцию возникновения

божественного культа все же оказала влияние эллинистическая практика обожествления монархов³.

Так, Птолемеи были преемниками фараонов и на этом основании считались богами, они называли себя «правителями населенного мира», Антиох IV официально называл себя Эпифаном – явленным божеством и был Сотером не только отдельных городов, но и «Сотером Азии» (OGIS. 253) [17].

Но можем ли мы интерпретировать это влияние в идеологическом ключе как явное оправдание новых форм абсолютной власти?

В 42 и 44 главах, собственно описывающих образ жизни обитателей Счастливого острова и предшествующих подробному описанию панхайской конституции в 45 главе, также появляется тема культа Зевса, но речь идет скорее о причинах его возникновения. Здесь замечен новый акцент: теперь не Зевс выступает инициатором самообожествления, но сами жители почитают его, а некоторые и живут по его законам. Повторяются слова «καθ' ὅρμητόν ἐστι τοῖς θεοῖς... καθ' ὅρμητόν... θεοῖς», упоминаются равнина, посвященная (жителями острова. – А.Х., А.Б.) богам, «доходы, которые она приносит, тра-

³ Истоки царского культа эллинистических монархов исследователи видят в ряде явлений: в первобытном преклонении перед властью вождей, греческом культе героев, в представлении о божественной природе «Царственности» в Передней Азии, в обожествлении египетских фараонов. На один источник указывает сам Эвгемер. Надписи на золотой стеле в храме, перечисляющие деяния Урана и Зевса, Артемиды и Аполлона, были сделаны священными для египтян иероглифами. Сам текст надписи Эвгемер не приводит, может быть, она была пересказана в несохранившейся части «Священной записи». Но одним из вероятных своих прототипов она могла иметь реальные стелы египетских фараонов с надписями об их божественных деяниях. Так, на стеле Аменхотепа II из Мит-Рахине записано: «Благой бог, равный Ра, сын Амона, [находящийся] на престоле отца своего; он [Амон] создал его более могущественным и сильным, чем бывшие прежде; разбил его величество Нахарину, сокрушил лук его страну Нехси» и т. д. [16, с. 71]. Ср. с надписью на стеле Тутанхамона в Карнаке [16, с. 97].

тятся на жертвоприношения», а также высокая гора, посвященная богам, и «раз в году на этой горе жрецы с величайшей торжественностью совершают жертвоприношение» (Diod. V. 47. 7).

Если принять версию М. Цумшлинге о том, что Эвгемер отождествляет Зевса с Амоном, и предположение Й. Баунака о борьбе на Панхайе «благородных по происхождению», «доблестных» племен со «звериным» племенем дойев [17, s. 72], то деяния, за которые Зевс удостоился божественности, предстают следующим образом: борьба двух народов – благородных панхайев и диких дойев – завершилась благодаря вмешательству Зевса, который изгнал дойев с острова (Diod. V. 44. 5), полностью разрушил их города Дойю и Астерусию (Diod. V. 44. 5), а для оставшихся установил государственный строй, просуществовавший в неизменном виде на протяжении тысячелетий.

Таким образом, жители Священного острова могут почитать Зевса как Спасителя, Основателя и Благодетеля панхайских племен. Недаром Зевс наделен эпитетом – «Трехплеменный»⁴. Не вдаваясь далее в смысл обожествления Зевса, отметим вслед за Вендландом, что у Эвгемера оно приобретает значение «политической религии».

Вполне возможно, что активное участие жителей Панхайи в установлении и отправлении культа Зевса

выражало концепцию Эвгемера о героях, обоготворенных потомками за благодеяния, на которой, в свою очередь, отразилась специфика установления личных связей эллинистических царей и демоса, когда демос приносил жертвы царю как богу, но богом его объявлял сам демос [11, s. 29 ff.]. Особенно в период завоеваний Александра и борьбы диадохов самообожествление переплеталось с обожествлением, идущим снизу⁵. Во всяком случае, в отрывках из VI книги Диодора, дошедших до нас в передаче византийских хронистов, говорится и об усилиях самого Зевса в утверждении собственного культа (Diod. VI. 1), и подчеркивается инициатива тех, на кого распространялось благодеяние героя: «...Те боги, которых люди, почитая за благодеяния, называли бес смертными, родились людьми. Некоторые получили это имя после того, как покорили земли» (Diod. V. 1,2).

В главе 42 говорится также о существовании на острове города Панары. Эвгемер называет его «замечательным», ибо люди, живущие в нем, наслаждаются счастьем (Diod. V. 42. 5). Вероятно, Зевс покровительствовал этому городу, так как «его граждане называются просителями Зевса Трифилийского» (Ibid.). Особое счастье панарцев, по мысли Эвгемера, связывается с тем, что это «единственные обитатели Панхайи, живущие по законам, которые они сами

⁴ Наиболее характерными эпитетами обожествленных эллинистических царей были Сотер, Еввергет, Ктист, они отражали отношение царя и обожествившего его полиса.

⁵ Так, провозглашению Александра богом, сыном Амона, предшествовали слухи об особом расположении к нему богов. Рассказывали, что когда Александр шел по малоазийскому побережью, море отступило перед ним; по словам Плутарха, Каллисфен передавал, что во время похода через пустыню к храму Амона птицы показывали путь: они быстро летели вперед, когда люди шли за ними следом и поджидали отстающих (Plut. Alex. 27).

себе создают», поскольку «не имеют над собой царя».

Значит, устанавливая законы для граждан Панары, которые воплощают, по мысли Эвгемера, идеальный образ жизни, Зевс прежде всего определил автономный статус города, а в дальнейшем не передал никому свой царский титул, не оставив «заместителя или наместника»; сами же граждане, наслаждающиеся счастьем, не выбрали «Царствующего», но ежегодно выбирают трех архонтов (Diod. V. 42. 5). В свете всего вышеизложенного является вполне правомерным вывод о том, что для Эвгемера роль Зевса как Сотера, Эвергета и Ктиста носила объяснительный смысл и имела историко-ретроспективный характер. Из царя-демиурга Зевс превратился в «сакральное» божество⁶.

Благотворные и «мироустроительные» императорские потенции имели быстрый и непосредственный результат тогда, когда на Панхайе еще шла борьба племен, теперь же оптимальные и даже «идеальные» условия общественной жизни не связывались с монархическим элементом.

Равным образом это положение доказывает «конституция» и образ жизни остальных обитателей Священного острова, политическая структура которого представлена следующими элементами. На Панхайе есть царь. Судя по тому, что Эвгемер упоминает о нем один раз, в начале 42 главы, говоря о характере и способах получения царем доходов и не раскрывая компетенцию его власти,

можно судить о формальности монархического элемента в политической структуре Панхайи. Вся земля Священного острова поделена между его жителями, царь забирает себе ее лучшую часть и получает десятую долю произрастающих на острове плодов (Diod. V. 42. 1). Его роль ограничивается лишь выбором лучшей земли и получением десятины. Не являясь верховным собственником земли, царь не может регулировать хозяйственную деятельность жителей острова, впрочем, в его компетенцию не входит и решение никаких правовых вопросов, касающихся жизни общины, следовательно, и община реагирует на существование царской власти лишь одним (экономическим) способом – принося десятину.

Как отмечает В.А. Гуторов, отсутствует упоминание роли панхайского царя и в культовой сфере [9, с. 227]. Жители острова не воздают ему ни божественные, ни царские почести; сам же он лишен всякой роли (жреческой должности) в отправлении культа Зевса. Зачем тогда вообще Эвгемер вводит фигуру царя? Вероятно, царский элемент все же учитывается в панхайской конституции, об этом говорит и становление культа Зевса; можно согласиться с В.А. Гуторовым, определяющим положение панхайского царя как номинального наследника Зевса в его должности, «которому полагается лишь почетная рента» [там же, с. 232], и тем самым монархический элемент ограничивается только представительными функциями.

⁶ Следуя за М. Цумшлинге, В.А. Гуторов предполагает, что именно Панара явилась тем центром, где первоначально был учрежден культ Зевса, распространившийся в дальнейшем на весь Остров [9, с. 233; 7, с. 96; 10, с. 255].

В историческом контексте такая ситуация может рассматриваться как антитеза реального процесса становления царского культа⁷, когда искреннее обожествление с течением времени приобретало традиционно-формальный характер, а в некоторых местах, например, как в Афинах или малоазийских областях, подвластных Родосу, параллельно возникало два культа — царя и демоса: гражданская община приравнивала свои полномочия к царским, провозглашая себя державным демосом [20, p. 56].

Положение панхайского царя воспринимается и как антитеза реальной роли эллинистических монархов, рассматривающих себя как высшую инстанцию «закона», имеющих абсолютную власть над «завоеванной копьем» страной и внушающих местному населению, что именно они являются прямыми наследниками прежних династий [21, с. 29].

Так, династия Птолемеев считала себя наследниками Александра Македонского; с точки зрения греческого права, вся земля Египта стала их собственностью по праву завоевания. Разумеется, в Птолемеевском Египте складывалась сложная система владельческих и рентных земельных отношений, но вплоть до римского завоевания Птолемеи продолжали удерживать в качестве «царской» большую часть земель и сохраняли суверенные права на остальные категории земель [22, с. 280-347].

Как показывают сохранившиеся папирусы времени Птолемея II Фи-

ладельфа (285–246 гг. до н.э.), монопольное положение царя, как землевладельца, определяло роль государственного аппарата не только в земледелии, но и в других отраслях экономики: ремесле, торговле, транспорте, денежном хозяйстве [23, p. 187-196; 243-266]. Подобным образом складывалась ситуация и в государстве Селевкидов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Diodorus Siculus. The Library of History in Twelve Volumes with an English Translation by C. H. Oldfather. Vol. III. Books 4.59-8 [Text] / Diodorus of Sicily. — L., Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1970. — 448 p.*
2. *Euhemeri Messenii Reliquiae / Ed. by M. Winiarczyk [Text] / Eugemerus. — Stutgardiae et Lipsae: B.G. Teubner, 1991.*
3. *Jacoby, F. Euhemerus [Text] / F. Jacoby // RE (Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft). — 1909. — Bd. VI/I. — S. 952 ff.*
4. *Cefaux, L., Tondriau, J. Un concurrent du Christianisme: Le cult de souverains dans la civilization gréco-romaine [Text] / L. Cefaux, J. Tondriau. — Lovanii, 1956.*
5. *Трофимова, М.К. Эллинистические утопии [Текст] / М.К. Трофимова // Эллинизм: восток и запад. — М.: Наука, 1992. — С. 248-263.*
6. *Rostovzeff, M. Studien zur Geschichte des römischen Kolonats [Text] / M. Rostovzeff. — Leipzig, 1910.*
7. *Zumschlinge, M. Euhemerus. Staatstheoretische und staatsutopische Motive [Text] / M. Zumschlinge. — Bonn, 1976.*
8. *Finley, M.I. Utopianism Ancient and Modern [Text] / M.I. Finley // The Use and Abuse of History. — N.Y., 1975.*
9. *Гуторов, В.А. Античная социальная утопия: Вопросы истории и теории [Текст] / В.А. Гуторов. — Л.: ЛГУ, 1989. — 288 с.*

⁷ Ср. гипотезу О. Группе о том, что произведение Эвгемера — это сатира, написанная в целях борьбы с тенденцией обоготворения государей [19, s. 1515].

10. Хазина, А.В. Магия и оккультизм в религиозной ментальности эллинистического социума [Текст] / А.В. Хазина, Д.А. Струганов // Преподаватель XXI век. – 2015. – № 1. – С. 255-263.
11. Braunert, H. Staatstheorie und Staatsrecht im Hellenismus [Text] / H. Braunert // Saeculum. – 1968. – Bd. 19. Heft 1. – S. 47-66.
12. Hermann, H. Antiochos der Grosse und Teos [Text] / H. Hermann // Anatolia. – 1965. – Bd. 9. – S. 22-160.
13. Will, E. Le monde grec et l'Orient. T. II. [Text] / E. Will, Cl. Mosse, P. Goukowsky. – Paris, 1975. – 678 p.
14. Зельдина, О.М. Города в царстве Селевкидов в свете новой теосской надписи [Текст] / О.М. Зельдина // ВДИ. – 1978. – № 2. – С. 178-192.
15. Robert, L. Recherches sur les inscriptions grecques de l'Asie Mineure [Text] / L. Robert // Études anatoliennes. – 1937. – Vol. 39. – P. 399-402.
16. Хрестоматия по истории Древнего Востока. Ч. I [Текст] / Под ред. М.А. Коростовцева и др. – М., 1980. – 328 с.
17. Dittenberger, G. Orientis Graecae inscriptionis selectae. Vol. 1-2. [Text] / G. Dittenberger. – Lipsiae, 1903-1905.
18. Baunack, L. Hesychstudien [Text] / L. Baunack // Xenia Nicolaitana. Nicolaischule. – Leipzig, 1912. – № 1. – S. 60-108.
19. Gruppe, O. Griechische Mythologie und Religionsgeschichte [Text] / O. Gruppe. – München, 1906. – Bd. VI. – S. 1100-1121.
20. Sokolowski, F. Lois sacrées de l'Asie Mineure [Text] / F. Sokolowski. – Paris, 1955. – 215 p.
21. Хазина, А.В. От образов власти к власти образов: актуальные проблемы междисциплинарных гуманитарных исследований / Ф.В. Николаи, Л.В. Софронова, А.В. Хазина // Вестник Мининского университета. – 2013. – № 2 (2). – С. 29.
22. Зельин, К.К. Исследования по истории земельных отношений в эллинистическом Египте II-I вв. до н. э. [Текст] / К.К. Зельин. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1960. – 460 с.
23. Preaux, Cl. L'économie royal des Lagides [Text] / Cl. Preaux. – Bruxell, 1939. – 646 p.

REFERENCES

1. Baunack L., Hesychstudien, Xenia Nicolaitana, Nicolaischule, Leipzig, 1912, No. 1, pp. 60-108.
2. Braunert H., Staatstheorie und Staatsrecht im Hellenismus, Saeculum, 1968, Bd. 19, Heft 1, pp. 47-66.
3. Cefaux L., Tondriau J., Un concurrent du Christianisme: Le cult de souverains dans la civilization gréco-romaine, Lovanii, 1956.
4. Diodorus Siculus, The Library of History in Twelve Volumes with an English Translation by C.H. Oldfather. Vol. III. Books 4.59-8, London, Cambridge (Mass.), Harvard University Press, 1970, 448 p.
5. Dittenberger G., Orientis Graecae inscriptionis selectae. Vol. 1-2, Lipsiae, 1903-1905.
6. Euhemeri Messenii Reliquiae, Ed. M. Winiańczyk, Stutgardiae et Lipsae, B.G. Teubner, 1991.
7. Finley M.I., Utopianism Ancient and Modern. The Use and Abus of History, New York, 1975.
8. Gruppe O., Griechische Mythologie und Religionsgeschichte, München, 1906, Bd. VI, pp. 1100-1121.
9. Gutorov V.A., Antichnaya sotsialnaya utopiya: Voprosy istorii i teorii, St. Petersburg, 1989, 288 p. (in Russian)
10. Hermann H., Antiochos der Grosse und Teos, Anatolia, 1965, Bd. 9, pp. 22-160.
11. Jacoby F., "Euhemeros", in: Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft, 1909, Bd. VI/I, 952 ff.
12. Khazina A.V., Stroganov D.A., Magiya i okkultizm v religioznoy mentalnosti ellinisticheskogo sotsiuma, Prepodavatel XXI vek, 2015, No. 1, pp. 255-263. (in Russian)
13. Khrestomatiya po istorii Drevnego Vostoka, Part. I, ed. M.A. Korostovtseva, Moscow, 1980, 328 p. (in Russian)
14. Nikolai F.V., Sofronova L.V., Khazina A.V., Ot obrazov vlasti k vlasti obrazov: aktualnyie problemy mezhdistsiplinaryih humanitar-nyih issledovaniy, Vestnik Mininskogo universiteta, 2013, No. 2 (2), p. 29. (in Russian)
15. Preaux Cl., L'économie royal des Lagides, Bruxell, 1939, 646 p.
16. Robert L., Recherches sur les inscriptions grecques de l'Asie Mineure, Études anatoliennes, 1937, Vol. 39, pp. 399-402.

17. Rostovzeff M., *Studien zur Geschichte des römischen Kolonats*, Leipzig, 1910.
18. Sokolowski F., *Lois sacrées de l'Asie Mineure*, Paris, 1955, 215 p.
19. Trofimova M.K., "Ellinisticheskiye utopii", in: *Ellinizm: vostok i zapad*, Moscow, 1992, pp. 248-263. (in Russian)
20. Will E., Mosse Cl., Goukowsky P., *Le monde grec et l'Orient. Vol. II.*, Paris, 1975, 678 p.
21. Zeldina O.M., *Goroda v tsarstve Selevkidov v svete novoy teossskoy nadpisi*, *Vestnik drevney istorii*, 1978, No. 2, pp. 178-192. (in Russian)
22. Zelin K.K., *Issledovaniya po istorii zemelnykh otnosheniy v ellinisticheskom Egipte II-I vv. do n.e.*, Moscow, 1960, 460 p. (in Russian)
23. Zumschlinge M., *Euhemeros. Staatstheoretische und staatsutopische Motive*, Bonn, 1976.

Хазина Анна Васильевна, кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой, кафедра всеобщей истории, классических дисциплин и права, Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина, annh1@yandex.ru

Khazina A.V., PhD in History, Chairperson, World History, Classical Disciplines and Law Department, Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University, annh1@yandex.ru

Басов Александр Юрьевич, студент, Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина, basov160993@yandex.ru

Basov A.U., Student, K. Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University, basov160993@yandex.ru

УДК 93/94
ББК 63.3

ЗАПИСКИ О ДУШЕ. МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКИЙ ИДЕАЛИЗМ В ЕВРОПЕЙСКОМ ТРАВЕЛОГЕ НОВОГО ВРЕМЕНИ

Г.В. Шпак

Аннотация. В статье рассматривается важная для понимания исследовательской оптики Нового времени категория души. При сравнении травелогов XVII века с текстами второй половины XVIII – первой половины XIX века заметна трансформация авторских установок, сделавшая возможным включение в авторский инструментарий описания собственных ощущений, постоянной рефлексии и фиксации непримечательных перемен эмоционального фона. В результате пространство теряет свойства независимого объекта, становясь полем для выражения субъективности автора. На примере текстов Л. Стерна «Сентиментальное путешествие», Р.М. Цебрикова «Путешествие из Петербурга в Харьков» и М.Н. Загоскина «Москва и москвичи» проанализированы особенности новой субъективности травелога, выходящей за пределы традиции описания путешествия XVII – первой половины XVIII века.

Ключевые слова: травелог, материалистический идеализм, душа, интуитивное знание, история идей, интеллектуальная история, репрезентация пространства, репрезентация времени.

238

NOTES ON THE SOUL.MATERIALISTIC IDEALISM IN EUROPEAN TRAVELOGUE OF MODERN TIMES

G.V. Shpak

Abstract. The article deals with such category of research optics of Modern times as the soul. When comparing travelogues of the 17th century with texts of the second half of the 18th – the first half of the 19th centuries, one can notice the transformation of author's views which has made it possible to present personal feelings, constant reflection and fixing of apparently inconspicuous changes of an emotional background. The space loses properties of an independent object becoming the field for expressing the author's subjectivity. On the example of L. Stern's "A sentimental travel", R. M. Tsebrikov's "A travel from St. Petersburg to Kharkov", M.N. Zagoskin's "Moscow and

Muscovites” the features of the new subjectivity of the travelogue which is going beyond the tradition of the description of a travel of 17th – the first half of the 18th century are analyzed.

Keywords: *travelogue, materialistic idealism, soul, intuitive knowledge, the history of ideas, intellectual history, representation of space, representation of time.*

Репрезентация пространства – очень сложный и многослойный процесс. Формат травелога ставит автора перед необходимостью выбора одной из возможных стратегий фиксации реальности. Зачастую выбор этот имплицитен, и нам требуется особая оптика для вычитывания авторских стратегий. Отношение к пространству, акцентировка отдельных уровней реальности связана как с научной парадигмой, в которой работает автор, так и с традициями написания травелога, присущими эпохе и обществу, в котором возникает и которому адресуется текст. В данной статье автор ставит перед собой задачу рассмотреть травелоги, созданные в эпоху модернити, когда просвещение с идеалами разума взывало к рефлексии, а именно к критике, своеобразной экзаменовке рационального мышления. М. Фуко писал: «Критика – это своего рода книга о пределе разума, ставшего главным в Просвещении, а Просвещение, в свою очередь, – это век Критики» [1, с. 137]. На примере травелогов рассматривается новый тип восприятия пространства-времени, возникший как ответ на механистичность и имперсональность рационального восприятия реальности.

Существует немало исследований, рассматривающих предпосылки возникновения новых стратегий

репрезентаций в России последней четверти XVIII века. Стоит учесть, что аналитические традиции характерные для механистического описания, встречаются в европейских странах начиная с XVII века, а традиция сентиментального описания в это время только формируется, открывая новые когнитивные возможности для описания реальности. Как отмечал Артур Шёнле: «Во второй половине восемнадцатого столетия у русских путешественников, благодаря ослаблению профессиональной и культурной связности с Россией, отчасти и некоторому пониманию западных нравов, идей и языков, стало проявляться не только разнообразие интересов, но и способность к разным типам восприятия, начиная с острой аналитической критики и вплоть до экстатического эстетизма» [2, с. 7]. Мы не станем углубляться здесь в то, насколько верно А. Шёнле вычленяет предпосылки трансформации типов восприятия, – остановимся на том, что он называет «экстатическим эстетизмом».

Для начала рассмотрим травелог Р.М. Цебрикова «Путешествие из Петербурга в Харьков». Путешествие совершается в 1813–1814 гг. и содержит рассуждения, знаковые для рассматриваемой эпохи.

Ссылаясь на отсутствие времени для детальной фиксации передви-

жения, автор пишет: «Я предваряю вас, что описание мое будет походить на тело без души, на скелет сущий» [3, с. 31]. Сразу бросается в глаза дихотомия «душа – скелет». Душа, наделена положительными коннотациями, скелет – отрицательными. Душа – ключевое понятие, на которое ориентируются авторы рассматриваемых нами травелогов. Пространство больше не является отстраненным механизмом, как в текстах путешественников XVII–XVIII веков. Отныне это полотно, на которое автор наносит краски своего восприятия. Пейзаж становится одним из ключевых жанров живописи, сентиментальные зарисовки открывают для поэзии простого человека, государство перестает быть царством регламента и стремится стать царством людей. Человек становится объектом описания. Во многом это связано с научными программами Г.В. Лейбница и И. Канта, возникающими в XVII–XVIII веках, когда и происходит очередное переосмысление пространства. П. Гайденок пишет: «Пространство у Канта – это априорная форма созерцания, его невозможно мыслить, но оно не дается и через ощущения. Оно само есть условие познания чувственного мира» [4, с. 177]. В связи с подобной трактовкой, а также органистским представлением Лейбница о пространстве как сумме одушевленных монад, интуитивное восприятие мира приобретает большую познавательную силу, чем наблюдение. Отсюда вытекают и романтические травелогии и пейзажные описания, как способ фиксации пространства. Во

многом развитие подобного жанра связано с формированием камерного мира индивидуального человека. На это обратил внимание еще М. Бахтин, говоря об изменении восприятия природы в Древнем Риме: «Сама природа, вовлеченная в этот новый приватно-камерный мир, начинает существенно меняться. Зарождается “пейзаж”, то есть природа как кругозор (предмет видения) и окружение (фон, обстановка) вполне приватного и одиноко-бездействующего человека. <...> В камерный мир приватного человека природа входит живописными обрывками в часы прогулок, отдыха, в моменты случайного взгляда на раскрывшийся вид» [5, с. 179]. Однако характеристика души, как инструмента познания, представлена намного раньше – уже в диалогах Платона, ставившего под сомнение достоверность чувственного восприятия свойств вещей, но признававшего возможность познать вещь саму по себе с помощью души. Душа воспринимается и как мыслящий субъект и как книга, содержащая ключевые паттерны, определяющие наше восприятие реальности¹.

Вернемся к травелогу Р.М. Цебрикова. Говоря о необходимости фиксации увиденного, он пишет: «Вы сами знаете, что чувствования и мысли, при взоре на предметы рождающиеся, погружаются в бездну забвения, коль скоро рука с помощью пера или карандаша не переведет их из глубины сердца на бумагу в самую минуту появления их; итак, сие описание мое единственно зависеть будет от памяти, которая в теперешних летах моих ежечасно мне из-

¹ См. диалоги Платона «Филеб», «Теэтет», «Софист».

меняет» [3, с. 31]. В одном этом предположении уже видна суть произошедших трансформаций восприятия пространства-времени. Пространство как таковое больше не является объектом фиксации. Его место занимают чувствования и мысли, возникающие в момент взаимопроникновения авторского «я» и внешнего мира. Не случайно автор вспоминает про писательские инструменты – перо и карандаш, они являются своеобразными посредниками в цепочке «чувство – сердце – бумага».

Одним из ключевых инструментов познания у Лейбница является интуиция. «Лейбниц полагал, – пишет Ян Асмус, – что “первичное отчетливое понятие мы можем познать только интуитивно”, что “мы не имеем идей даже относительно тех предметов, которые мы познаем отчетливо, если мы не пользуемся интуитивным знанием”» [6, с. 19]. В письме к королеве Софье-Шарлотте Лейбниц отмечает: «Так как чувства и индуктивные заключения не могут дать нам вполне всеобщие и абсолютно необходимые истины, а говорят лишь о том, что есть и что обычно бывает в частных случаях, и так как мы тем не менее знаем всеобщие и необходимые истины наук, – в чем и состоит преимущество, возвышающее нас над животными, – то отсюда следует, что мы почерпнули эти истины в какой-то мере из того, что находится в нас...» [там же].

Не сразу можно понять, как быть исследователю, работающему в данной парадигме. Конечно, ничто не запрещает оперировать понятием «рацио» или делать умозаключения, ссылаясь на эмпирику, но истина будет идти от сердца. Источник сужде-

ний о пространстве настоящего – сердце, но стоит заметить, что настоящее не единственное измерение, которым оперирует автор. Прошлое порой даже превосходит в своем значении сиюминутность настоящего, а память является резервуаром, хранящим чувства и переживания былого. «Едва родится мысль, едва оживотворится чувство, как уже внезапно попираются другими мыслями, другими чувствами; не успеешь обдумать одного предмета, как уже представляется множество других, понуждающих делать новые суждения, новые по обстоятельствам соображения <...>» [1, с. 32]. Суждение теряет статус непреложности. «Мы все суть человеки», – пишет Цебриков, задаваясь вопросом о причинах войн. Нет ничего драгоценнее человеческой жизни, а она так хрупка. «Так, на поле вымышленной чести единый удар меча, штыка, ядра, картечи, бомбы, сих адских орудий, изобретенных умом человеческим на погубление человека человеком, прерывает драгоценнейшую нить нашей жизни, останавливает внезапно благороднейшие действия души нашей, прекращает... Но пора и мне прекратить бредни мои» [там же, с. 45].

Любопытно, что такое понятие, как соотечественник, особенно часто встречается в текстах от 1808 до 1825 года. Еще две наивысших точки частотности его употребления приходятся на годы Первой и Второй мировых войн, а также на постреволюционные годы. Можно сделать вывод, что уверенность в ближнем, обеспечиваемая принципом принадлежности к государству, становится особенно актуальной в годы острых социальных

потрясений. Показательным является диалог между Цебриковым и его попутчиком математиком – «Да почему вы считаете математиков неспособных к восчувствованию любовных прелестей? – Потому что они всегда заняты цифрами, в коих нет ни сердца, ни души. – Разве количество не есть тело? – Положим так, но только бесчувственное, бездушное; собирайте ваших количеств в длину, ширину, высоту, сколько вам угодно, все это будут одни неодушевленные цифры» [там же, с. 46].

Как видим, математические расчеты в рассуждении Цебрикова не могут служить основой истинного познания в силу отсутствия в числах душевного начала. Только душа и сердце могут привести нас к пониманию истины. В травелоге мы почти не встретим точных измерений, которых было множество, например, в травелоге Г.Ф. Миллера. Особое место отведено человеку, его чувствам и переживаниям. Даже сны, увиденные в пути, значат больше, чем окружающее пространство, так как сообщают нам об истинных «душевных» метаниях автора. Но не только собственная личность фиксируется в тексте Цебрикова. Критерии личности, заслуживающей внимания, к XIX веку сдвигаются. Французская революция и война способствует росту интереса к простым, ничем не примечательным людям. Причем зачастую стираются как социальные, так и национальные и религиозные границы: «Пусть в том и в другом от нас более отличаются монголы, китайцы, японцы, индиане, но и сии, а равно и другие народы, – все суть человеки, сотворенные тем же всемирным Отцом. Богом, которому и мы, и

они поклоняются, которого чтят, и коему служат» [там же, с. 44]. Можем найти в его травелоге и описание крестьянки, жалующейся на своего помещика, и старухи-прялки и встречного извозчика. Причем описание людей и цитирование их речей составляет значительную часть текста. Люди, таким образом, становятся объектом фиксации, сами выступая в качестве агентов репрезентации пространства.

Похожую оптику обнаруживаем в описании Москвы М.Н. Загоскина. Любопытно, что Михаил Загоскин приходится троюродным братом Лаврентию Загоскину, написавшему «Путешествие к американским берегам». Некоторые главы из произведения Михаила Загоскина «Москва и москвичи» по своему содержанию можно отнести к травелогам. Их сюжет строится в виде очерка поездок по Москве. К тому же сам феномен путешествия выступает в качестве объекта рефлексии: «У меня и теперь еще волосы становятся дыбом, когда я вспомню про эту каменную мостовую, перед которой всякая городская мостовая показалась бы вам гладким и роскошным паркетом, и эта-то мостовая была для путешественника отдохновением, когда он выезжал на нее, проехав верст триста по дорожной бревенчатой настилке, которую уж, верно бы, Данте поместил в свой ад, если б ему случилось прокатиться по ней в телеге верст полтора или двести» [7, с. 150].

Посетив московский кремль, Загоскин пишет: «Здесь все напоминает вам и бедствия и славу ваших предков, их страдания, их частные смуты и всегдашнюю веру в провиде-

ние, которое, так быстро и так дивно возвеличив Россию, хранит ее как избранное орудие для свершения неисповедимых судеб своих. Здесь вы окружены древнею русской святынею, вы беседуете с нею о небесной вашей родине. Как прилипший прах, душа ваша отрясает с себя все земные помыслы. Мысль о бесконечном дает ей крылья, и она возносится туда, где не станут уже делить людей на поколения и народы, где не будет уже ни веков, ни времени, ни плача, ни страданий...» [там же, с. 168]. Обратим внимание, что и в тексте Загоскина прослеживается тема единства людей и неделимости человечества. Здесь также душа выступает основным инструментом восприятия. В данном случае восприятия прошлого. Как и в травелогах Карамзина, непосредственно обозреваемое пространство неотделимо от коннотаций прошлого, вплетаемых автором в описание.

В тексте Загоскина сталкиваемся и с открытым вызовом материализму. Так, рассуждая о глупцах, он пишет: «Одним словом, эти господа походят на бесчисленные колеса какой-нибудь огромной и сложной машины; каждое из этих колес вертится очень хорошо на своей оси, но уж больше этого ничего и не требуют, само собою оно не зацепит другого колеса, не приведет в движение рычага, не заставит вертеться шестерню: для этого нужна мысль и воля великого художника, под творческой рукой которого все эти бесчисленные колеса будут действовать заодно: станут подымать тяжести, чеканить монету, прясть бумагу, ткать узорчатые ковры; как птица, полетят по железной дороге и, как рыба, без ве-

сел и парусов, вспашут волны беспредельного океана» [там же, с. 165]. Творческое начало ставится выше бездумного и бездушного механического воспроизведения. Как отметим далее, деление на живое (разумное, одухотворенное) и мертвое (бездушное, механическое) является общим местом в рассматриваемых текстах.

Загоскин приводит, возможно, и шуточный, но довольно характерный фрагмент из пьесы некоего Неофита Платоновича Ералашного «Душа в хрустальном бокале»:

«Ступай! – прогремел невидимый голос. – Ступай, гостя неземная; давно желанный час твоей свободы наступил! Ты путем страданий достигла до самопознания; для тебя нет вещественных преград!.. И вдруг с громовым треском блестящей пылью рассыпался хрустальный бокал, и обновленная душа на радужных своих крылах взвилась огненной струей к небесам. Как призраки, замелькали вокруг ее бесчисленные миры; казалось, они тонули в какой-то бездонной мрачной бездне, а душа парила все выше и выше! Она стремилась туда, где нет ни времени, ни пространства, – туда, где конечное, сливаясь с бесконечным, исчезает и в то же время живет новой, непостижимой для нас жизнью!» [там же, с. 232]. И снова душа выступает, в качестве наделенного сознанием субъекта. Обратим внимание на последнее предложение. Душа априори находится вне времени и пространства, именно это помогает ей быть наиболее объективным инструментом познания. Так или иначе, по мнению автора, душа вещественна и разумна.

Любопытно, что путешествия, совершенные в далеком прошлом, так-

же входят в травелог на правах воспоминаний о былом: «После нашей беседы удалился я в свою комнату отдыхать; тогда пришло мне на мысль вообразить отроческие мои занятия и прогулки в окрестностях города; между прочим, вспомнил я о путешествиях моих в отстоящий от города на десять верст Куряжский монастырь, на богомолье в день святого Георгия весною в мае месяце и в день Спаса летом» [1, с. 141]. Автор акцентирует наше внимание на том, какой эффект производит на него окружающее пространство, какие перемены в душе вызывает погода или напомнившее о прошлом сооружение. То есть мы наблюдаем, как фиксация материального мира заменяется демонстрацией чувственных образов реальности.

Одним из первых произведений, в котором четко выделяется описание пространства через чувственные образы, является «Сентиментальное путешествие» Л. Стерна (1768 г.). Доставая кошелек, чтобы подать милостыню, герой Стерна рассуждает: «Поступая так, я чувствовал, что в теле моем расширяется каждый сосуд – все артерии бьются в радостном согласии, а жизнедеятельная сила выполняет свою работу с таким малым трением, что это смутило бы самую сведущую в физике *precieuse* во Франции: при всем своем материализме она едва ли назвала бы меня машиной» [8, с. 544]. Автор проводит границу между живым и мертвым, человеком и машиной. Вспомним дихотомию «душа – скелет». Здесь сталкиваются две парадигмы – механистическая, в которой человек является механизмом, и органистская, в которой человек возносится до духа.

Стерн отмечает, что в путешествии, которое в том числе является метафорой жизни, наши фантазии, выраженные в духе, обладают подчас большим значением, чем непосредственно наблюдаемое и ощущаемое: «Милая податливость человеческого духа, который способен вдруг погрузиться в мир иллюзий, скрапывающих тяжелые минуты ожидания и горя! – Давно-давно уже завершили бы вы счет дней моих, не проводи я большую их часть в этом волшебном краю. Когда путь мой бывает слишком тяжел для моих ног или слишком крут для моих сил, я сворачиваю на какую-нибудь гладкую бархатную тропинку, которую фантазия усыпала розовыми бутонами наслаждений, и, прогулявшись по ней, возвращаюсь назад, окрепший и посвежевший» [там же, с. 612]. Дух становится эквивалентен сознанию, он рождает фантазии, способные отвлечь нас от жестокостей реальности, но в то же время и, напротив, способен преувеличивать негатив увиденного: «Душа наша приходит в ужас при виде предметов, которые сама же преувеличила и очернила; верните им их настоящие размеры и цвета, и она их даже не заметит» [там же, с. 698]. И снова именно душа является судьей, который отбирает окружающие явления и наделяет их смыслами. Сама реальность теряет свою форму. Она больше неподвластна нейтральному наблюдателю. Беспристрастная фиксация невозможно, ведь душа всегда влияет на наше отношение к увиденному, и сама отбирает факты, которые с помощью пера и чернил, будут запечатлены на бумаге.

Утирая слезы возлюбленной, герой Стерна чувствует то, что, по его

мнению, не может быть описано не математически, не эмпирически. Стерн пишет: «Когда я это делал, я чувствовал в себе неопишное волнение, которое, я уверен, невозможно объяснить никакими сочетаниями материи и движения. Я нисколько не сомневаюсь, что у меня есть душа, и все книги, которыми материалисты наводнили мир, никогда не убедят меня в противном» [там же, с.663]. Есть нечто недоступное математическому описанию, нечто остающееся скрытым, что можно объяснить только посредством души. Граница между материализмом и идеализмом четко видна во всех рассмотренных нами текстах – травелогах Л. Стерна (1768 г.), Р. Цебрикова (1813–1814 гг.) и М. Загоскина (1842–1850 гг.). В каждом из них, так или иначе, прослеживается особый тип репрезентации пространства и времени, в котором непосредственная реальность является только источником для проникнутых чувством зарисовок. Душа выступает в качестве инструмента фиксации реальности и наделяется положительными коннотациями в отличие от нейтрального математического анализа или механистического описания. Человек и его чувства становятся основным объектом авторского описания, сны и фантазии становятся инструментами передачи знания о реальности, прошлое, заключенное в настоящем, воздействует на автора так же, как погодные условия или окружающая природа, влияя на его чувства и направляя сюжетную линию его повествования.

А. Шёнле приводит характерный для русских путешественников начала XIX века эпитет, заимствованный

ими у Шарля Дюпати, путешественника, который наравне с Лоренсом Стерном считается одним из авторов первых сентиментальных травелогов: «Другие взяли бы мраморы, медали, произведения натуральной истории: но я привез ощущения, чувства и идеи» [2, с. 9]. Можно предположить, что этот поворот в рецепции и репрезентации пространства являлся одной из причин, сделавших травелог столь популярным жанром в России в конце XVIII–XIX веков, как это произошло в Англии в XVIII века: «Письма русского путешественника» Карамзина, впервые опубликованные в 1797 г., в течение тридцати лет были переизданы семь раз. Шёнле указывает, что до XIX столетия в России публиковались в основном травелоги в виде отчетов иностранных географов, переводы художественных травелогов, таких как произведения Свифта и Смоллета и хождения [там же, с. 10].

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что эпоха Просвещения с ее идеалами разума как высшей инстанции суждения выдвинула на первый план человека и его внутренний, скрытый от постороннего глаза мир. Формат травелога, в котором фиксируются впечатления от путешествия, требует открытого взаимодействия автора и пространства, что позволяет исследователям фиксировать субъективизацию рациональности во второй половине XVIII – первой половине XIX века.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Фуко, М. Что такое Просвещение? [Текст] / М. Фуко // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. – 1999. – № 2. – С. 132-149.

2. Шёнле, А. Подлинность и вымысел в авторском самосознании русской литературы путешествий. 1790–1840 [Текст] / А. Шёнле; пер. с англ. Д. Соловьева. – СПб.: Академический проект, 2004. – 272 с.
3. Цебриков, Р.М. Путешествие из Петербурга в Харьков [Текст] / Р.М. Цебриков; сост., авт. вступ. статьи и коммент. В.Ю. Ивашенко. – Харьков, 2013. – 236 с.
4. Гайдено, П.П. Эволюция понятия науки: Становление и развитие первых научных программ [Текст] / П.П. Гайдено. – М.: Наука, 1980.
5. Бахтин, М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике [Текст] / М.М. Бахтин // Вопросы литературы и эстетики. – М.: Художественная литература, 1975.
6. Асмус, В.Ф. Проблема интуиции в философии и математике (Очерк истории: XVII – начало XX в.) [Текст] / В.Ф. Асмус. – М.: Мысль, 1965.
7. Полное собрание сочинений М.Н. Загоскина в двух томах. Т. 2 [Текст]. – СПб: Изд. В.И. Губинского, 1902.
8. Стерн, Л. Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена. Сентиментальное путешествие по Франции и Италии [Текст] / Л. Стерн. – М.: Художественная литература, 1968. – 687 с.

REFERENCES

1. Asmus V.F., *Problema intuicii v filosofii i matematike (Ocherk istorii: XVII – nachalo XX vv.)*, Moscow, Mysl, 1965. (in Russian)
2. Bahtin M.M., “Formy vremeni i hronotopa v romane. Ocherki po istoricheskoi poezitike”, in: *Voprosy literatury i jestetiki*, Moscow, Hudozhestvennaya literatura, 1975. (in Russian)
3. Cebrikov R.M., *Puteshestvie iz Peterburga v Harkov*, ed. V.Ju. Ivashenko, Harkov, 2013, 236 p. (in Russian)
4. Fuko M., *Chto takoe Prosveshchenie, Vestnik Moskovskogo universiteta, Ser. 9. Filologiya*, 1999, No. 2, pp. 132-149. (in Russian)
5. Gajdenko P.P., *Jevoljucija ponjatija nauki: Stanovlenie i razvitie pervyh nauchnyh programm*, Moscow, Nauka, 1980. (in Russian)
6. *Polnoe sobranie sochinenij M. N. Zagoskina v dvuh tomah*, Izd. V. I. Gubinskogo, Sankt-Peterburg, 1902, t. 2. (in Russian)
7. Shjonle A., *Podlinnost i vymysel v avtorskom samosoznanii russkoj literatury puteststvij. 1790–1840*, Sankt-Peterburg, Akademicheskij projekt, 2004, 272 p.
8. Stern L., *Zhizn i mnenija Tristrama Shendi, dzhentlmena. Sentimentalnoe putesthestvie po Francii i Italii*, Moscow, Hudozhestvennaya literatura, 1968, 687 p. (in Russian)

Шпак Георгий Владимирович, магистр истории, аспирант, кафедра теории и истории гуманитарного знания, Российский государственный гуманитарный университет, geo.shpak@gmail.com

Shpak G.V., Master of History, Post-graduate Student, History and Theory of Humanitarian Studies Department, Russian State University for the Humanities, geo.shpak@gmail.com

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)511-06

ПЕТР ВЕЛИКИЙ И РОССИЯ (размышления о первом российском императоре)

А.Г. Гуськов, Н.М. Рогожин

Аннотация. *Статья посвящена общей характеристике деяний Петра I, трансформировавшего Московское царство в Российскую империю. Показано разнообразие мнений и оценок реформ начала XVII века, определявшееся глубиной и масштабностью преобразований во всех сферах жизни. Приводится описание побудительных мотивов монарха, его характера, привычек, внешнего вида. Основной целью деятельности определяется создание регулярного государства с четкой системой управления, сильными армией и флотом, процветающими условиями, основанной на идее «общего блага». В работе предпринимается попытка развенчания ряда мифов и легенд о Петре Великом.*

Ключевые слова: *Московское царство, Петр Великий, реформы, «общее благо», регулярное государство, просвещенная монархия.*

PETER THE GREAT AND RUSSIA (Reflections about the First Russian Emperor)

A.G. Guskov, N.M. Rogozhin

247

Abstract. *The article is devoted to the general characteristic of the acts of Peter I, who transformed Muscovy into the Russian Empire. It shows the diversity of opinions and assessments concerning reforms of the beginning of XVII c., which is defined by depth and scale of transformations in all areas of a life. Describes of incentive motives of the monarch, its character, habits, physical appearance is resulted. The main purpose of the activity is determined creation by regular State with a clear management system, a strong army and navy, prosperous estate, based on the idea of "common good". The paper attempts to debunk a number of myths and legends about Peter the Great.*

Keywords: *Muscovy, Peter the Great, reforms, the "common good", a regular state, an enlightened monarch.*

Многовековая история России богата разнообразными личностями. Тираны и подвижники, преобразователи и консерваторы, бескорыстные меценаты и жестокие палачи, самовлюбленные эгоисты и талантливые полководцы. В числе правителей государства, известных с IX века, можно найти множество имен, биографии которых известны сегодня узкому кругу специалистов. Однако сложно найти хоть одного человека, который не слышал бы имя Петра I – царя, сделавшего Россию за время своего правления великой державой.

Споры вокруг его действий продолжают бесконечно. Одни считают монарха великим реформатором, который вырвал Московию «из тьмы веков» и сумел за короткое время сблизиться с европейскими государствами, поставив нашу страну в один ряд с мировыми державами той эпохи. Другие видят в Петре недалекого сумасброда, разрушившего «симфонию» народа и власти, уничтожившего естественный ход развития Святой Руси и заставившего православный люд уподобиться «еретическому» Западу, его нравам и обычаям. Закономерный итог отступления от «старины предков» видели и в смутных событиях начала XX века.

Антагонизм оценок петровских преобразований имеет давнюю традицию. Еще при жизни императора, наряду с панегириками сторонников реформ, появляется огромное число недовольных разрушением прежних устоев жизни. Многомиллионная масса простых крестьян не находила рационального объяснения введению иноземных обычаев, отказу от прежнего «благочестия», необходи-

мости тяжелейшего напряжения сил и существования на грани полного истощения. На протяжении всего XVIII столетия не утихали голоса, мечтавшие о возвращении «исконной» веры, об отказе от «школ мафематических и академий богомерзких». Многие староверы были готовы пожертвовать всем в борьбе с наследием «богопротивного» царя. Продолжатели же преобразований, в свою очередь, находили все новые аргументы для обоснования величия его свершений, что подтверждалось непрерывным ростом мощи и значения российской державы на мировой арене. В XIX веке наиболее ярким проявлением не утихавшей дискуссии стала полемика славянофилов и западников. Позже их аргументы и позиции станут своеобразной «лакмусовой бумагой» для оценки принадлежности полемиста к лагерю сторонников или противников деяний Отца Отечества.

Двойственность во взглядах на Петра встречалась как у непримиримых политических оппонентов, так и у приверженцев одного общественного строя. Так, два сторонника монархического правления – И. Солоневич и И. Ильин – приводили абсолютно несопоставимые мнения. Солоневич писал: «Вся та политическая конструкция, которая возведена была в России в результате петровских реформ, была нерусской конструкцией и никак не устраивала русский народ... Старая... Русь, политически стоявшая безмерно выше всех современных ей государств мира, петровскими реформами была разгромлена до конца» [1, с. 45, 48]. Оппонент же утверждал: «...главной заботой Петра

Великого было – пробудить в своем народе творческую инициативу и подсказать ей верное направление... Россия нуждалась в Петре Великом, чтобы осознать и развернуть свое великодержавие» [2].

Иногда противоречивые воззрения аккумулировались во взглядах одной личности. Ф.М. Достоевский, как пишет один из современных авторов, «буквально разрывался между взаимоисключающими оценками петровской реформы» [3, с. 820]. Аналогичную картину можно проследить в работах Н.М. Карамзина¹, А.И. Герцена². Интересно, что многие деяния монарха вызывали взаимоисключающие оценки. Так, указ об обязательном использовании одежды немецких или польских образцов, более практичной при активной деятельности или быстрого перемещения, по сравнению с прежней русской одеждой, у делового человека вызовет, несомненно, положительные эмоции. Однако, осознав, что 300 лет назад климат на территории России отличался значительной суровостью, а морозы в 30–40° могли держаться несколько месяцев, понимаешь, что старомосковские кафтаны, охабни и шубы с длинными полами и рукавами не являлись причудой «недалеких» сторонников «Домостроя». Аналогично обстояло дело с узаконениями в сфере строительства домов, изготовления тканого полотна и т.д.

Любопытна ситуация и с оценками национального строительства.

Одни полагали, что русский народ осознал свою идентичность благодаря Петру; другие утверждали, что он разрушил все исконно русское, привел к полной европеизации. По мнению Н.М. Карамзина, страсть к новым обычаям в его действиях «преступила... границы благоразумия» [4, с. 32], и в результате великий историк делает поразительное заключение социального характера: «Мы стали гражданами мира, но перестали быть в некоторых случаях гражданами России, – виною Петр» [4, с. 35].

Отдельно следует сказать о стремлении Петра I противопоставить Святой Руси светское государство и светскую культуру. Знаменитый историк русского православия А.В. Карташев, признавая ломку русской цивилизации правомерной, писал «Измена идеалу искупилась приобретением того, чего русскому православному народу не хватало для его же силы, то есть научного просвещения». Появились новая культура, наука, Ломоносов, «а через 100 лет величайшее русское явление – Пушкин... В Пушкине совершился первый блистательный синтез России Петра с Русью Святого Владимира» [5, с. 39]. Это был переход «от теократического средневековья к новогуманистической эпохе» [6, с. 105]. Уместно отметить, что сам великий преобразователь, по воспоминаниям его современника А.К. Нартова, «был истинный богопочитатель и блюститель

¹ Ср. его точки зрения в «Письмах русского путешественника» (1790) и «Похвальном слове Петру Великому» (1798) с позицией в «Записке о древней и новой России» (1811).

² Разнообразие взглядов А. И. Герцена легко прослеживается по работам 1833–1864 гг. См. антологию его высказываний о Петре в книге «Петр Великий: pro et contra» [3, с. 748, 758, 760, 764, 775–777, 783, 785].

веры христианской. Подавая многие собой примеры того, говаривал о вольнодумцах и безбожниках так: «Кто не верует в Бога, тот либо сумасшедший, или с природы безумный. Зрячий Творца по творениям познать должен» [7, с. 330].

Продолжающаяся и в настоящее время полемика свидетельствует о глубочайшей трансформации жизни Московской державы и населявших ее народов. Как писал в XIX веке историк М.П. Погодин, в руках преобразователя «...концы всех наших нитей соединяются в одном узле. Куда мы ни оглянемся, везде встречаемся с этою колоссальною фигурою, которая бросает от себя длинную тень на все наше прошедшее и даже застит нам древнюю историю, которая в настоящую минуту все еще как будто держит свою руку над нами и которой, кажется, никогда не потеряем мы из виду, как бы далеко ни ушли мы в будущее» [цит. по: 8, с. 186]. Получив власть в государстве, о котором жители Европы имели полумифические представления, Петр сумел буквально «ворваться» в систему международных отношений, заставив считаться с собой и чопорный французский двор, и хитроумных австрийских «цесарей». Передовая армия и морской флот, созданные в период его правления, нанесли поражение могущественной Швеции, считавшейся тогда самым сильным государством Северной Европы. Военные силы России на одном из этапов Северной войны даже позволили ей успешно противостоять враждебной политике «владычицы морей» Англии.

Конечно, зарубежные политические, дипломатические и торговые

деятели и раньше, в XVI и XVII веках, имели достаточно точные сведения о государственном устройстве России, ее армии, населении, нравах. Однако большинство простых жителей Европы всерьез считали, что по улицам российских городов зимою бродят медведи, что встречаются случаи людоедства... Близкое знакомство с подданными «герра Питера» (так монарха называли близкие друзья – европейцы) позволило развеять эти мифы: русские, как оказалось, такие же люди, как все, со своими достоинствами и недостатками. Тогда в далекую страну потянулись многочисленные специалисты, помогавшие преодолеть отставание России в области технических и научных знаний. В свою очередь, молодые русские дворяне стали приезжать для обучения на Запад, получая там ремесленные, военные и другие профессии. Так сложилась благоприятная обстановка для синтеза культур. Благодаря «окну в Европу», которое прорубил Петр, изолированность России осталась в прошлом.

Конечно, перемены происходили не в одночасье и затрагивали лишь привилегированные слои русского общества. Подавляющая часть крестьян еще долго жили старым порядком, многие нововведения приживались с трудом. Но начало было положено, направляющий импульс был задан (хотя некоторые полемисты до сих пор отрицают его востребованность). Возврат к прошлому, каким бы благостным оно ни представлялось, оказался невозможен. Пусть не все преобразования были необходимы, великими казались жертвы, а отторжение многого вызывало сожа-

ление, но все было не напрасно. Светило русской бюрократии, великий реформатор первой половины XIX века М.М. Сперанский, говоря об эволюции политической системы России в XVII–XVIII веках, совершенно объективно определил политическое значение эпохи Петра I: «Петр Великий во внешних формах правления ничего решительно не установил в пользу политической свободы, но он отверз ей двери тем самым, что открыл вход наукам и торговле» [9, с. 157]. В результате вызванные Петром к жизни новые веяния в области экономики, культуры, международных связей оказали мощное воздействие, и у преемников Петра I уже появляются идеи смены политической парадигмы в России. С Петра I государство в лице самого монарха, его премьер-министра, кабинета министров постоянно осуществляет контроль над экономикой страны и тем самым создается традиция государственного регулирования ее ключевых областей.

Эпоха Петра I оставила нам огромное культурное и материальное наследие. Одних только указов, собственноручно написанных царем, насчитывается несколько тысяч. Кроме того, монарх вел обширную переписку со своими друзьями и знакомыми, чертил карты и схемы, писал проекты регламентов и уставов, вносил правку в большинство государственных документов. К настоящему времени в России издано уже 13 томов его «Писем и бумаг» [10], — всего, что государь написал до 1713 г. (однако еще треть выявленных автографов царя-реформатора остается в рукописном виде). Сохранилось множество предметов лично-

го обихода Петра: одежда, оружие, инструменты, посуда, кареты, модели кораблей, пушек и т. д. Основные события его царствования нашли разнообразное художественное воплощение. В музеях страны хранятся многочисленные предметы, привезенные им из-за границы, доставленные по его указанию или специально изготовленные для него. Стоит особо отметить медали, которые царь приказал выпускать в честь каждой военной победы или других памятных событий. Заслуживают внимания города, к основанию которых он приложил руку: Бийск, Липецк, Лодейное Поле, Новосибирск, Петровск, Петродворец, Петрозаводск, Петрокрепость, Таганрог, Сестрорецк, Стрельня.

Но самый большой памятник царствованию Петра I — это, конечно, город Санкт-Петербург, новая столица Российского государства, воздвигнутая по его повелению и при его непосредственном участии. В центре города буквально каждая улочка, каждый дом дышат воспоминаниями о Петре, своем основателе, а многие дома и дворцы были построены или заложены при его жизни.

Личность великого реформатора не устает поражать своим многообразием. Одних он ошеломлял невероятной активностью, умением работать с крайним напряжением сил, стремлением доходить до мельчайших подробностей любого дела. Другие обращали внимание на грубость его нрава, жестокость к людям, непримиримость к инакомыслящим. Он мог быть требовательным и снисходительным, жестоким и милосерд-

ным, расточительным и скупым, бесстрастным и импульсивным.

Качества характера Петра, сложившиеся в обстановке стрелецких восстаний, потешных походов, посещений Немецкой слободы, с течением времени мало менялись. Он был искренне последователен в своих действиях и суждениях, безоговорочно верил в правоту перемен, инициированных им в России, постоянно проявлял готовность узнать и попробовать что-то новое, использовать это в практической деятельности. Петр часто совершал ошибки (а кто от них застрахован?), но эти ошибки, думаем, проистекали от его поспешности, стремительности, излишней самоуверенности. Его сложно обвинить в нерешительности, слабости, стремлении уйти от ответственности. Известный французский политический деятель и писатель Сен-Симон в своих мемуарах дал русскому царю колоритную характеристику: «Все обнаруживало в нем чрезвычайную обширность познаний и что-то постоянно последовательное. Он удивительно умел совмещать в себе величие самое высокое, самое гордое, самое утонченное, самое выдержанное, и в то же время нимало не стеснительное, как скоро он видел его обеспеченным перед другими. Царь умел совмещать это величие с учтивостью, которая также отзывалась величием; эту учтивость властелина он наблюдал повсюду, оказывал всем и каждому, но всегда в своих границах, смотря по достоинству лица» [11, с. 143].

Высочайшую оценку деятельности Петра дал брауншвейг-люнебургский посланник Фридрих Христиан Вебер в труде «Преображенная Россия»: «Никто, хорошо знаю-

щий этого монарха, не станет оспаривать, что он первейший и разумнейший министр, искуснейший генерал, офицер и солдат своего царства, ученейший из всех русских богословов и философов, хороший историк и механик, искусный кораблестроитель и еще лучший мореход. Но во всех этих знаниях имеет он очень ленивых и из-под палки действующих учеников. Военную часть поставил он на такую превосходную ногу и своих солдат (в особенности пехоту) довел до такой славы, что они не уступят никаким другим в свете, хотя, впрочем, имеют большой недостаток в хороших офицерах.

Одним словом, там, где у русских господствует страх и слепое повиновение, а не рассудок, там они будут впереди других народов, и если царь продержит еще скипетр свой только 20 лет, то он уведет страну свою, именно вследствие сказанного повиновения, так далеко, как ни один другой монарх в своем государстве» [12, стб. 1078].

Петр отличался высоким ростом, у него были крупные черты лица. Известны его огромная физическая сила, постоянное стремление куда-то спешить, двигаться, быстро перемещаться. Знавшие его отмечали некоторую резкость и угловатость его движений. В моменты сильного волнения лицо царя искажал нервный тик, возможно, из-за сильных психических потрясений юности. Сохранилось несколько описаний внешности царя. В книге, вышедшей в Лейпциге (1713), один из очевидцев писал: «Его царское величество высокого роста, стройного сложения, лицом несколько смугл, но имеет правильные и резкие черты, которые дают

ему величественный и бодрый вид и показывают в нем бесстрашный дух. Он любит ходить в курчавых от природы волосах и носит небольшие усы, что к нему очень пристало. Его величество бывает обыкновенно в таком простом платье, что если кто его не знает, то никак не примет за столь великого государя... Он не терпит при себе большой свиты, и мне часто случалось видеть его в сопровождении только одного или двух денщиков, а иногда и без всякой прислуги» [13, с. 77-78].

Более рельефным представляется словесный портрет, составленный в 1717 г. во время посещения Петром Алексеевичем Франции: «Царь очень велик ростом, несколько сутуловат и имеет привычку держать голову немного вниз. Он смугл, и в выражении лица его есть что-то суровое... особенно любит смотреть на воду... Царь встает рано, обедает около десяти часов, ужинает около семи и удаляется в свои комнаты раньше девяти... предпочитает соусы с пряностями, пеклеванный и даже черствый хлеб... ест много сладких апельсинов, груш и яблок...» [14, с. 145, 174, 165, 184].

Благодаря лаконичным запискам сержанта Никиты Кашина можем узнать редкие подробности о Петре: «...сам читал Апостол, голос сиповатой, не тонок и не громогласен, лицом смугл, ростом не малым, сутуловат; когда от пристани идет до церкви, из народа виден по не малому росту, головою стряхивал», «...ходит пешком, летом в кафтане, на голове картуз черной бархотной, а в осень в сертуке суконном серонемецком, в шапке белой овчинной калмытской на выворот», «кушал его ве-

личество очень мало и жаловал, чтоб было горячее» [15, с. 9-10].

Петр много путешествовал, постоянно переезжая с места на место, стремясь всюду успеть. Он был абсолютно безразличен к комфорту, что часто ставило в затруднение европейских распорядителей его визитов в ту или иную страну. Монарх всегда отказывался от роскошных особняков и апартаментов, предпочитая селиться в небольших зданиях с минимумом обстановки.

Любой житель «парадиза» (С.-Петербурга) мог внезапно увидеть его на пороге своего дома, оказаться с ним за одним столом, участвовать в очередной забаве. В.Ф. Берхольц писал в дневнике: «Мы узнали, что в этот день после обеда император со многими офицерами качался у Красных ворот на качелях, которые устроены там для простого народа по случаю праздника, что было уже один раз за несколько дней перед тем»; «У одного немецкого булочника, живущего в соседстве императорского Зимнего дворца, была свадьба... Император, вероятно, мимоездом, услышав музыку и любопытствуя видеть, как справляются свадьбы у этого класса иностранцев, совершенно неожиданно вошел в дом булочника с некоторыми из своих людей, приказал накрыть там два особых стола, один для себя, другой для своей свиты, и более трех часов смотрел на свадебные церемонии и танцы. Во все это время он был необыкновенно весел» [16, с. 26, 72].

По свидетельству современников, были у царя и свои слабости: «И не можно того думать, чтоб великой и неустрашимой герой боялся так малой гадины – тараканов: и на-

перед его едущаго кулиеры бежали и где надлежит быть станции осматривали, нет ли в избе тараканов, и по крайней невозможности таких изб обыскать не можно, то по дорогам ставили избы нарочные для охранения от сей гадины» [15, с. 15].

Распорядок дня Петра отличался большой напряженностью. Вставал царь за час-два до рассвета. С утра он занимался любимым токарным делом. Затем ездил на стройки или верфи. По возвращении он обедал и отбывал отдыхать на яхту. «После почиванья для прогуливания ездил на Петербургской остров, ходил по рядам на Гостинном дворе, торговал товары, но не приминет и кренделей купить и квасу выпить, все смотрел, чтоб порядочно было... В летнее и осеннее время по Переведенной и по протчим улицам ходит пешком...» [15, с. 15, 10]. Часто вместо утренней поездки и прогулки его величество работал над проектами указов, писал регламенты, правил уставы.

Почерк монарха был неразборчивым; к тому же, государь не обременял себя соблюдением грамматических правил. Но Петр оставил после себя громадное количество письменных источников, свидетельствовавших о развитости его интеллектуальных потребностей; многочисленные варианты различных регламентов, уставов, указов показывают напряженную деятельность преобразователя по воплощению идей «общего блага». Вся его переписка пронизана глубоким чувством личной ответственности за Россию и населявших ее людей.

Неугомонная натура и пытливый ум Петра приводили к потребности заниматься несколькими делами од-

новременно. Н. Кашин писал: «В великих трудах и в путешествиях не имел скуки, не охраняя своего здоровья, и ревнуя своей России, чтоб ее сделать славною ж непобедимою от протчих наций». Его трудолюбие вошло в легенду. По преданию, один из олонекских крестьян после общения с великим самодержцем воскликнул: «Вот царь – так царь! Даром хлеб не ел, пуще мужика работал» [17, с. 215].

Постоянный физический труд поглощал значительную долю энергии Петра до конца его жизни. Его виртуозность в токарном, слесарном, плотницком мастерстве поражала современников. Многие предметы личного обихода он изготовил собственными руками. Увлеченность обработкой дерева приводила к тому, что даже в военные походы царь брал с собой ремесленные инструменты. В одной из комнат Летнего дворца в Петербурге располагалась токарная мастерская, сплошь заставленная станками и материалами. Здесь Петр проводил все свободное время, нагружая работой мышцы и давая отдых уму. По свидетельству И.И. Неплюева, однажды во время экзамена по навигации самодержец дал ему поцеловать свою руку и сказал: «Видишь, братец, я хотя и царь, да у меня на руках мозоли, а все от того: показать вам пример и хотя б под старость видеть мне достойных помощников и слуг Отечеству» [18, с. 419].

Основной целью своих преобразований Петр считал стремление к достижению «доброго порядка». Великий реформатор не был новатором в этой области, идеи «общего блага»

занимали умы многих просвещенных монархов XVII–XVIII столетий. Однако в каждой стране они трансформировались под воздействием национальных особенностей.

Большинство проводимых Петром реформ было направлено на построение в России регулярного государства с четкой системой управления, сильными армией и флотом, процветающими сословиями. Но выстраивание «красивой» схемы, написание регламентов и инструкций не означали автоматического наступления благоденствия. Необходимо было добиться от всех слоев общества точного выполнения своих обязанностей, соблюдения норм и предписаний. Кроме традиционных средств устрашения (угрозы, жесткие законы, многочисленные органы наблюдения и контроля), важное место отводилось воздействию убеждением, попыткам воззвать к долгу и чести чиновников.

Венцом воспитательных предписаний Петра стало создание знаменитого «зеркала». Оно представляло собой трехгранную пирамиду с государственным орлом на вершине, каждая из сторон которой содержала особый указ царя. Первый, датированный 17 апреля 1722 г., назывался «О хранении прав гражданских»: «Понеже ничто так ко управлению государства нужно есть, как крепкое хранение прав гражданских, понеже всеу законы писать, когда их не хранить, или ими играть, как в карты, прибирая масть к масти, что нигде в свете так нет, как у нас было, а от части и еще есть, и зело тщатся всякий мины чинить под фортецию правды». Указ предписывал свято блюсти законы, верша все дела в точном со-

ответствии с уставами и регламентами. В спорных случаях требовалось обращаться в Сенат, который свое заключение представлял императору, выносившему окончательное решение. За любое нарушение полагалась казнь «без всякия пощады», с особой оговоркой: «и чтоб никто не надеялся ни на какия свои заслуги, ежели в сию вину впадет» [19, с. 107.]. Помещавшийся на «доску с подножием» и распространявшийся «во всех местах, начав от Сенату даже до последних судных мест, иметь на столе яко зеркало, пред очми судящих», данный указ заложил основу «зеркала».

Второе предписание, выпущенное 21 января 1724 г., регламентировало поведение должностных лиц и посетителей в присутственном месте: «Надлежит обретающимся... во всех судных местах всего государства судиям, и пришедшим пред суд, чинно поступать, понеже суд Божии есть». За брань и крик полагался штраф (возраставший в несколько раз при рецидиве нарушения) и арест, а за рукоприкладство – политическая смерть (то есть лишение всех прав, жестокое телесное наказание с последующей ссылкой в Сибирь) [20, с. 214].

Последний указ – «О важности государственных уставов и об обязательности знания служащими государственных учреждений законов и уставов», изданный 22 января 1724 г., грозил чиновникам наказанием за незнание законов, так как от них «зависит правое и неzasорное управление всех дел». При рассмотрении любых вопросов требовалось учитывать весь комплекс указов по данной проблеме и категорически запрещалось «неведением после от-

говариваться». Неоднократная провинность вела к лишению всех чинов и полной конфискации имущества [20, с. 216]. Последние два указа были вызваны делом П. Шафирова, вызвавшего сильный гнев Петра I. «Зерцало» полагалось держать на столе каждого присутствия (комиссии, коллегии, Сената и т.д.), чтобы любой служащий помнил строгость норм петровского законодательства. Петр придавал огромное значение инструкциям и наставлениям. При чем это касалось не только деятельности государственного аппарата, но и повседневной жизни людей. Великий реформатор писал: «Наш народ яко дети, неучения ради, которые никогда за азбуку не примутся, когда от мастера не приневолены бывают» [20, с. 150]. Учить подданных полагалось от рождения до самой смерти. За годы правления Петра, кажется, было выпущено больше законодательных актов, чем за все предшествующее столетие. Каждый петровский указ обязательно содержал три части: объяснение необходимости нормы, ее содержание и меру наказания за нарушение или несоблюдение предписания.

Но жестокость и суровость монарха проистекали вовсе не из желания причинять страдания. Нет, он все подчинял идее служения государству. А если на этом пути требовались жертвы, то ничего не попишешь. Идее «общего блага» Петр подчинил и собственную жизнь, эта идея стала основой его существования. Служение происходило с полной отдачей сил, с готовностью жертвовать всем ради интересов страны. И собственный пример царя должен был воодушевлять других, толкать их на подвиги

и свершения. Поэтому Петр, не задумываясь, брал в руки топор, лез на мачту, вставал к штурвалу корабля, выдирали зубы, стрелял из пушек, танцевал на ассамблеях и делал тысячи других вещей, которых, казалось бы, вовсе не полагалось делать монарху огромной державы. Во время одной из прогулок на лечебных водах, когда в 1720-е гг. у Петра возникли серьезные проблемы со здоровьем, он говорил: «Врачую тело свое водами, а прочих примерами; и в том, и в другом исцеление вижу медленное. Все решит время, на Бога полагая надежду» [21, с. 35].

Своим примером царь давал образец службы не только государству, но и самой самодержавной власти. Английский инженер Дж. Перри писал: «Царь обращает особенное внимание на то, чтобы его подданные сделались способными служить ему во всех этих делах. Для этой цели он не жалеет трудов и постоянно сам работает в среде этих людей...» [22, с. 179]. Тем самым происходило формирование основ новой, абсолютистской системы управления страной. По мнению известного современного историка Е.В. Анисимова, ее фундаментом явилась «идущая из древности традиция – отождествления власти и личности царя с государством. Апофеоз же этих идей наступил при Петре, что отразилось в полной мере в правовых нормах» [23, с. 33]. Иллюстрацией вышесказанного служит текст присяги государственных служащих, включенный в «Генеральный регламент» 1720 г. В нем нет ни одной фразы об интересах страны или общества, о благе государства. Все это, несомненно, подразумевалось монархом, но через клятву... «природно-

му и истинному государю, всепресветлейшему и державнейшему Петру Великому, царю и самодержцу все-российскому». Причем она относилась и к «законным наследникам, которые по изволению и самодержавной его царского величества власти определены, и впредь определяемы и к восприятию престола удостоены будут», и к «государыне царице Екатерине Алексеевне». Чиновники обязывались не просто добросовестно исполнять свои функции, но «верным, добрым и послушным рабом и подданным быть, и все к высокому его царского величества самодержавству, силе и власти принадлежащие права и прерогативы (или преимущества) узаконенные, и впредь узаконяемые, по крайнему разумению, силе и возможности, предостерегать и оборонять, и в том живота своего, в потребном случае не щадить, и притом, по крайней мере стараться, споспешествовать все, что его царского величества верной службе и пользе, во всяких случаях касаться может; о ущербе же его величества интереса, вреде и убытке, как скоро о том уведая, не токмо благовременно объявлять, но и всякими мерами отвращать и не допускать тщаться...» [24, с. 142].

Как государственный деятель Петр I полностью соответствовал идеалу просвещенного монарха. Он заботился об устройстве законов, армии, системы центрального и местного управления, нравственности и личной жизни подданных. В 1719 г. в одной из речей царь предельно точно сформулировал свое понимание долга самодержца: «...первые и главные обязанности монарха, призванного Богом к управлению целыми государствами и народами, состо-

ят в защите от внешних врагов и в сохранении внутреннего мира между подданными посредством скорого и праведного воздания каждому по справедливости. Долг монарха самому вести войска свои в бой и наказывать зло в лице людей, наиболее высоко стоящих по рождению или по богатству, совершенно так же, как и в лице последнего мужика» [цит. по: 25, с. 39]. Правоту суждений Петр обуславливал сакральным характером собственной власти: «Монархов власть есть самодержавная, которым повиноваться сам Бог за совесть повелевает» [24, с. 316].

В мемуарах А. Нартова сохранилась запись беседы самодержца с Я. Брюсом и А.И. Остерманом. В ней царь с откровенностью рассуждает о характере российской монархии в своем лице: «Говорят чужестранцы, что я повелеваю рабами, как невольниками. Я повелеваю подданными, повинующимися моим указам. Сии указы содержат в себе добро, а не вред государству. Английская вольность здесь не у места, как к стене горюх. Надлежит знать народ, как оным управлять. Усматривающий вред и придумывающий добро говорить может прямо мне без боязни. Свидетели тому – вы. Полезное слушать рад я и от последнего подданного; руки, ноги, язык не скованы. Доступ до меня свободен – лишь бы не отягощали меня только бездельством и не отнимали бы времени напрасно, которого всякий час мне дорог. Недоброхоты и злодеи мои и отечеству не могут быть довольны; узда им – закон. Тот свободен, кто не творит зла и послушен добру» [21, с. 82].

Становится понятно: предъявляя высокие требования к своим поступ-

кам, Петр и не думал щадить других. Известно, что в начале XVIII века произошло окончательное закрепощение крестьян с одновременным слиянием их в единое сословие, главная обязанность которого заключалась в выполнении повинностей. Однако многие забывают, что Петр поставил на службу государству и все остальные категории населения России.

В отношении дворянства был принят ряд указов, направленных на его привлечение к военной или гражданской службе. Для многих размеренная жизнь в имении сменилась полной опасностей пожизненной службой в армии и на флоте. Чтобы выявить всех укрывающихся, проводились регулярные смотры.

Такую же цель преследовал и Указ о единонаследии, вышедший 23 марта 1714 г. [26, с. 91-94]. Согласно ему, серьезно ограничивалось право дворян на распоряжение собственным землевладением. Все «недвижимое» имущество (земли, имение, дом) теперь запрещалось делить между наследниками, его можно было завещать только одному из сыновей. Остальных вынуждали «хлеба своего искать службою, учением, торгами и прочим», то есть заниматься активной военной или гражданской деятельностью. Если отсутствовал прямой наследник, все имущество отходило дальним родственникам при сохранении его неделимости. Указ был призван также сохранить крупное и среднее землевладение и препятствовать оскудению сильных родов. Однако новшество оказалось настолько непопулярным, что последовательно применялось только при жизни Петра I.

Независимо от желания законодателя, Указ о единонаследии имел еще один важный результат. Благодаря ему явочным порядком произошло уравнивание двух прежних форм дворянского землевладения – вотчины и поместья. Теперь уже вся земля без всяких условий оказывалась в наследственной собственности.

Значительную «тягость» для привилегированного сословия представляла и учебная повинность, то есть обязанность получить какое-либо образование. Под угрозой жестокого наказания недорослям (молодым дворянам) запрещалось жениться до поездки для учебы за границу или до окончания одной из российских школ и академий. Исключений не делалось ни для кого. Так, в наказание за организацию свадьбы для собственного сына, ехавшего волонтером во Францию, В.П. Шереметев, брат известного полководца, был арестован и направлен личным распоряжением Петра на «городовые работы» (заниматься тяжелым физическим трудом по благоустройству улиц). Лишь заступничество самого Бориса Петровича Шереметева, подкрепленное помощью А.Д. Меншикова, освободило нарушителя от тягостной обязанности.

В целом, вся деятельность Петра в стремлении достигнуть «общего блага» была пронизана идеей служения государству, всем его гражданам, независимо от богатства, общественного положения, вероисповедания, происхождения.

За прошедшие три столетия вокруг имени Петра I и его деяний сложилось множество мифов и легенд.

Сложность и многогранность его личности, разнообразие оценок его деятельности и суждений о ней привели к формированию противоречивого образа монарха в русском фольклоре. С одной стороны, Петр – некий «царь-мужик», великий полководец, лишенный дворянских предрассудков. Он борется, как равный, с драгунами, делит пищу и ночлег у костра с мужиками и солдатами, учит мужиков плести лапти, заставляет бояр трудиться вместе со всеми. С другой стороны, Петра осуждали за расправу над царевичем Алексеем, царицей Евдокией, за принятие иноземных обычаев, объявляли его Антихристом.

Одна из легенд гласила, что Петр – не настоящий царь, не «природный» наследник Алексея Михайловича, а сын какой-то немки из Немецкой слободы. По другой версии, его подменила сама Наталья Кирилловна. Часто звучал вариант о подмене царя во время Великого посольства. Основания народной молвы лежат в деяниях самого великого преобразователя: он и одевался «по-немецки», и приближал к себе иностранцев, и отвернулся от стародавних обычаев. Простым людям сложно было понять, что потребность в модернизации выросла не только из всего предшествующего развития страны, но в еще большей степени была инициирована общим развитием европейской цивилизации. А образцом для нее в данной исторической ситуации могли стать только страны Запада.

Множество слухов ходило вокруг пристрастия Петра к беспорядочному пьянству. Но, во-первых, основная масса этих известий исходила от ино-

странных посланцев в России, которым всегда было свойственно гипертрофировать пороки русских людей. Во-вторых, как же, несмотря на так называемый «патологический алкоголизм», великий преобразователь ухитрился составить сотни указов, отредактировать десятки уставов и регламентов, вести долгую, изнурительную войну, осуществить многочисленные реформы? В-третьих, умеренное употребление спиртных напитков было свойственно большинству людей той эпохи. Н.И. Павленко приводит интересные заметки современника-англичанина о нравах «туманного Альбиона»: «Пьянствовали и стар, и млад, притом, чем выше был сан, тем больше человек пил. Без меры пили почти все члены королевской семьи... Считалось дурным тоном не напиться во время пиршества... Привычка к вину, жертвой которого стал Шеридан, считалась своего рода символом мужественности во времена, когда крепко зашибал молодой Веллингтон, когда протестант герцог Норфолкский, упившись, валялся на улице, так что его принимали за мертвеца... В Лондоне насчитывалось 17 тысяч пивных, и над дверью чуть ли не каждого седьмого дома красовалась вывеска, зазывавшая бедняков и гуляк из мира богемы выпить на пенни, напиться на два пенни и проспать на соломе за даром» [27, с. 99].

Еще один миф возник в связи с так называемым «Завещанием» Петра. На настоящий момент достоверно установлено, что первый русский император не оставил завещания: это выдумка. Болезнь, от которой скончался великий реформатор, развивалась столь стремительно, что Петр не

успел назначить преемника. А согласно Указу о престолонаследии 1722 г., наследника трона должен был назначать сам государь. Если самодержцу не хватило сил произнести одно слово с именем нового правителя, то когда бы он мог успеть составить многостраничное «Завещание»?

История ложного «Завещания Петра Великого» – одно из проявлений мифологизации личности монарха-преобразователя, которая продолжает жить в сознании потомков. Истоки его появления уходят своими корнями в середину XVIII века, однако это «Завещание» почему-то извлекается на свет божий лишь накануне вторжения Наполеона в Россию. Понятно, что французскому императору было крайне важно представить в негативном свете политику Российского государства, против которого он собирался начать войну. Есть очевидная логика и в том, что Наполеон, имевший намерение добиться мирового господства, приписывал аналогичные планы своему предстоящему противнику. Бумагу эту, к появлению которой в 1757 г. приложил руку знаменитый авантюрист, «кавалер де Эон», извлекли из архивов парижского министерства иностранных дел и включили в изданную огромным тиражом пропагандистскую книгу «Развитие русской мощи». Любопытно, что даже во времена Людовика XV французские политики с недоверием отнеслись к этому «подлинному документу», привезенному де Эоном, а потому отправили его на вечное хранение.

В «Завещании» Петру I была приписана идея о том, что России необходимо осуществлять территориальную экспансию в северном, юж-

ном и восточном направлениях, вплоть до покорения значительной части Европы, Персии и Индии. Русский монарх якобы писал: «Я нашел Россию ручьем, а оставил ее рекой; мои преемники превратят ее в море, которое оплодотворит обнищавшую Европу...» Далее мысль развивалась таким образом: «Необходимо предложить отдельно и строго секретно Версалью, а потом Вене разделить с ними мировую империю. Если кто-либо из них согласится, что легко добиться, поощряя амбиции и самолюбие, то использовать его для разгрома другого; а затем раздавить оставшегося... Исход борьбы очевиден, ибо Россия уже владеет всем Востоком и большей частью Европы». Особое место в «Завещании» было уделено Польше: «Разделять Польшу, поддерживая там беспорядки, постоянные раздоры; привлекать вельмож, покупая их золотом; воздействовать на сеймы, разлагая их, чтобы влиять на выбор королей...» [28, с. 77-89; 29].

Понятно, что «оригинал» «Завещания» не сохранился, а позднейшие экспертизы доказали его полную несостоятельность. Даже простейший текстологический анализ текста показывал, что он составлялся не ранее второй половины XVIII века, так как включал речевые обороты, еще не встречавшиеся во времена правления Петра.

«Завещание» относится к тому типу фальшивок, которые порой действуют на сознание сильнее подлинных фактов и событий. Оно оказалось в дальнейшем востребовано ради воскресения мифа о «русской угрозе». Каждый раз, когда возникал конфликт между Россией и одной из европейских стран, вновь появлялись

ссылки на это «завещание». И тогда «независимые» журналисты, государственные деятели, беллетристы обращались к «указаниям Петра», «развечивая» завоевательные планы Российской империи в Европе и Азии. После Наполеона «Завещание» широко использовали во время Крымской войны (1853–1856) французы и англичане. О нем вспомнили в годы русско-турецкой войны (1878–1879), принесшей освобождение многим славянским народам. И, наконец, его активно использовала и немецкая пропаганда в 1914–1917 и 1941–1945 годы!

Самые точные слова, желая охарактеризовать жизнь и деяния Петра I, нашел великий Александр Пушкин:

То академик, то герой,
То мореплаватель, то плотник,
Он всеобъемлющей душой
На троне вечный был работник.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Солоневич, И.Л.* Народная монархия [Текст] / И.Л. Солоневич. – М., 2010. – 624 с.
2. *Ильин, И.* Национальная Россия: наши задачи [Электронный ресурс]. – URL: http://www.universalinternetlibrary.ru/book/68360/chitat_knigu.shtml (дата обращения: 20.02.2017).
3. Петр Великий: pro et contra [Текст] / Предисл. Д.К. Бурлаки, Л.В. Полякова, А.А. Кара-Мурзы; послесл. А.А. Кара-Мурзы; коммент. С.Н. Казакова, К.Е. Нетужилова. – СПб.: РХГИ, 2003. – 1024 с.
4. *Карамзин, Н.М.* Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях [Текст] / Н.М. Карамзин. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. – 127 с.
5. *Карташев, А.В.* Крещение Руси Святым князем Владимиром и его национально-культурное значение [Текст] / А.В. Карташев // Русское зарубежье в год тысячелетия крещения Руси: Сборник. – М., 1991. – С. 32–40.
6. *Карташев, А.В.* Воссоздание Св. Руси [Текст] / А.В. Карташев. – Париж, 1956. – 251 с.
7. *Карташев, А.В.* Очерки по истории русской православной церкви [Текст] / А.В. Карташев. – СПб., 2004.
8. *Анисимов, Е.В.* Петр Первый: рождение империи [Текст] / Е.В. Анисимов // История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории России IX – начала XX в. / Сост. С.В. Мироненко. – М., 1991. – 374 с.
9. *Сперанский, М.М.* Проекты и записки [Текст] / М.М. Сперанский. – М.: JL, 1961. – 245 с.
10. Письма и бумаги императора Петра Великого [Текст]. – СПб.; Пг.: М., 1887–2003. – Т. I–XIII.
11. Петр Великий [Текст] / Сост., вступ. ст. и примеч. Е.В. Анисимова. – М., 1993. – 446 с. – (Серия: Государственные деятели России глазами современников)
12. *Вебер, Ф.Х.* Записки Вебера [Текст] / Ф.Х. Вебер; [пер., примеч. П.П. Барсова] // Русский архив. – 1872. – Вып. 6. – Стб. 1057–1168.
13. Рассказы иностранца о Петре Великом [Текст] // Отечественные записки. – 1844. – Т. 34. – № 5–6. Науки и художества. – С. 77–87.
14. Сборник императорского Русского исторического общества [Текст]. – СПб., 1881. – Т. 34. – 560 с.
15. *Кашин, Н.И.* Поступки и забавы императора Петра Великого (Запись современника) [Текст] / Н.И. Кашин; [сообщ. и предисл. В.В. Майкова]. – СПб., 1895. – 22 с.
16. Дневник камер-юнкера Ф.В. Берхольца [Текст] / Ф.В. Берхольц, пер. с нем. И.Ф. Аммона. – М., 1903. – Ч. 4. 1724–1725 гг. – 148 с.
17. *Ключевский, В.О.* Сочинения. В 9 т. Т. 4. Курс русской истории. Ч. 4. [Текст] / В.О. Ключевский; под ред. В.Л. Янина. – М.: Мысль, 1989. – 398 с.
18. *Неплюев, И.И.* Записки [Текст] / И.И. Неплюев // Империя после Петра. 1725–1765. – М.: Фонд Сергея Дубова, 1998. – С. 385–448.

19. Воскресенский, Н.А. Законодательные акты Петра I [Текст] / Н.А. Воскресенский; под ред. Б.И. Сыромятникова. – М.; Л.: Издательство АН СССР, 1945. – 602 с.
20. Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Собрание 1-е [Текст]. – СПб., 1830. – Т. VII. 1723–1727. – 922 с.
21. Нартов, А.К. Достопамятные повествования и речи Петра Великого [Текст] / А.К. Нартов; предисл. и коммент. Л.Н. Майкова // Записки Императорской Академии наук. – 1891. – Т. 67. – Прил. № 6. – 138 с.
22. Перри, Дж. Состояние России при нынешнем царе [Текст] / Дж. Перри; [пер. с англ. О.М. Дондуковой-Корсаковой]. – М., 1871. – 195 с.
23. Анисимов, Е.В. Петр Великий: личность и реформы [Текст] / Е.В. Анисимов. – СПб., 2009. – 448 с.
24. Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Собрание 1-е [Текст]. – СПб., 1830. – Т. VI. 1720–1722. – 815 с.
25. Анисимов, Е.В. Время петровских реформ [Текст] / Е.В. Анисимов. – Л.: Лениздат, 1989. – 496 с.
26. Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Собрание 1-е [Текст]. – СПб., 1830. – Т. V. 1713–1719. – 780 с.
27. Павленко, Н.И. Петр Великий [Текст] / Н.И. Павленко. – М.: Мысль, 1994. – 591 с.
28. Козлов, В.И. Тайны фальсификации. Анализ подделок исторических источников XVIII–XIX веков [Текст] / В.И. Козлов. – 2-е изд. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 272 с.
29. Мнимое Завешание Петра I, его история и значение [Электронный ресурс]. – URL: http://www.historichka.ru/works/petr_I_zaveshanie/ (дата обращения: 20.02.2017).
30. Anisimov E.V., *Vremya petrovskikh reform*, Leningrad, Lenizdat, 1989, 496 p. (in Russian)
31. Anisimov E.V., Petr Pervyi: rozhdenie imperii, in: *Istoriya Otechestva: lyudi, idei, resheniya. Ocherki istorii Rossii IX – nachala XX v.*, comp. S.V. Mironenko, Moscow, 1991, 374 p. (in Russian)
32. Anisimov E.V., *Petr Velikii: lichnost i reformy*, St. Petersburg, 2009, 448 p. (in Russian)
33. *Dnevnik kamer-yunkera F.W. von Bergholtz*, trans. I.F. Ammon, Moscow, 1903, Part. 4, 1724–1725, 148 p. (in Russian)
34. Ilin I., *Natsionalnaya Rossiya: nashi zadachi*, available at: http://www.universalinternetlibrary.ru/book/68360/chitat_knigu.shtml (accessed: 20.02.2017). (in Russian)
35. Karamzin N.M., *Zapiska o drevnei i novoi Rossii v ee politicheskom i grazhdanskom otnosheniyakh*, Moscow, Nauka. Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury, 1991, 127 p. (in Russian)
36. Kartashev A.V., “Kreshchenie Rusi Svyatym knyazem Vladimirom i ego natsionalno-kulturnoe znachenie”, in: *Russkoe zarubezhe v god tysyachiletiya kreshcheniya Rusi: Sbornik*, Moscow, 1991, pp. 32–40. (in Russian)
37. Kartashev A.V., *Vossozhdanie Sv. Rusi*, Paris, 1956, 251 p. (in Russian)
38. Kartashev, A.V. *Ocherki po istorii russkoi pravoslavnoi tserkvi*, St. Petersburg, 2004. (in Russian)
39. Kashin N.I., *Postupki i zabavy imperatora Petra Velikago (Zapis sovremennika)*, St. Petersburg, 1895, 22 p. (in Russian)
40. Klyuchevskii V.O., *Sochineniya. V 9 vols., Vol. 4. Kurs russkoi istorii*, Part. 4, ed. V.L. Yanina, Moscow, Mysl, 1989, 398 p. (in Russian)
41. Kozlov V.I., *Tainy falsifikatsii. Analiz poddelok istoricheskikh istochnikov XVIII–XIX vekov*, 2nd ed., Moscow, Aspekt Press, 1996, 272 p. (in Russian)
42. *Mnimoe Zaveshanie Petra I, ego istoriya i znachenie*, available at: http://www.historichka.ru/works/petr_I_zaveshanie/ (accessed: 20.02.2017). (in Russian)
43. Nartov A.K., *Dostopamyatnye povestvovaniya i rechi Petra Velikogo*, predislovie i kommentarii L.N. Maikova, *Zapiski Imperatorskoi Akademii nauk*, 1891, Vol. 67, Pril. No. 6, 138 p. (in Russian)
44. Neplyuev I.I., “Zapiski”, in: *Imperiya posle Petra. 1725–1765*, Moscow, Fond Sergeya Dubova, 1998, pp. 385–448. (in Russian)
45. Pavlenko N.I., *Petr Velikii*, Moscow, Mysl, 1994, 591 p. (in Russian)
46. Perry J., *Sostoyanie Rossii pri nyneshnem tsare*, trans. O.M. Dondukovoi-Korsakovoi, Moscow, 1871, 195 p. (in Russian)

REFERENCES

30. Anisimov E.V., *Vremya petrovskikh reform*, Leningrad, Lenizdat, 1989, 496 p. (in Russian)
31. Anisimov E.V., Petr Pervyi: rozhdenie imperii, in: *Istoriya Otechestva: lyudi, idei, resheniya. Ocherki istorii Rossii IX – nachala XX v.*, comp. S.V. Mironenko, Moscow, 1991, 374 p. (in Russian)
32. Anisimov E.V., *Petr Velikii: lichnost i reformy*, St. Petersburg, 2009, 448 p. (in Russian)

47. *Petr Velikii*, comp. E.V. Anisimov, Moscow, 1993, 446 p. (in Russian)
48. *Petr Velikii: rgo et contra*, Predislovie D.K. Burlaki, L.V. Polyakova, A.A. Kara-Murzy, poslesl. A.A. Kara-Murzy, kommentarii S.N. Kazakova, K.E. Netuzhilova, St. Petersburg, 2003, 1024 p. (in Russian)
49. *Pisma i bumagi imperatora Petra Velikogo*, St. Petersburg, Petrograd, Moscow, 1887–2003, Vols. I–XIII. (in Russian)
50. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii, s 1649 goda. Sobranie 1st*, St. Petersburg, 1830, Vol. VII. 1723–1727, 922 p. (in Russian)
51. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii, s 1649 goda. Sobranie 1st*, St. Petersburg, 1830, Vol. VI. 1720–1722, 815 p. (in Russian)
52. *Razskazy inostrantsa o Petre Velikom, Otechestvennye zapiski*, 1844, Vol. 34, No. 5–6, Nauki i khudozhestva, pp. 77–87. (in Russian)
53. *Sbornik imperatorskogo Russkogo istoricheskogo obshchestva*, St. Petersburg, 1881, Vol. 34, 560 p. (in Russian)
54. *Sobranie zakonov Rossiiskoi imperii, s 1649 goda. Sobranie 1st*, St. Petersburg, 1830, Vol. V. 1713–1719, 780 p. (in Russian)
55. Solonevich I.L., *Narodnaya monarkhiya*, Moscow, 2010, 624 p. (in Russian)
56. Speranskii M.M., *Proekty i zapiski*, Moscow, Leningrad, 1961, 245 p. (in Russian)
57. Voskresenskii N.A., *Zakonodatelnye akty Petra I*, ed. B.I. Syromyatnikova, Moscow, Leningrad, 1945, 602 p. (in Russian)
58. Weber F.Ch., *Zapiski Vebera*, trans. P.P. Barsov, *Russkii arkhiv*, 1872, Ed. 6, pp. 1057–1168. (in Russian)

Рогожин Николай Михайлович, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, Центр истории русского феодализма, Институт российской истории, Российская академия наук, nmrogozhin@gmail.com

Rogozhin Nikolay, ScD in History, Professor, Chief Researcher, The Center of History of the Russian Feudalism, The Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, nmrogozhin@gmail.com

Гуськов Андрей Геннадьевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Центр истории русского феодализма, Институт российской истории Российской академии наук, guskov-andrei@mail.ru

Guskov A.G., PhD in History, Leading Researcher, The Center of History of the Russian Feudalism, The Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, guskov-andrei@mail.ru

УДК 947

ББК 63.3(2)

ВЕЛИКАЯ РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В ОЦЕНКАХ ПОЛИТИЧЕСКОГО МЫСЛИТЕЛЯ Н.В. УСТРЯЛОВА

В.К. Романовский

Аннотация. *Статья посвящена анализу взглядов Н.В. Устрялова на русскую революцию 1917 г. В трактовке политического мыслителя революция в России была исторически неизбежным и закономерным явлением и заключала в себе разрушительные и созидательные начала. Она являлась национальной по своему характеру, отражая радикальные идеи русской мысли и противоречивые свойства русского характера, и великой по масштабам и глубине преобразовательных процессов. В своем развитии русская революция, согласно Устрялову, прошла интернациональный и национальный этапы. На первом этапе большевики стремились воплотить в жизнь идеи военного коммунизма и мировой революции, на втором этапе (с весны 1921 г.) приоритетными стали задачи национального развития страны. Революция осуществлялась с участием широких масс города и деревни, проходила под руководством великого утописта и реалиста В.И. Ленина и имела огромное влияние на дальнейшее развитие России и всего мира. В заключение автор отмечает, что мысли и оценки Устрялова о русской революции актуальны для современного осмысления событий столетней давности.*

Ключевые слова: *Н.В. Устрялов, причины, сущность, этапы революции, интеллигенция, народ, влияние революции.*

THE GREAT RUSSIAN REVOLUTION IN THE EVALUATION OF POLITICAL THINKER N.V. USTRYALOV

V.K. Romanovskii

Abstract. *The article analyzes the N.V. Ustryalov's views on the Russian Revolution of 1917. According to this political thinker, the revolution in Russia was historically unavoidable and logical, and had both destructive and constructive potential. It was national by its nature and reflected the radical ideas of the Russian thinking and controversial traits of the Russian character. It was great by its scale and by the depth of its transformational processes. In its development, the Russian revolution, according to Ustryalov,*

went through the international and national stages. In the first stage the Bolsheviks tried to implement the ideas of military communism and world revolution, while in the second stage (since the spring of 1921), the task of the state national development became a priority. The driving force of the revolution was the city and country population, and the leader was the great utopian and realist V.I. Lenin. The revolution played an important role for the further development of Russia and the whole world. In conclusion, the author points out that Ustryalov's ideas and evaluation of the Russian revolution remain topical for the modern understanding of the events that happened hundred years ago.

Keywords: *N.V. Ustryalov, reasons, essence, stages of the revolution, intelligentsia, people, influence of the revolution.*

По истории русской революции опубликовано огромное количество исследований. Но многие ее аспекты – причины, сущность, характер, движущие силы, значение русской революции – до сих пор остаются дискуссионными [1, с. 77-81]. Еще недавно исследователи были едины в том, что русская революция произошла в результате совокупности объективных причин, иными словами, «была неизбежна» [2, с. 71]. Но сегодня можно встретить утверждение, что объективных причин для революции в России не было, а «российская государственность пала жертвой нескольких разрушительных потоков», которые «носили форму мало скрываемых заговоров» [3, с. 223, 230]. Идут споры о сущности октябрьских событий 1917 г.: одни авторы считают их «октябрьским переворотом», по мнению других – это была «социалистическая революция» [4, с. 278-282]. Существуют противоположные трактовки значения русской революции. Некоторые исследователи отмечают, что русская революция вызвала коренные изменения в общественном развитии России [5,

с. 88]. Сторонники другой точки зрения называют ее «нонсенсом», «тупи-ком истории» [6, с. 354]. Разногласия по этим и другим аспектам истории русской революции, существующие в отечественной историографии, подтверждают необходимость продолжения исследовательской работы, накопления и обновления источниковой базы по этой проблеме.

Определенным «толчком» к новому осмыслению истории русской революции является введение в научный оборот интеллектуального наследия ее участников, очевидцев, современников. В этой связи особую ценность представляет политическая публицистика Н.В. Устрялова – уникальная летопись «русского кризиса» XX века, в которой важное место занимает тема русской революции 1917 г.

Жизнь и деятельность правоведа, публициста, философа, политического мыслителя Николая Васильевича Устрялова (1890–1937) тесно связаны с бурными событиями первых десятилетий российской политической истории XX столетия. Накануне 1917 г. Николай Устря-

лов – яркий представитель молодого поколения интеллектуальной элиты России, преподавал право в Московском университете, состоял в кадетской партии, являлся политическим публицистом газеты «Утро России», представлявшей интересы либерально-буржуазных кругов страны. Разделяя либеральные ценности, Устрялов, вместе с тем, особый интерес проявлял к государственно-патриотическим идеям П.Б. Струве. В революционном 1917 г. Устрялов находился в гуще событий, пропагандировал либеральный проект преобразования России, возглавлял калужскую организацию кадетов, участвовал в работе IX и X съездов кадетской партии, Московского совещания общественных деятелей, входил в кадетский список на выборах в Учредительное собрание. После известных октябрьских событий политический публицист на страницах «буржуазных» газет и издаваемого им еженедельника «Накануне» (до их закрытия) старался осмыслить процессы, происходившие в стране, подвергал критике действия большевиков – «разрушителей российского государства». Осенью 1918 г. он уехал из Москвы, охваченной красным террором, в Пермь. В местном университете читал лекции по праву, был избран на должность профессора по кафедре государственного права. В 1919 г. участвовал в антибольшевистском движении в белой Сибири (Омск), оказывал идеологическую поддержку колчаковскому режиму, отстаивая идею диктатуры «во имя демократии» и сохранения русской государственности.

После разгрома Колчака Устрялов эмигрировал в Китай и последую-

щие полтора десятилетия его жизни связаны с дальневосточным зарубежьем – городом Харбином. На чужбине недавний противник большевистской власти подверг переосмыслению события революции и Гражданской войны и выступил с «примиренческой» платформой: признал Октябрьскую революцию, объявил большевистскую власть единственной «национальной силой», способной восстановить государственность, призвал к сотрудничеству с большевиками во имя возрождения России [8]. Выход с участием Н.В. Устрялова сборника статей «Смена вех» в Праге (1921) способствовал оформлению общественно-политического течения сменовеховства.

Одной из главных тем политического мыслителя в русском зарубежье продолжала оставаться русская революция. Он не раз подчеркивал необходимость изучения всего, что связано с революцией. «Благороднейшая задача, – писал профессор права в 1922 г., – вскрыть национальные истоки великого русского кризиса наших дней, его светлого и темного ликов. И не только благороднейшая, но и насущнейшая» [9, с. 345]. Тема русской революции широко представлена в публикациях Н.В. Устрялова, написанных на чужбине и собранных в авторском сборнике «Под знаком революции» [9]. В своих статьях он не только описывал, но и анализировал, исследовал революционные события во всей их сложности и противоречивости.

Особое отношение видного сменовеховского деятеля к русской революции определялось не только его осознанием и признанием огромной значимости этого события для стра-

ны и мира, но и стремлением защитить ее от нападков со стороны многочисленных оппонентов по эмигрантскому лагерю. Проблема смысла и значения русской революции являлась по существу центральной и наиболее дискуссионной в эмигрантской политической среде. Основные идейно-политические течения русского зарубежья стремились дать свои версии русской революции. И хотя в ходе дискуссии между монархистами, либералами и социалистами обнаруживались различия в понимании и оценке русской революции 1917 г., политическая эмиграция в большинстве своем была едина в ее «нецелесообразности и неоправданности», в неприятии и отрицании большевизма [10, с. 211].

О причинах, сущности и характере русской революции

Устрялов отвергает трактовки революции как «случайного», «стихийного», «бесполезного» явления, которые господствовали на страницах многочисленных эмигрантских изданий. Русская революция, утверждает он, «глубоко закономерна», была «исторически предопределена». В России длительное время накапливались многочисленные противоречия. И потому та «бездна исторического зла, которая скопилась перед революцией чуть ли не во всех областях русской жизни, могла быть уничтожена, очевидно, лишь катастрофой». «Российское» зло, внутренняя болезнь нации должны были выйти наружу, этого требовал государственный организм страны. «Революция сорвала вековые обручи (порядком прогнившие) с великой русской бочки, и это менее всего вина револю-

ции, что содержание бочки оказалось достаточно горьким...». «Основное худо» революции не в ней самой, заключает он, а в «порочном наследстве» [9, с. 128-129, 137].

Конечно, по мнению Устрялова, было бы лучше, если накопившиеся в обществе проблемы решались через диалог между властью и обществом, с помощью реформ, эволюционным путем. «Мы не революционеры..., — замечает он, — но к несчастью... объективно на эволюцию не хватило ни средств, ни здоровья, ни времени». Старый режим оказался не в состоянии провести в жизнь планы лучших своих представителей. Поэтому не случайно, что «коммунистической революции» приходится осуществлять в аграрном вопросе «многие предложения П.А. Столыпина» [там же, с. 129, 130, 137].

Устрялов настаивает на исконно «русских» причинах революционных событий 1917 г. «Мне, — отмечает он, — ... хочется реабилитировать лишь самую простую истину, столь часто отрицаемую ныне в ложных полемических целях: — истину глубоких духовных корней русской революции. Не извне она навязана русскому народу, а является органическим его порождением, со всеми светлыми и темными сторонами своими...» [там же, с. 344].

В самой революции, подчеркивает Устрялов, заложены разрушительные и созидательные начала. В ней проявляется не только зло, но и победа над ним. Она — «жар, температура в сорок градусов, возвещающая болезнь, терзающая организм, но и защищающая его от губительных микробов». Благодаря ей создаются условия для созидания и выхо-

да на свет новых творческих сил, преодоления того, с чем должна была расстаться страна. «Революция, по словам мыслителя, – не только разрушает, как пожар, но непременно и созидает. Точнее, создает условия созидания, убивая факторы, ему препятствовавшие, и выводя на свет новые творческие силы. Всегда и неизбежно сопровождается она нарастанием “государственно-сверхрациональных импульсов” в широких народных массах охваченной ею страны» [9, с. 129-130].

Устрялов называет русскую революцию великой [там же, с. 37, 69, 89, 321], замечая при этом, что «великой она стала лишь к ноябрю 1917 года» [там же, с. 111]. Ему «стыдно и больно» за февральскую революцию, которая сопровождалась «громкими лозунгами и театральными позами». На словах говорилось о «победе» и «государственном разуме», а на деле страна приближалась к военной катастрофе и распаду государства. Февраль «весь был соткан из противоречий, фатально влекших его к гибели», с ним связаны «разрушение», смерть «старого режима». Этой революцией исчерпал себя «петербургский период русской истории». Только после того, как октябрьским морозом дохнуло «на захмелевшую от свободы Россию», огромный бунт превратился «в великую революцию» [9, с. 205-207].

Великие революции, отмечает Устрялов, имеют свои черты. Есть внутренняя логика в их развитии и историческая необходимость в их парадоксах и контрастах. Они всегда органически и подлинно национальны («какими бы идеями... ни воодушевлялись»), всенародны («захваты-

вают всю страну, жизненно отражаются на всех»), экстремичны («непременно «углубляются» до «чистой идеи») и разрушительны (все приносится в жертву «чистой идее») [там же, с. 111].

Устрялов подчеркивает национальный характер русской революции. Этот вывод он сформулировал еще в России. «Как бы то ни было, – писал он в конце 1917 г., – мы имеем перед собою настоящую, подлинную русскую революцию, развернувшуюся во всю ширь..., углубленную до своих крайних, последних глубин... Реализуется известный комплекс идей, пусть ошибочных, пусть ложных, пусть диких, но все же издавна присущих нашему национальному самосознанию... Идет процесс отбора крепких, жизнеспособных, здоровых идей. Народ на опыте проверяет себя... Нужно пройти через большевизм...» Программа большевиков – «бред, нередко переходящий в преступление, но ведь нужно же признать, что это – бред больной родины, больной России...» [11].

В эмиграции он продолжает оппонировать тем, кто сомневался в национальном характере революции. «Какое глубочайшее недоразумение, – восклицает он, – считать русскую революцию не национальной! Это могут утверждать лишь те, кто закрывает глаза на всю русскую историю и, в частности, на историю нашей общественной и политической мысли...» Русская революция прошла «через типичнейший русский бунт» и в ней на разных этапах отражался «причудливый дух» различных течений отечественной мысли. «Нет, – замечает Устрялов, – ни нам (интеллигенции – В.Р.), ни «народу» неуместно

снимать с себя прямую ответственность за нынешний кризис – ни за темный, ни за светлый ее лики. Он – наш – подлинно русский, он весь в нашей психологии, в нашем прошлом...». И даже если окажется, что девяносто процентов русских революционеров – инородцы, главным образом, евреи, то это отнюдь не опровергнет чисто русского характера движения. «Не инородцы революционеры правят русской революцией, а русская революция правит инородцами революционерами, внешне или внутренне приобщившимися «русскому духу» в его нынешнем состоянии» [8, с. 6, 43, 47-48].

Об этапах русской революции

В развитии русской революции Устрялов выделяет два этапа: «разрушительный» (интернациональный) и «созидательный» (национальный). Рубежом между ними определяется весна 1921 г. На первом этапе революции, по его мнению, господствует «революционный романтизм» и доктринерские тенденции. Большевики-революционеры находятся в плену «программы – максимум». Во внутренних делах они стремятся покончить с прошлым (в экономической, социальной, политической областях). Жестокими методами насаждают утопическую систему «военного коммунизма», пытаясь превратить страну в «единую фабрику» с централизованным аппаратом производства и распределения. Национальные интересы подчинены полностью интернациональным задачам. «Революционные» силы направляются на осуществление мировой революции. Международная политика большевиков превращает Россию в страну-изгоя на

мировой арене [9, с. 27-32, 36-40, 41-46, 75-77, 111-116].

После кронштадтского восстания и с провозглашением НЭПа «интернациональный» этап революции сменяется «национальным». Революция на этом новом этапе «идет навстречу реальным потребностям реального населения России». Национальные задачи становятся приоритетными. Выявляются осязательные «завоевания» революции, окрашенные «хозяйственным индивидуализмом». В сфере экономической, замечает Устрялов, «они едва ли не близки к тому, что П.Б. Струве выразительно называет «стольпинской идеей русской революции». В области внешнеполитической Россия стремится восстановить свой былой престиж, начинает строить цивилизованные отношения с внешним миром, добивается суверенитета на международной арене, меняет методы дипломатии с революционных на общепринятые в мировой практике [там же, с. 112-116].

Новая экономическая политика, по мнению Устрялова, есть не что иное как «компромисс идеальных достижений революции с реальными». Благодаря НЭПу создаются условия для «хозяйственного оздоровления страны». Даже многочисленные пороки реализации НЭПовского курса в жизнь «не могут уничтожить его внутреннего смысла, его исторической миссии». Он приведет, убежден Устрялов, к «национализации революции», возвращению страны на путь здравого смысла [там же, с. 115].

В новшествах времени политический мыслитель видит знаковый симптом – перерождение большевизма, его эволюцию. «Весь вопрос, разумеется, в том, – пишет он, – какой

смысл вкладывается в понятие «эволюция большевистской власти». Большевики не отказываются от своей программы, они остаются принципиальными коммунистами. И советская власть «неспособна превратиться в режим формального народоправства». Но значит ли это, что «большевизм чужд всякой «эволюции»? Факты, по его мнению, говорят об обратном. В правительственных верхах идет борьба двух тенденций – «доктринерской» и «умеренной». Последняя, инициированная вождем революции, отражает эволюцию большевизма. Ленин, оставаясь самим собой, идет на уступки, «эволюционирует», то есть по тактическим соображениям совершает шаги, которые неизбежно совершила бы власть, чуждая большевизму. Ему ясно, что «немедленный коммунизм не удался» и он инициирует мероприятия, несвойственные «военному коммунизму». «Чтобы спасти советы, Москва жертвует коммунизмом», пишет Устрялов, жертвует «лишь на время, лишь «тактически», но факт остается фактом, что «хозяйственное возрождение государства может и должно начаться только через изживание, преодоление коммунизма» [там же, с. 28-29, 37-38].

В контексте русской революцией НЭП, по мнению Устрялова, есть не что иное, как русский термидор (по аналогии с французской революцией). Страна, поясняет он, осуществляя переход от военного коммунизма к НЭПу, вступает в «новую фазу» своей революционной истории: начинается «спуск на тормозах» – от великой утопии к здравому смыслу. Русская революция спасается от собственных излишеств, эволюциониру-

ет. Причем во главе этой эволюции находятся те же большевистские лидеры. Они вступили на путь термидора под давлением кронштадтских событий. Русский термидор, следовательно, проявляется не в белых фронтах, контрреволюционных движениях и восстаниях. «Путь термидора, – констатирует Устрялов, – в перерождении тканей революции, в преображении душ и сердец ее агентов», в приспособлении их к новому периоду революции [там же, с. 44-46].

Интеллигенция в русской революции

Особое внимание Устрялов уделяет проблеме участия интеллигенции в русской революции. Эмигрантская интеллигенция отказывалась признавать свою ответственность за «русский кризис», считала, что в России произошла «не та» революция, о которой она мечтала. В эмиграции появилась даже теория о «двух революциях» – «благодетельной, февральской, и злокозненной, октябрьской, кем-то и как-то навязанной» [12, с. 400]. Признавая свое родство с Февралем, эмиграция, таким образом, отвергала свою идейную, духовную связь с Октябрем и большевизмом.

Устрялов в корне не согласен с таким подходом. Еще на начальном этапе революции он писал, что русская интеллигенция, готовившая революцию, должна «чувствовать нравственную ответственность за совершающееся», большевистская власть «не с неба слетела, а органически из жизни выросла», большевики – кара «за грехи русской интеллигенции» [11]. На чужбине политический мыслитель продолжает утверждать, что русская интеллигенция несет полную

ответственность за «русский кризис» во всех его проявлениях (за Февраль и Октябрь). У русской интеллигенции с большевизмом «общие корни», они «одинаково порождены историей нашей общественной мысли». «Сама русская революция есть, прежде всего, борьба русской интеллигенции с самою собою», — формулирует ведущий тезис Устрялов [9, с. 248-249]. Политический мыслитель дает жесткую оценку историческому пути русской интеллигенции, показывая процесс созревания в ее недрах «большевизма». Его ростки, подчеркивает он, заметны на протяжении всей ее истории. Преклонение перед материальной культурой, неприятие национальных начал, неучастие в государственных делах, влюбленность в утопии, нежелание видеть в окружающей жизни «крупниц добра» — все это вело к утверждению в этих кругах антигосударственных настроений. В условиях притеснений и репрессий многие из интеллигентской среды находили смысл жизни в мечтах о построении «радикально нового мира». Интеллигенция «была... искалечена до мозга костей». А часть культурного слоя, связанного с русским государством (линия Сперанского-Столыпина), даже не считалась интеллигенцией [там же, с. 249-250].

Целые поколения русской интеллигенции, отмечает Устрялов, воспитывались в ненависти к власти, «приучались отождествлять правительство с государством и родиной». Понятие «национального лица» объявлялось «мистической выдумкой», принцип национальной культуры провозглашался «реакционным». Термин «национализм» стал бранным словом, а за роскошью факта ве-

ликодержавия притуплялся в стране великодержавный инстинкт. «В конце концов, — свидетельствует Устрялов, мы превращались в каких-то Иванов — не помнящих, людей без отечества, оторвавшихся от родной почвы... Лишь подлинно великое потрясение могло бы излечить русскую интеллигенцию от ее тяжелой болезни» [там же, с. 251-252].

После первой революции, замечает мыслитель, наиболее чуткая часть интеллигентов в лице авторов сборника «Вехи» подвергла решительному осуждению традиционный путь русской интеллигенции. Но интеллигентское сообщество осмеляло их, заподозрив в «реакционности», и осталось «при прежних своих верованиях» в плену «ограниченных, сумбурных идей» [там же, с. 250-251].

В феврале 1917 г. рухнула императорская Россия, а вместе с ней и старая государственность. Но интеллигенции, вставшей у руля, замечает Устрялов, оказалось не под силу решение задачи строительства новой государственности. «Мартовская власть» показала полную неспособность управлять страной, руководить массами, понимать их запросы и устремления. Оказалось, что «к мысли она привычней, чем к действию». Углубление революции происходило чрезвычайно быстро и давние фантазии русской интеллигенции «облекались плотью и кровью». «Мы пережили на пространстве нескольких месяцев, — пишет политический мыслитель, — ...«оживотворение» истории русской политической мысли... Страшный суд пришел — суд над духом и плотью русской интеллигенции» [там же, с. 249, 252-254]. Большевизм, по словам Устрялова, пришел исполнить заветы русской

интеллигенции. Но интеллигенция «содрогнулась» от всего этого. В трагической борьбе (гражданской войне. — *В.Р.*) «восставшая против самой себя, против своей истории, армия русской интеллигенции была разбита наголову» [там же, с. 249, 254-255].

Устряловские мысли о трагедии русской интеллигенции во многом созвучны с размышлениями Н.А. Бердяева: «Интеллигенция столетие мечтала о революции и готовила ее, но революция стала ее гибелью, собственным концом. Одна часть интеллигенции стала властью, другая же ее часть была выброшена за борт жизни. Революция изобличила ложность идеологии, которой жила интеллигенция...» [13, с. 280].

Народ в русской революции

Не интеллигенция, а народ, утверждает Устрялов, стал главным строителем новой русской государственности. До Февраля в нем доминировали бунтарство и антигосударственные настроения. Только после Февральской революции он стал «самоопределяться», втягиваться в политическую жизнь. Народные массы отвергли национально-государственную идеологию Временного Правительства. «Многоуважаемая революция» «хирела», а вместо нее развивалась «реальная», «настоящая», все-народная революция. Страшный вихрь ее отзывался по всей стране. Народ, превратившись в «кузнеца своего счастья», добывал «мир, хлеб и свободу» как мог: бросал фронт, «грабил награбленное», жег и грошил поместья. Тут-то, по словам Устрялова, и произошла своеобразная встреча народных масс с большевиками. Идеология большевиков

имела весьма мало общего с духовным миром русского народа, но они были обращены к народу не марксистскими схемами, а своим пафосом бунтарской правды и своими соблазнительными социальными лозунгами. Рабоче-крестьянский бунт, нуждавшийся в идеологии и лозунгах, нашел и то и другое у «большевиков-интеллигентов», которые не только не испугались анархии, но стремились ее углубить, чтобы потом по своему руководить ее самоликвидацией. Страна представляла собою «сплошное анархическое море бурлящих народных инстинктов». Несмотря на смертельную опасность для российской державы, по словам Устрялова, «эта анархия была глубоко национальна, ...и в ужасном кровавом хаосе зарождались основы нового народного самосознания и новой государственной жизни» [там же, с. 249, 255-256].

В российской истории, замечает Устрялов, возникает «общий язык» между народом и интеллигенцией. Низы деревни и города стали главной социальной опорой большевиков. Их правительство приблизилось к народу, стало ему доступно, а народ, привыкший безмолвствовать, «учился властвовать, сознавать свои интересы и свои возможности». Комитеты бедноты, советы депутатов, комиссары из рабочих, крестьян и матросов — все это свидетельство «народного правления», перехода власти к «людям из народа». Что же касается «старой» интеллигенции, то она, не осознав происходящих событий, утратила перспективу и «ушла в небытие» [там же, с. 258-259]. В конечном счете, приходит к выводу Устрялов, народ, на собственном

опыте осознав «необходимость в порядке и твердой власти», начинает созидать новую государственность. «Русский народ, – убежден мыслитель, – ... глубоко государственный. В критические минуты своей истории он неизменно обнаруживал государственную находчивость свою и организаторский разум...». И в 1917 г., разрушив конкретную форму государственного бытия, он не перестал быть государственным народом. На смену анархии приходит процесс «собрания и воссоздания России», строительства новой государственности. «Изнутри, из себя» народ созидает «свою власть и свое право». Происходит это «в страшной борьбе с самим собой», с негативными сторонами своего сознания [там же, с. 259-261].

О значении русской революции

Размышляя об историческом смысле и значении великой русской революции, Устрялов подчеркивает ее эпохальный характер. «Она глубочайшим образом всколыхнула весь русский народ, закрутила его в своем смерче, перепахала наново народное поле. Она прорвала немало психологических плотин, смысла, правда, много хорошего, но не меньше и наносного сора, оплодотворила землю, подобно весеннему разливу. Она дерзновенно и яростно, – отмечает он, – разрубила ряд гордиевых узлов, запутанных последнею эпохою жизни России. Но она не только прочно покончила с помещным классом и дворянской монархией, – она, вместе с тем, поставила и перед Россией, и перед всем миром целый рой огромных и жгучих исторических проблем». Вопросы социального, национального, государственного устройства, во-

просы международных отношений и самого смысла истории – весь этот круг проблем предстал перед человечеством. Русская революция, как всякая великая революция, имеет непосредственно международную направленность. Она показательна для всей современной цивилизации, «знаменая собою ее серьезный и тревожный надрыв» и приковывая к себе внимание всех стран. Русская революция, уверен Устрялов, «коренным образом изменит политический и социальный лик стран» и «явится неотвратимым стимулом исторического прогресса» [19, с. 111-112, 389-390].

При оценке революции Устрялов предлагает руководствоваться формулой философа Б. Спинозы: «не плакать, не осмеивать, не проклинать, а понимать». К современникам она «обращена более темным... ликом». Но оценивать революцию, считает он, нельзя, руководствуясь текущими настроениями. «Мы обязаны в нашей практической деятельности, – пишет Устрялов, – исходить не из эмпирических впечатлений момента, а из общего анализа революции и ее исторической роли... Лишь поняв и приняв революцию как великую историческую стихию, новыми путями ведущую родину к реально новой жизни, можно содействовать преодолению всех ее разрушительных, злых и подчас бессмысленных внешних проявлений» [9, с. 128].

О личности большевистского лидера

Уделяя большое внимание различным аспектам русской революции, Устрялов не мог обойти молчанием личность большевистского лидера. За пореволюционный период

отношение его к В.И. Ленину принципиально изменилось. Весной 1917 г. в статье о приезде Ленина из-за границы в Россию, публицист подвергал его критике за догматизм, утопизм, бескомпромиссность, антипатриотизм, сектанство. И прогнозировал, что если Ленин не пересмотрит своих догм и не будет считаться с интересами родной страны, то «революция отвергнет такого деятеля» [14, с. 128].

Спустя несколько лет, в эмиграции Н.В.Устрялов, переживший трагический опыт банкротства белого дела, уходит от своих прежних негативных оценок руководителя пролетарских масс. Для него Ленин – «великий исторический деятель и великий революционер», «духовный собрат» Петра Великого и Наполеона, умевший трезво мыслить и разгадывать «лукавство исторического Разума». «По размаху своих дерзаний», по «стилю», «жуткой жизненности» Устрялов ставит его в один ряд с Микеланджело и Львом Толстым. Разница лишь в том, уточняет он, что «те работали мрамором и бумагою, а он творил на живом человечестве, взнуздывал чувствующую, страдающую плоть». Руководитель большевиков, как Макиавелли, совмещал в себе «качества льва и лисицы». Он был «великим утопистом», «великим оппортунистом» и «великим реалистом». В этом его сила и успех большевизма, сумевшего победить в гражданской войне и совершить поворот от коммунизма к нэпу [9, с. 29-32, 37-38, 243-244].

Ленин, по словам Устрялова, – воплощение русского человека, русского духа. «Русскость» отражена в его облике («подлинно русском, «ев-

разийском»), в стиле речей, статей, в поступках и действиях. В нем присутствовал русский дух, в его делах видны и Разин, и Болотников, и Петр Великий. «Пройдут годы, – отмечает Устрялов, – ...и тогда уже все навсегда и окончательно поймут, что Ленин – наш, что Ленин – подлинный сын России, ее национальный герой – рядом с Дмитрием Донским, Петром Великим, Пушкиным и Толстым...» [там же, с. 244-246].

Тезис Устрялова о том, что Ленин олицетворял душу и характер русского народа, разделяли и другие эмигрантские деятели. «Истолкование социализма и направление, которое Ленин как теоретик и тактик придал социализму, – писал философ Ф.А. Степун, – прежде всего, объясняется тем, что вождь мировой революции... был не просто русским революционером, но также типично русским человеком» [15, с. 96].

Итак, русская революция в России в трактовке политического мыслителя Н.В. Устрялова:

- есть закономерное явление, обусловленное объективными причинами, а также многочисленными противоречиями, накопленными во всех областях русской жизни за долгий период развития страны;
- не только была исторически predetermined, но готовилась многими поколениями русской интеллигенции, стремившейся свои антигосударственные настроения и утопические идеи распространить в русском обществе и потому ответственной за «русский кризис» и его последствия;
- содержит в себе не только разрушительные начала, но и созидательный потенциал, создающий ус-

ловия для возникновения новых тенденций общественной жизни;

- является «великой» по масштабам распространения, включению в революционный процесс различных социальных слоев, по глубине разрушительных и преобразовательных процессов, по влиянию на мировое развитие человечества;

- национальная по своему характеру, отражает темные и светлые лики русской души, противоречивые свойства русского характера;

- в своем развитии проходит два этапа, рубежом которых является весна 1921 г.: интернациональный (разрушительный), в ходе которого большевики стремились навязать стране утопические идеи, разжечь пожар мировой революции, конфликтовать с внешним миром, и национальный (созидательный), когда в большевистской политике приоритетными стали задачи национального развития страны, в экономике утверждались принципы здравого смысла, во внешней политике восстанавливались цивилизованные отношения со странами;

- осуществлялась с участием широких масс города и деревни, проявивших как бунтарские инстинкты, так и государственную ответственность;

- развивалась под влиянием большевистского лидера В.И. Ленина, соединявшего в себе черты революционера, утописта, оппортуниста и реалиста, умевшего трезво мыслить и разгадывать «лукавство исторического Разума» и благодаря которому большевики победили в Гражданской войне и совершили поворот от военного коммунизма к НЭПу;

- изменяет политический и социальный облик страны и становится

важнейшим фактором исторического прогресса в мировом масштабе.

Размышления и оценки Н.В. Устрялова, посвященные русской революции, несомненно, представляют интерес для современного осмысления событий столетней давности и актуальны для дальнейших исследований русского кризиса начала XX столетия.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Рачина, А.В.* Некоторые аспекты изучения революции 1917 г. [Текст] / А.В. Рачина, В.В. Бурьков, А.В. Алексеева // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2016. – № 1-2. – С. 77-81.
2. *История России XX века: пособие для учителя* [Текст] / А.О. Чубарьян, Е.И. Пивовар, А.В. Пыжиков и др.; под ред. А.О. Чубарьяна. – М.: Просвещение, 2003. – 352 с.
3. *Никонов, В.А.* Понять Россию... Часть 11. Россия: учебно-методическое пособие [Текст] / В.А. Никонов. – М.: «Русское слово-учебник», 2016. – 262 с.
4. *История России с позиций разных идеологий: учебное пособие* [Текст] / Под ред. проф. Б.В. Личмана. – Ростов н/Дону: Феникс. – 461 с.
5. *Искандеров, А.А.* Очерки новейшей истории советского общества [Текст] / А.А. Искандеров // Вопросы истории. – 2002. – № 5. – С. 69-91
6. *Деревянко, А.П.* История России с древнейших времен до конца XX века: Учебное пособие [Текст] / А.П. Деревянко, Н.А. Шабельникова. – М., Право и закон, 2001. – 800 с.
7. Александр Чубарьян – о новом учебнике истории [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.nakanune.ru/articles/18265> (дата обращения: 09.11.2014).
8. *Устрялов, Н.В.* В борьбе за Россию [Текст] / Н.В. Устрялов. – Харбин: Изд-во «Окно», 1920. – 80 с.
9. *Устрялов, Н.В.* Под знаком революции: Сб. ст. [Текст] / Н.В. Устрялов. – 2-е изд., перераб. и доп. – Харбин: Полиграф, 1927. – 415 с.

10. Омельченко, Н.А. В поисках России: общественно-политическая мысль русского зарубежья о революции 1917 года, большевизме и будущих судьбах российской государственности: историко-политический анализ [Текст] / Н.А. Омельченко. – СПб.: Изд-во РХГИ, 1996. – 560 с.
11. Устрялов, Н.В. В Рождественскую ночь [Текст] / Н.В. Устрялов // Утро России. – 1917. – 24 декабря.
12. Ландау, Г. Революция и смута. Социологический опыт [Текст] / Г. Ландау // Русская мысль. – 1923–1924. – Кн. IX–XII. – С. 339–424.
13. Бердяев, Н.А. Смысл истории. Новое средневековье [Текст] / Н.А. Бердяев; сост. и коммент. В.В. Сапова. – М.: Изд-во «Канон +», 2002. – 448 с.
14. Устрялов, Н.В. Вождь подполья (Н. Ленин – В.И. Ульянов) [Текст] / Н.В. Устрялов // Утро России. – 1917. – 6 апреля.
15. Степун, Ф.А. Ленин [Текст] / Ф.А. Степун // Вопросы философии. – 2002. – № 8. – С. 93–97.
5. *Istorija Rossii XX veka: posobie dlja uchitelja*, eds. A.O. Chubarjan, E.I. Pivovarov, A.V. Pyzhikov, Moscow, Prosveshhenie, 2003, 352 p. (in Russian)
6. *Istorija Rossii s pozicij raznyh ideologij: uchebnoe posobie*, ed. prof. B.V. Lichmana, Rostov-na-Donu, Feniks, 461 p. (in Russian)
7. Landau G., *Revoljucija i smuta. Sociologicheskij opyt, Russkaja mysl*, 1923–1924, Knigi IX–XII, pp. 339–424. (in Russian)
8. Nikonov V.A., *Ponjat Rossiju...Part II. Rossija: uchebno-metodicheskoe posobie*, Moscow, Russkoe slovo-uchebnik, 2016, 262 p. (in Russian)
9. Omelchenko N.A., *V poiskah Rossii: obshchestvenno-politicheskaja mysl russkogo zarubezhja o revoljucii 1917 goda, bolshevizme i budushhij sudbah rossijskoj gosudarstvennosti: istoriko-politicheskij analiz*, St. Petersburg, 1996, 560 p. (in Russian)
10. Rachina A.V., Burkov V.V., Alekseeva A.V., “Nekotorye aspekty izuchenija revoljucii 1917 g.”, in: *Aktualnye problemy gumanitarnyh i estestvennyh nauk*, 2016, No. 1–2, pp. 77–81. (in Russian)
11. Stepun F.A., Lenin, *Voprosy filosofii*, 2002, No. 8, pp. 93–97. (in Russian)
12. Ustrjalov N.V., *V Rozhdestvenskuju noch, Utro Rossii*, 1917, 24 dekabrja. (in Russian)
13. Ustrjalov N. V., *Vozhd podpolja (N. Lenin – V.I. Uljanov), Utro Rossii*, 1917, 6 aprelja. (in Russian)
14. Ustrjalov N.V., *Pod znakom revoljucii. Pod znakom revoljucii: Collection of scientific papers*, 2nd., Harbin, Poligraf, 1927, 415 p. (in Russian)
15. Ustrjalov N.V., *V borbe za Rossiju*, Harbin, Okno, 1920, 80 p. (in Russian)

REFERENCES

1. Aleksandr Chubarjan – o novom uchebnike istorii, available at: <http://www.nakanune.ru/articles/18265> (accessed: 09.11.2014). (in Russian)
2. Berdjaev N.A., *Smysl istorii. Novoe srednevekovje*, ed. V.V. Sapova, Moscow, Kanon +, 2002, 448 p. (in Russian)
3. Derevjanko A.P., Shabelnikova N.A., *Istorija Rossii s drevnejshih vremen do konca XX veka: Uchebnoe posobie*, Moscow, Pravo i zakon, 2001, 800 p. (in Russian)
4. Iskanderov A.A., Ocherki novejshej istorii sovetskogo obshchestva, *Voprosy istorii*, 2002, No. 5, pp. 69–91. (in Russian)

Романовский Вячеслав Константинович, доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой, кафедра истории и обществоведческих дисциплин, Нижегородский институт развития образования, vkroman@mail.ru

Romanovskii V.K., ScD in History, Associate Professor, History and Social Studies Department, Chairperson, Nizhny Novgorod Institute for the Development of Education, vkroman@mail.ru

УДК 93/94
ББК 63.1(2)64

НОВЕЙШАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ СОВРЕМЕННЫМ ЛОКАЛЬНЫМ ГИБРИДНЫМ ВОЙНАМ СО СТОРОНЫ РОССИИ

Д.О. Чураков

Аннотация. Статья посвящена анализу тенденций изучения политики Российской Федерации, направленной на урегулирование локальных конфликтов. Российская Федерация и все мировое сообщество переживает в наши дни очередной острый момент своей истории. В условиях ядерного паритета крупные военные конфликты представляют повышенную угрозу человечеству, поэтому соперничество между государствами переходит в другую плоскость. В силу этого растет количество локальных войн. Локальные войны современности ведутся не только военными, но и политическими, экономическими, культурными, информационными, психологическими средствами, что выводит их на новый, более разрушительный уровень. Современные локальные войны приобретают комбинированный, гибридный характер. Все это делает изучение новейшего исторического опыта Российской Федерации по противодействию такого рода конфликтам актуальным и в академическом, и в практическом плане.

Ключевые слова: Российская Федерация, историография, локальные войны, урегулирование, геостратегия, национальные интересы.

277

THE NEWEST HISTORIOGRAPHY OF RUSSIA'S COUNTERACTION TO MODERN LOCAL HYBRID WARS

D.O. Churakov

Abstract. The article analyzes the trends of policy studies of the Russian Federation aimed at resolving local conflicts. The Russian Federation and the world community nowadays is experiencing another critical moment in their history. In conditions of nuclear parity major military conflicts pose a serious threat to humanity, so rivalry between States is transferred to another plane. Because of this fact the number of local wars increases. Local wars of today are waged not only by military but also by political, economic,

cultural, information and psychological ways, which brings them to a new, more destructive level. Modern local wars have a combined, hybrid nature. All this makes the study of the modern historical experience of the Russian Federation for countering this kind of conflict so relevant in both academic and practical terms.

Keywords: *Russian Federation, historiography, local wars, settlement, geostrategy, national interests.*

Историография участия Российской Федерации в локальных конфликтах и войнах формально насчитывает около четверти века – то есть она ровесница новой российской государственности. Однако данной тематике все еще уделяется недостаточное внимание и в нашей стране, и за рубежом (речь идет, разумеется, только об открытых исследованиях). Особый всплеск интереса к современным формам локальных конфликтов в нашей стране стал просыпаться после украинских событий февраля 2014 г., когда речь вновь зашла о возобновлении «холодной войны», «гибридных войнах» и т.д.

В современной историографии изучение факторов противодействия Российской Федерации локальным гибридным войнам ведется сразу по нескольким направлениям. Так, представителями разных гуманитарных наук, а также публицистами и общественными деятелями ставились вопросы участия нашей страны в локальных конфликтах в методологическом плане. При этом исследователи оказывались в непростой ситуации. Острый методологический кризис исторической науки после разрушения СССР, политическая ангажированность авторов, сотрудничавших с фондом Дж. Сороса и др. зарубежными центрами, и т.д. – все

это негативно отразилось на понимании и объективном изучении стратегических задач России на современном этапе истории. Понятия «национальные интересы», «государственные интересы», «стратегическая защита», «русский мир» на официальном уровне на какое-то время были отброшены как пережитки «великодержавного шовинизма» и «темного советского прошлого».

Во второй половине 1990-х гг. начались робкие поиски идеологии и стратегии восстановления державы. В этой связи особую ценность стали представлять геополитические теории, обосновывавшие интеграционные процессы и державные интересы. Это привело к реанимации забытых идей и доктрин, обосновывавших особые позитивные перспективы исторического развития России. Публиковались труды представителей русской геополитической школы, формировавшейся на протяжении XIX – первых десятилетий XX веков. Особенно существенный отпечаток на историографию вопроса наложило влияние геополитической концепции евразийского направления Русского Зарубежья. Представленная в ней в свете определенной логики геополитической традиции модель русской истории, а главное, оптимистический вывод о месте Рос-

сии в мире – привлекли многих представителей властной элиты и общественных движений [1; 2].

В конце 1990-х – начале 2000-х гг. появились комплексные работы современных авторов, таких как Л.Г. Ивашов [3; 4], Н.А. Нарочницкая [5] и др., посвященные анализу проблемы с нового – геоисторического ракурса. В их исследованиях на основе изучения пространственно-силового взаимодействия государств в исторической ретроспективе были выявлены геополитические закономерности в процессе построения пространства России и установлены критерии определения стратегии страны в локальных конфликтах с целью защиты интересов ее национальной безопасности. Интерес авторов этого направления к локальным конфликтам и новым формам их протекания обострялся участием самих авторов в идущих в обществе дискуссиях о будущем стране. Представители, условно говоря, оптимистического течения общественной мысли предрекали постепенное преодоление русским миром того кризиса, в котором он оказался в последние полтора десятилетия XX века.

Свой вклад в развитие новейшей геостратегической мысли, а также в разработку теории противодействия локальным гибридным войнам внес такой патриарх российской разведки, академической науки и политики, как Е.М. Примаков. В его работах нашли отражение вопросы исламского фактора, украинских событий, югославского кризиса и др. Незвестные работы Примаковы продолжали публиковаться и в 2015–2016 гг., то есть уже после его смерти [6–8]. Вплоть до сегодняшнего дня исследо-

вания Примакова, так же, как и упомянутых выше авторов, определяют магистральное направление отечественной историографии.

В то же время в отечественной историографии начинают формироваться и новые идеи, широко раздвигающие рамки классической геополитической, геостратегической и геоисторических мысли. В частности, растет понимание того, что локальные войны нового поколения стали следствием серьезных изменений мировой системы в целом. Мир вступил в так называемую эпоху постмодерна, для которого характерно расщепление единого исторического времени и формирование клипового мозаичного сознания. Именно эти перемены резко повысили эффективность неклассических форм ведения войн, стратегий мягкой силы, технологий «оранжевых революций» и т.д. Исследования так называемой «геополитики третьей волны» (В.В. Карякин), то есть геополитики новейшей «эпохи постмодерна», проводили и другие российские авторы [9–11].

Если говорить о работах прикладного характера, исследованиях, непосредственно посвященных участию Российской Армии в локальных конфликтах, то особый интерес вызывают конфликты, происходившие на территории самой Российской Федерации. В то же время в отечественной историографии появляются исследования, предметом которых являются конфликты на всем постсоветском пространстве, а также в дальнем зарубежье.

К локальным конфликтам, вызывающим наибольший интерес у российских авторов и общественности, относятся конфликты на Кавказе: Че-

ченский, Юго-Осетинский, Абхазский. Существенный интерес вызывают и события в Средней Азии, Приднестровье и прочих уголках нашей общей Родины. Среди авторов, активно занимающихся данной проблематикой, следует отметить А. Куликова, В. Рунова, М. Жирохова, И. Джадана и многих других [12–14]. Исследователи стараются разобраться не только в развитии конфликтов в настоящее время, но и показывают их предпосылки, связь с историей тех или иных народов. Такой подход представляется особенно продуктивным.

Значительный пласт публикаций, например по кавказской проблематике, содержится в работах таких общественных деятелей и политиков, как В.В. Трошев, М.В. Леонтьев и др. [15; 16]. В них аналитика и фактический материал часто переплетены с личными оценками и воспоминаниями, что позволяет осветить не только важные аспекты темы, но и ярко передать восприятие тех или иных локальных конфликтов их участниками, а также отношение к ним в различных сегментах российского общества. Данный подход открывает еще одну грань современных гибридных войн, направленных, помимо прочего, на переформатирование массового сознания.

После событий в Киеве в феврале 2014 г., а также после воссоединения Крыма с Российской Федерацией интерес к данному направлению российской внешней политики стремительно возрос. И опять под пристальным вниманием историков, политологов и специалистов других профессий оказались не только события 2014 г., но и причины и генезис кризисной ситуации на Украине [17–21].

Столь же тщательно исследуется проблема исторического развития Крыма, в том числе передачи полуострова Украине Н.С. Хрущевым и возвращения, как теперь говорят, Крыма в «родную гавань» [22–24].

Российские историки и публицисты стремятся разобраться в процессах, которые стремительно толкали Украину к саморазрушению. В каких-то случаях речь идет о спонтанных действиях рядовых участников тех исторических событий, в других – о результатах применения особых политических технологий, направленных на разрушение государственных структур на постсоветском пространстве. Собственно говоря, это и есть ключевая проблематика гибридных войн.

В качестве гипотезы (после анализа имеющейся на этот счет историографии) можно предположить, что Евромайдан как раз и является результатом такого гибридного давления на Российскую Федерацию и, конечно, на саму Украину. В этом контексте интересно и важно продолжить изучение «оранжевых технологий» или технологий «оранжевых революций» («бархатных», «цветных» и т.д.). Можно ли видеть в так называемой «Революція гідності» завершенную драму или это своего рода репетиция событий, которые готовятся и в Российской Федерации? Стремясь ответить на этот вопрос, историки стремятся к осуществлению исторической наукой ее общественной, прогнозирующей роли.

Что же касается событий 2014 г. в Крыму, то они естественным образом выводятся российскими авторами из «Евромайдана». По мнению большинства российских исследователей,

народное волеизъявление крымчан явилось прямым следствием разрушительных процессов в Киеве, отражением их желания к миру, стабильности, благополучию. Пришедшая к власти на Украине коричневая власть не могла предложить всего этого крымчанам, была незаконна по самой своей сути. В ответ на давление жители Крыма изъявили желание обрести независимость от Киева и вернуться в состав России. Такая трактовка, присутствующая в трудах большинства российских ученых и общественных деятелей, разделяется далеко не всеми зарубежными коллегами, но именно она представляется наиболее адекватной тому, что на самом деле происходило в Крыму в январе – апреле 2014 г. Сами эти события получили в российской историографии названия «Крымской весны» (иногда говорят «Русской весны», но такая трактовка представляется неверной, сужающей размах обновленческих процессов 2014 года).

Крушение украинского государства 2014 г. породило еще одно направление в историографии гибридных локальных войн, с которым приходится иметь дело нашей стране. Речь идет о том, что в российском историческом сознании сразу же важное место заняли проблемы Новороссии. Что означает данный исторический и географический термин, как шло становление особой этнической и психологической истории Новороссии, какие события привели к гражданской войне в этом цветущем крае? За два с небольшим года новейшая историография событий в Новороссии приросла десятками наименований. Если Крымская вес-

на сейчас постепенно сходит со страниц новейших исторических исследований, то развитие Русской весны на Донбассе, наоборот, вызывает растущий интерес авторов самых разных направлений. Различным сторонам событий на юго-западном направлении внешней политики России посвящены работы Е. Холмогорова, А. Смирнова, С. Часовских, М. Поликарпова, В. Северск, А. Шубина и др. [25–30].

Наконец, после «оранжевой революции» на Украине и в ряде других стран российская историография обращает внимание на проблему технологий цветных революций, последствий их применения для созреваания локальных конфликтов и эскалации насилия в отдельных странах. Это не только общие работы таких авторов, как С.Г. Кара-Мурза, но и прикладные труды специалистов в области истории, политологии, права [39; 40]. Вызывают интерес и такие проблемы, как, например, использование Интернета и СМИ в подготовке цветных революций, а также информационное обеспечение «комбинированных войн» [41; 42].

Помимо исторических исследований локальных конфликтов в отдельных регионах Российской Федерации и на постсоветском пространстве появлялись отдельные работы, в которых прослеживается стремление прийти к каким-то обобщениям. Среди авторов этого направления – Д. Жуков, М. Жирохов, и др. [31; 32]. Однако они рассматривают только локальные конфликты и кризисные ситуации на постсоветском пространстве. То, что происходило в самой Российской Федерации или в дружественных России странах дальнего

зарубежья, обобщению практически не подвергается. Как правило, эти работы носят преимущественно нарративный характер, написаны на основе позитивистской методологии, в них преобладает описание, а не анализ. Многим из них присуща и некоторая заостренность на военном аспекте проблемы.

Из конфликтов в дальнем зарубежье, имеющих важное влияние на положение России в мире, особый интерес, по понятным причинам, имеют события в Югославии. По югославским событиям публикуются как исследования, так и документы. Особый вклад в изучение этого аспекта внесли работы Е.Ю. Гуськовой [33] и др. [34] Отдельные исследования Б. Ключникова, А. Егорова и др. посвящены конфликтам в Ираке, Ливии и некоторых других странах арабского мира [35; 36]. Среди проблем, связанных с пониманием сути и методов «комбинированных войн», можно выделить такие проблемы, как вооружение армий, участвующих в локальных конфликтах. Растущий интерес вызывают участие в локальных конфликтах миротворцев, добровольцев, наемников, солдат частных армий и военных компаний, участников неправительственных вооруженных формирований. Встают вопросы организации военной помощи в районах, где ведутся локальные войны, боевые действия, совершаются теракты [37; 38].

Отдельные аспекты локальных конфликтов рассматриваются в книжных сериях, издаваемых такими аналитическими центрами, как Изборский клуб, Центр стратегических исследований и др. В них увидели свет труды известных российских

общественных деятелей, размышляющих о судьбах России, ее месте в мире, будущем русского мира и локальных конфликтах, где определяются контуры этого будущего [47–49].

Большинство из перечисленных выше вопросов интересуют не только отечественных, но и зарубежных исследователей. Так, локальные конфликты в союзных Российской Федерации странах ближнего и дальнего зарубежья освещаются в трудах авторов из самих этих стран (З. Тодуа, С. Месич) [43; 44]. Не обходят зарубежные авторы вниманием вопросы соперничества Западных держав с Российской Федерацией в арабском мире (С. Джонс, Р. Лаури) [45; 46]. Появляются исследования, отражающие развитие международного права в связи с локальными конфликтами (Д. Бест, Дж. Локленд) [50; 51] и др.

Вместе с тем, зарубежная историография вопроса о противодействии России локальным гибридным войнам не менее противоречива, чем отечественная. Помимо всего прочего, это связано еще и с тем, что среди зарубежных авторов встречаются представители как прежних, нигилистических подходов к нашей стране, так и авторы, стремящиеся посмотреть на Россию с большей научной объективностью. В результате часто приходится сталкиваться с работами, в которых шаги Российской Федерации в деле урегулирования локальных конфликтов трактуются в духе холодной войны. Нередко это труды практикующих геополитиков, тех из них, которые в прошлом как раз и являлись главными идеологами информационного нажима на СССР, таких, например, как Зб. Бжезинский [9]. В их работах часто

слышны русофобские ноты, чувствуется желание вернуть Россию в хаос 1990-х гг., обратить в состояние «черной дыры», ликвидировав ее не только как самостоятельного участника международной политики, но и как геополитический феномен.

С другой стороны, ряд исследователей подхватили евразийские доктрины в ключе «Евро-Россия», рассматривая нашу страну как полноправного участника большой европейской политики на континенте и противовес США. В ряде работ зарубежные авторы специально акцентируют внимание на участие России в локальных конфликтах как на результате идущих в мире глобальных процессов (Ф. Дж. Данниген, О. Бэй, Р. Каплан [10; 11]). Некоторые из них, в том числе опубликованные в 2016 г., посвящены анализу российской геостратегии и участию России в локальных конфликтах с точки зрения страхов и фобий, бытующих на Западе. В этих работах убедительно показано, что существующие на Западе страхи перед русским миром часто имеют ложную подоснову и на практике только тормозят урегулирование конфликтных ситуаций. Исследователи данного направления ставят своей целью анализ такого опасного и разрушительного компонента современного мироустройства, как русофобия (Г. Меттан, Дж. Къеза) [53; 54].

Современное состояние историографии показывает постепенный рост интереса к проблематике локальных, гибридных, консциентальных и др. малых войн. В условиях ядерного паритета крупные военные конфликты представляют повышенную угрозу человечеству, поэтому со-

перничество между государствами, межгосударственными и надгосударственными политическими блоками переходит в другую плоскость. Все это и делает изучение новейшего исторического опыта Российской Федерации по противодействию локальным гибридным войнам столь актуальным и в академическом, и в практическом плане. Понимание эволюции локальных конфликтов в современном мире позволяют российской стороне более четко и последовательно отстаивать собственные национальные интересы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Пути Евразии. Русская интеллигенция и судьбы России [Текст]. – М., 1992.
2. Россия между Европой и Азией. Евразийский соблазн [Текст]. – М., 1993.
3. *Ивашов, Л.Г.* Хоронить не спешите Россию [Текст] / Л.Г. Ивашов. – М., 2003.
4. *Ивашов, Л.Г.* Радикальная доктрина Новороссии [Текст] / Л.Г. Ивашов. – М., 2014.
5. *Нарочницкая, Н.А.* Россия и русские в современном мире [Текст] / Н.А. Нарочницкая. – М., 2011.
6. *Примаков, Е.М.* Встречи на перекрестках [Текст] / Е.М. Примаков. – М., 2015.
7. *Примаков, Е.М.* Россия. Надежды и тревоги [Текст] / Е.М. Примаков. – М., 2015.
8. *Примаков, Е.М.* Мир без России? К чему ведет политическая близорукость [Текст] / Е.М. Примаков. – М., 2016.
9. *Бжезинский, З.* Украинский шанс для России [Текст] / З. Бжезинский. – М., 2015.
10. *Данниген, Дж. Ф.* Горячие точки XXI века. Как будут развиваться события [Текст] / Ф.Дж. Данниген, О. Бэй. – М., 2014.
11. *Каплан, Р.* Месть географии. Что могут рассказать географические карты о грядущих конфликтах и битве против неизбежного [Текст] / Р. Каплан. – М., 2015.

12. Куликов, А.С. Все Кавказские войны России. Самая полная энциклопедия [Текст] / А.С. Куликов, В.А. Рунов. – М., 2013.
13. Жирохов, М.А. Семена Распада: войны и конфликты на территории бывшего СССР [Текст] / М.А. Жирохов. – СПб., 2012.
14. Джадан, И. Пятидневная война. Россия принуждает к миру [Текст] / И. Джадан. – М., 2008.
15. Трошев, Г.Н. Чеченский излом [Текст] / Г.Н. Трошев. – М., 2016.
16. Леонтьев, М. «Независимая» Грузия: бандит в тигровой шкуре [Текст] / М. Леонтьев, Д. Жуков. – М., 2008.
17. Азаров, Н.Я. Украина на перепутье. Записки премьер-министра [Текст] / Н.Я. Азаров. – М., 2015.
18. Григорьев, М.С. Евромайдан [Текст] / М.С. Григорьев. – М., 2014.
19. Ищенко, Р.В. Крах Украины. Демонтаж недо-государства [Текст] / Р.В. Ищенко. – М., 2015.
20. Суций, С.Я. Украина, России и мир. Кризис 2014: предпосылки, последствия, этнополитические перспективы [Текст] / С.Я. Суций. – М., 2015.
21. Украина: проблемы территориально-государственного развития [Текст]. – М., 2015.
22. Григорьев, М.С. Крым: история возвращения [Текст] / М.С. Григорьев, О.Ф. Ковитидий. – М., 2014.
23. Данилин, П. Воссоединение [Текст] / П. Данилин. – М., 2015.
24. Матвейчев, О. Крымская весна. 30 дней, которые потрясли мир [Текст] / О. Матвейчев, А. Беляков. – М., 2014.
25. Холмогоров, Е. Карать карателей. Хроника русской весны [Текст] / Е. Холмогоров. – М., 2015.
26. Смирнов, А. Проект Новороссия. История русской окраины [Текст] / А. Смирнов. – М., 2015.
27. Часовских, С. Новороссия. Год войны [Текст] / С. Часовских. – М., 2016.
28. Поликарпов, М.А. Игорь Стрелков. Битва за Донбасс. Разгром карателей. Хроника сражений [Текст] / М.А. Поликарпов. – М., 2015.
29. Северский, В. Донбасс в огне. Хроника необъявленной войны. Апрель – сентябрь 2014 [Текст] / В. Северский. – М., 2015.
30. Шубин, А.В. История Новороссии [Текст] / А.В. Шубин. – М., 2015.
31. Жуков, Д. Войны на руинах СССР [Текст] / Д. Жуков. – М., 2010.
32. Жирохов, М. Семена Распада: войны и конфликты на территории бывшего СССР [Текст] / М. Жирохов. – СПб., 2012.
33. Гуськова, Е.Ю. Агрессия НАТО против Югославии в 1999 году и процесс мирного урегулирования [Текст] / Е.Ю. Гуськова. – М., 2013.
34. Валецкий, О.В. Югославская война [Текст] / О.В. Валецкий. – М., 2011.
35. Ключников, Б.Ф. Садам или Иракская трясина Америки [Текст] / Б.Ф. Ключников. – М., 2007.
36. Егорин, А.З. Каддафи. Хроника убийства [Текст] / А.З. Егорин. – М., 2013.
37. Коновалов, И.П. Эволюция частных военных компаний [Текст] / И.П. Коновалов, О.В. Валецкий. – М., 2013.
38. Евич, Ю.Ю. Военная медицина для экстренных ситуаций. Боевой опыт Новороссии [Текст] / Ю.Ю. Евич. – М., 2016.
39. Кара-Мурза, С.Г. Экспорт революции. Ющенко, Саакашвили... [Текст] / С.Г. Кара-Мурза. – М., 2005.
40. Бедрицкий, А. Украина после Евромайдана. Демократия под огнем [Текст] / А. Бедрицкий, С. Бышок, А. Кочетков. – М., 2015.
41. Черемных, К.А. Анонимная война [Текст] / К.А. Черемных, М.В. Восканян, А.Б. Кобяков. – М., 2014.
42. Жаров, М. Хроники информационной войны [Текст] / М. Жаров, Т. Шевяков. – М., 2009.
43. Тодуа, Зураб. Битва за Молдову. Часть 1. Государственники и унионисты на рубеже XX – XXI вв. [Текст] / Зураб Тодуа. – Кисинев, 2013.
44. Месич, С. Как развалилась Югославия [Текст] / С. Месич. – М., 2013.
45. Джонс, С. Война США в Афганистане. На кладбище империй [Текст] / С. Джонс. – М., 2013.
46. Лаури, Р.С. 1991. Хроника войны в Персидском заливе [Текст] / Р.С. Лаури. – М., 2013.

47. Глазьев, С.Ю. Украинская катастрофа. От американской агрессии к мировой войне? [Текст] / С.Ю. Глазьев. – М., 2015.
48. Делягин, М. Россия в большой игре. На руинах потсдамского мира [Текст] / М. Делягин. – М., 2016.
49. Фурсов, А. Вперед, к победе! Русский успех в ретроспективе и перспективе [Текст] / А. Фурсов. – М., 2015.
50. Бест, Дж. Война и право поле 1945 г. [Текст] / Дж. Бест. – М., 2010.
51. Локленд, Дж. Пародия на правосудие. Гаагский трибунал против Слободана Милошевича [Текст] / Дж. Локленд. – М., 2009.
52. Карякин, В.В. Геополитика третьей волны: трансформация мира в эпоху Постмодерна [Текст] / В.В. Карякин. – М., 2013.
53. Къеза, Дж. Русофобия 2.0: болезнь или оружие Запада? [Текст] / Дж. Къеза. – М., 2016.
54. Меттан, Г. Запад – Россия: Тысячелетняя война. История русофобии от Карла Великого до украинского кризиса. Почему мы так любим ненавидеть Россию? [Текст] / Г. Меттан. – М., 2016.
11. Dzhons S., *Vojna USA v Afganistane. Na kladbishhe imperij*, Moscow, 2013. (in Russian)
12. Egorin A.Z., *Kaddafi. Hronika ubijstva*, Moscow, 2013. (in Russian)
13. Evich Ju.Ju., *Voennaja medicina dlja jekstrennyh situacij. Boevoy opyt Novorossii*, Moscow, 2016. (in Russian)
14. Fursov A., *Vpered, k pobede! Russkij uspeh v retrospektive i perspektive*, Moscow, 2015 (in Russian)
15. Glazev S.Ju., *Ukrainskaja katastrofa. Ot amerikanskoj agressii k mirovoj vojne*, Moscow, 2015. (in Russian)
16. Grigorev M.S., *Evromajdan*, Moscow, 2014. (in Russian)
17. Grigorev M.S., Kovitidi O.F., *Krym: istorija vozvrashhenija*, Moscow, 2014. (in Russian)
18. Guskova E.Ju., *Agressija NATO protiv Jugoslavii v 1999 godu i process mirnogo uregulirovanija*, Moscow, 2013. (in Russian)
19. Holmogorov E., *Karat karatelej. Hronika russoj vesny*, Moscow, 2015. (in Russian)
20. Ishhenko R.V., *Krah Ukrainy. Demontazh nedo-gosudarstva*, Moscow, 2015. (in Russian)
21. Ivashov L.G., *Horonit ne speshite Rossiju*, Moscow, 2003. (in Russian)
22. Ivashov L.G., *Radikalnaja doktrina Novorossii*, Moscow, 2014.
23. Kaplan R., *Mest geografii. Chto mogut rasskazat geograficheskie karty o grjadushhih konfliktah i bitve protiv neizbezhnogo*, Moscow, 2015. (in Russian)
24. Kara-Murza S.G., *Eksport revoljucii. Jushhenko, Saakashvili*, Moscow, 2005. (in Russian)
25. Karjakin V.V., *Geopolitika tretej volny: transformacija mira v jepohu Postmoderna*, Moscow, 2013. (in Russian)
26. Keza Dzh., *Rusofobija 2.0: bolezni ili oruzhie Zapada*, Moscow, 2016. (in Russian)
27. Kljuchnikov B.F., *Sadam ili Irakskaja trjasina Ameriki*, Moscow, 2007. (in Russian)
28. Konovalov I.P., Valeckij O.V., *Evoljucija chastnyh voennyh kompanij*, Moscow, 2013. (in Russian)
29. Kulikov A.S., Runov V.A., *Vse Kavkazskie vojny Rossii. Samaja polnaja jenciklopedija*, Moscow, 2013. (in Russian)
30. Lauri R.S., *1991. Hronika vojny v Persidskom zalive*, Moscow, 2013. (in Russian)

REFERENCES

1. Azarov N.Ja., *Ukraina na perepute. Zapiski premer-ministra*. Moscow, 2015. (in Russian)
2. Bedrickij A., Byshok S., Kochetkov A., *Ukraina posle Evromajdana. Demokratija pod ognem*, Moscow, 2015. (in Russian)
3. Best Dzh., *Vojna i pravo pole 1945 g.*, Moscow, 2010. (in Russian)
4. Brzezinski Z., *Ukrainskij shans dlja Rossii*, Moscow, 2015. (in Russian)
5. Chasovskih S., *Novorossija. God vojny*, Moscow, 2016. (in Russian)
6. Cheremnyh K.A., Voskanjan M.V., Kobjakov A.B., *Anonimnaja vojna*, Moscow, 2014 (in Russian)
7. Danilin P., *Vossoedinenie*, Moscow, 2015. (in Russian)
8. Dannigen Dzh. F., Bjej O., *Gorjachie tochki XXI veka. Kak budut razvivatsja sobytija*, Moscow, 2014. (in Russian)
9. Deljagin M., *Rossija v bolshoj igre. Na ruinah potsdamского mira*, Moscow, 2016. (in Russian)
10. Dzhadan I., *Pjatidnevnaia vojna. Rossija prinyzhaet k miru*, Moscow, 2008. (in Russian)

31. Leontev M., Zhukov D., *“Nezavisimaja” Gruzija: bandit v tigrovoj shkure*, Moscow, 2008. (in Russian)
32. Loklend Dzh., *Parodija na pravosudie. Gaagskij tribunal protiv Slobodana Milosheвича*, Moscow, 2009. (in Russian)
33. Matvejchev O., Beljakov A., *Krymskaja vesna. 30 dnei, kotorye potrasli mir*, Moscow, 2014. (in Russian)
34. Mesich S., *Kak razvalilas Jugoslavija*, Moscow, 2013. (in Russian)
35. Mettan G., *Zapad – Rossija: Tysjacheletnjaja vojna. Istorija rusofobii ot Karla Velikogo do ukrainskogo krizisa. Pochemu my tak ljubim nenavidet Rossiju*, Moscow, 2016. (in Russian)
36. Narochnickaja N.A., *Rossija i russkie v sovremenennom mire*, Moscow, 2011. (in Russian)
37. Polikarpov M.A., *Igor Strelkov. Bitva za Donbass. Razgrom karatelej. Hronika srazhenij*, Moscow, 2015. (in Russian)
38. Primakov E.M., *Mir bez Rossii? K chemu vedet politicheskaja blizorukost*, Moscow, 2016. (in Russian)
39. Primakov E.M., *Rossija. Nadezhdy i trevogi*, Moscow, 2015. (in Russian)
40. Primakov E.M., *Vstrechi na perekrestkah*, Moscow, 2015. (in Russian)
41. *Puti Evrazii. Russkaja intelligencija i sudby Rossii*, Moscow, 1992. (in Russian)
42. *Rossija mezhdru Evropoj i Aziej. Evrazijskij soblazn*, Moscow, 1993. (in Russian)
43. Severskij V., *Donbass v ogne. Hronika neobjavlennoj vojny. Aprel – sentjabr 2014*, Moscow, 2015. (in Russian)
44. Shubin A.V., *Istorija Novorossii*, Moscow, 2015. (in Russian)
45. Smirnov A., *Proekt Novorossija. Istorija russkoj okrainy*, Moscow, 2015. (in Russian)
46. Sushhij S.Ja., *Ukraina, Rossii i mir. Krizis 2014: predposylki, posledstvija, jetnopoliticheskie perspektivy*, Moscow, 2015. (in Russian)
47. Todua Zurab, *Bitva za Moldovu. Chast 1. Gosudarstvenniki i unionisty na rubezhe XX – XXI vv.*, Kishinev, 2013. (in Russian)
48. Troshev G.N., *Chechenskij izlom*, Moscow, 2016. (in Russian)
49. *Ukraina: problemy territorialno-gosudarstvennogo razvitija*, Moscow, 2015. (in Russian)
50. Valeckij O.V., *Jugoslavskaja vojna*, Moscow, 2011. (in Russian)
51. Zharov M., Shevjakov T., *Hroniki informacionnoj vojny*, Moscow, 2009. (in Russian)
52. Zhirohov M., *Semena Raspada: vojny i konflikty na territorii byvshego SSSR*, St. Petersburg, 2012. (in Russian)
53. Zhukov D., *Vojny na ruinah SSSR*, Moscow, 2010. (in Russian)

УДК 93/94
ББК 63.3(2)62

МЯСОПОСТАВКИ В СССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941–1945 ГГ.

С.А. Жевалов

Аннотация. Статья посвящена анализу внутренних и внешних поставок мясных продуктов в Советском Союзе в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Основу статьи составляют документы, хранящиеся в фондах Российского государственного архива экономики (РГАЭ), основная часть которых впервые вводится в научный оборот. На основе архивных данных определяется объем заготовок мяса по обязательным поставкам, закупкам в мясной фонд Красной Армии и другим источникам поступления от колхозов, совхозов, колхозников и единоличных хозяйств сел и деревень Советского Союза, а также от рабочих и служащих, подсобных хозяйств и т.д. В статье дается информация о союзнических мясопоставках по программе ленд-лиза. Показана динамика поступления мяса и мясoproductов по всем источникам поступления. Актуальность данной статьи обусловлена непрекращающимися дискуссиями о значимости и существенности вклада ленд-лизевских поставок в общую Великую Победу.

Ключевые слова: Советский Союз, мясопоставки, Великая Отечественная война, ленд-лиз.

287

THE SUPPLY OF MEAT IN THE USSR DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR OF 1941–1945

S.A. Zhevalov

Abstract. The article analyzes the issue of internal and external supply of meat products in the Soviet Union during the Great Patriotic War 1941–1945. The article is based on documents stored in the Russian state archive of economy, the bulk of which was first introduced for scientific use. On the basis of archival data the volume of the prepared meat for compulsory deliveries, purchases, meat in the Red Army Fund, and other sources of meat supplies from collective farms, state farms, collective farmers and individual farms and villages of the Soviet Union, as well as from workers and employees, farms, etc. is determined. The article presents some information about allied supply of meat via lend-lease. It presents information of im-

porting meat and meat products from all sources of meat supplies. The relevance of this article is caused by the continuing debate about the significance and materiality of the contribution of lend-lease supplies to common Great Victory.

Keywords: *Soviet Union, supply of meat, Great Patriotic War, lend-lease.*

Великая Отечественная война превзошла все предшествующие войны по количеству жертв и уничтожению материальных ценностей. Тяжелейшее испытание выпало на долю Советского народа в войне 1941–1945 гг. Но советские люди не дрогнули перед общей бедой, а сплотились и встали плечом к плечу в суровые годы военного лихолетья. «Мост Победы, который мы обязательно построим, будет опираться на два берега – фронт и тыл. Так сказал сталевар с Магнитки, уходя на фронт. Удивительно емкое выражение. Такими мыслями тогда и жила вся страна. Ценой величайшего напряжения воли, сил, массовым героизмом на фронте и в тылу был построен Мост Победы» [1, с. 224].

Обязательные поставки сельхозпродуктов в военное время всегда, во всех войнах имели поистине судьбоносное значение для достижения победы над врагом. Поэтому в указах Президиума Верховного Совета СССР в годы Великой Отечественной войны эта работа тружеников тыловых и прифронтовых районов неоднократно акцентировалась и, по существу, приравнивалась к фронтовой деятельности.

Советское крестьянство делало все, чтобы дать стране хлеб, молоко, мясо. Но продуктов было мало, а в них остро нуждались и армия, и городское население, и сама деревня.

Исключительное значение в этих условиях приобрело разумное, рациональное распределение. Этому была подчинена вся система заготовок, которая до войны позволяла сосредоточивать в руках государства максимальное количество продуктов.

Уже в ходе Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. появились первые брошюры по аграрно-крестьянской тематике. Ценность работ исследователей военного времени состояла в том, что они охарактеризовали состояние развития сельского хозяйства в условиях войны. В работах военного времени содержались ценные автобиографические и дневниковые сведения, но отсутствовали сводные данные о развитии сельского хозяйства страны и отдельных регионов. Эти работы также содержали ошибочные утверждения и выводы. По причинам политического характера авторы не сообщали об уменьшении производства сельскохозяйственной продукции по сравнению с предвоенным временем.

В послевоенное десятилетие данная проблема изучалась более углубленно, с использованием архивных материалов. После Великой Победы тема войны не становилась менее актуальной, а завершенность военных событий открывала новые возможности для научного анализа.

Из трудов этого времени, посвященных советскому тылу, выделяют

ся работы экономистов, а не историков. Среди них особенно видное место занимает книга Н.А. Вознесенского, председателя Госплана СССР, «Военная экономика СССР в период Отечественной войны» [2], опубликованная в 1947 г. В этой первой обобщающей работе о военной экономике СССР был сделан крупный шаг вперед в разработке рассматриваемых проблем, вводилось в оборот много новых сведений, которые до настоящего времени находятся на вооружении исследователей.

К десятилетию Великой Победы Институт истории АН СССР подготовил первый обобщающий труд «Очерки истории Великой Отечественной войны 1941–1945» [3]. Ограничивая свою задачу рамками научно-популярного труда, авторы вместе с тем стремились не только дать краткое военно-историческое описание хода вооруженной борьбы, но также показать всенародный характер Великой Отечественной войны, роль широких народных масс в работе советского тыла и в военных действиях на фронтах.

«История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945» в 6-ти томах, изданная в 1960–1965 гг. [4] стала наиболее фундаментальным трудом 1960-х гг. Несмотря на то, что большая часть отведена описанию хода военных действий, в нем анализируется и состояние сельскохозяйственной экономики. Даже эти немногие страницы вносят много нового в изучение деревни периода войны. В отличие от ранее вышедшей литературы, здесь показано, как исключительно тяжело отразилась война на сельском хозяйстве, как ухудшилось материаль-

но-техническое снабжение колхозов, сократились трудовые ресурсы деревни, ослабла ее экономика.

Обращение ученых к архивным первоисточникам о работе колхозов и МТС, а также издание документальных сборников на местах положительно воздействовали на активизацию научной работы, подготовили условия для создания обобщающих монографий о колхозном крестьянстве. Первая из них – книга Ю.В. Арутюняна «Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны» [5]. Она оказала заметное влияние на всю последующую литературу о крестьянстве 1941–1945 гг.

В 1976–1980 гг. в Институте экономики АН СССР, в Отделе изучения экономической мысли и обобщения опыта развития социалистической экономики было подготовлено исследование «История социалистической экономики СССР» [6] в семи томах. Вторая часть пятого тома посвящена анализу состояния социалистической экономики в военные годы.

В обобщающей работе «История Советского крестьянства» [7], опубликованной в пяти томах, теме продовольственного обеспечения населения СССР в годы Великой Отечественной войны посвящен третий том сборника. В работе исследуется материально-техническая база сельскохозяйственного производства в предвоенные годы и дана характеристика происходивших изменений в годы войны, численность и состав крестьянства, состояние производительных сил.

В коллективной работе «Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки» [8], ко-

торая вышла в четырех томах в 1999 г., Г.А. Куманевым обстоятельно проанализировано состояние сельского хозяйства страны в 1943 г. Автор отмечает, что именно этот год был наиболее тяжелым для отрасли за весь период войны.

В 2005 г. вышла книга «Говорят сталинские наркомы» [9], основу которой составили записи, интервью и беседы автора с государственными и политическими деятелями, руководителями различных отраслей народного хозяйства СССР, возглавлявшими народные комиссариаты в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Их свидетельства обогащают представления исследователей о важнейших событиях военных лет, дают возможность лучше понять, каким образом закладывался экономический фундамент Великой Победы.

К 70-летию Великой Победы в 2014 г. был создан 12-томный труд «Великая Отечественная война 1941–1945 годов» [10]. Седьмой том «Экономика и оружие войны» полностью посвящен советской социалистической экономике, а девятый том «Союзники СССР по антигитлеровской коалиции» содержит данные о поставках в нашу страну стратегических материалов.

Таким образом, есть все основания предположить, что за истекшее с начала войны время историческая литература о подвиге колхозного крестьянства заняла видное место во всей историографии. Однако многие вопросы этой темы не нашли еще должного освещения.

Несколько лет тому назад в Российском государственном архиве экономики исследователи получили

возможность изучения документов Наркомата заготовок СССР, доступ к которым был ранее закрыт. Основу настоящей статьи составляют документы, хранящиеся в фондах Российского государственного архива экономики (РГАЭ), большая часть которых впервые вводится в научный оборот.

Н.А. Вознесенский сообщает: «Из-за неудачного начала войны СССР потерял несколько плодородных сельскохозяйственных областей. На территории, временно оккупированной гитлеровской Германией к ноябрю 1941 г., производилось 38% всей довоенной валовой продукции зерна, 84% всего довоенного производства сахара, находилось 38% всей численности крупного рогатого скота и 60% всего поголовья свиней» [2, с. 42].

Во время Великой Отечественной войны основные потери животноводства пришлось на республики, края и области Советского Союза, на которых проходили боевые действия или подвергшихся временной оккупации противником: «На территории СССР, подвергавшейся оккупации, уничтожено или похищено оккупантами 7 млн лошадей из общего количества 11,6 млн лошадей, бывших в этих районах до оккупации; истреблено 17 млн голов крупного рогатого скота из общего количества 31 млн голов; уничтожено 20 млн голов свиней из общего количества 23,6 млн голов; истреблено 27 млн овец и коз из общего количества 43 млн голов, находившихся в районах СССР, подвергавшихся оккупации» [2, с. 160].

Э.М. Щагин в работе «Современная историография альтернатив “революции сверху” в советской деревне в свете новых документов о трудовом

вкладе ее населения на алтарь Великой Победы» отметил: «Из-за отсутствия возможности разграничить источники поставок на колхозы, совхозы, подсобные хозяйства промышленных предприятий и личные подсобные хозяйства колхозников, рабочих и служащих, а также хозяйства единоличников в сводной таблице приводятся суммарные показатели по всем группам перечисленных хозяйств» [11, с. 55-56].

Сейчас у исследователей уже есть возможность разграничить источники мясopоставок (колхозы, совхозы, подсобные хозяйства промышленных предприятий и т.д.) и составить сводную таблицу поступления зачетного живого веса скота.

По данным таблицы 1 следует, что за годы Великой Отечественной войны Советский Союз по всем источникам поступления получил мяса в зачетном живом весе почти 6 281,3 тыс. тонн.

Во время Великой Отечественной войны СССР получал также мясо и мясные изделия по внешним

источникам поступления. Администратор программы ленд-лиза в 1941–1943 гг., а в 1944–1945 гг. государственный секретарь США Эдвард Стеттиниус свидетельствует: «Нацистские захваты обернулись для советских людей и потерей значительной части производства свинины, картофеля и овощей. В декабре 1941 г. мы начали проводить недельные конференции с советскими представителями и представителями Министерства сельского хозяйства, чтобы определить возможность удовлетворения потребности России в продовольствии. Заседали с нами и представители продуктовых ведомств Англии и Канады, так как канадская пшеница, как и продукты из других частей Британского Содружества, тоже были нужны России» [13, с. 220].

Э. Стеттиниус сообщает о том, что переговоры о поставках продовольствия только начались в декабре 1941 г., следовательно до начала 1942 г. Советский Союз не получал продовольствие по ленд-лизским поставкам.

Таблица 1

Заготовка и закупка мяса по СССР (в тыс. тонн)

Источники поступления	1940 г.	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.
Обязательная поставка	1218,0	1269,0	806,1	951,2	925,0	962,4
Колхозы	691,5	807,9	574,4	687,8	624,1	622,3
Индивидуальный сектор	526,5	461,1	231,7	263,4	300,9	340,1
Совхозы	337,0	185,1	174,6	75,0	50,6	61,9
Закупка	412,0	223,6	25,6	4,0	1,4	2,4
Поступления в счет других с/х продуктов	52,7	26,3	59,3	96,9	85,5	207,5
Кроме того поступления мясом в обмен на семенное зерно	—	—	—	88,0	—	—
Итого	2019,7	1704,0	1065,6	1215,1	1062,4	1234,2

Источник: Ф. 8040. Оп. 3. Д. 1461. Л. 5

Г.А. Куманев делает вывод: «Как в свое время заметил бывший президент США Герберт Гувер, Россия в битве под Москвой *“остановила немцев до того, как ленд-лиз дошел до нее”* (курсив Г.А. Куманева – С.Ж.) [14, с. 293].

К началу 1942 г. поголовье крупного рогатого скота в СССР сократилось с 54,5 млн (на 1 января 1941 г.) до 31,4 млн голов, в том числе коров с 27,8 млн до 15 млн голов. Количество же свиней тогда уменьшилось более чем втрое, а овец и коз – почти на одну четверть [4, с. 166].

Советский Союз в 1942 г. начинает ощущать потребность в мясных продуктах, поэтому с конца 1942 г. советское правительство делает заявки на ленд-лизские поставки мяса от союзников.

Э. Стеттиниус сообщает о запросе советского правительства в 1942 г. о союзнических поставках мясных продуктов: «В первые месяцы 1942 г. продуктовые поставки в Россию почти целиком сводились к муке, пшенице и сахару, но Советская правительственная закупочная комиссия, думая о будущем, сделала запрос на большое количество мясных консервов, жиров и масла. В России вообще не хватало продуктов, но особенно белков и жиров, необходимых для поддержания боеспособности войск. С самого начала войны из-за постепенно обостряющегося продовольственного кризиса в России вынуждены были ввести очень жесткое нормирование продуктов. Рабочие на военных заводах до сих пор получают не более двух третей рациона, который мы считаем минимально необходимым для поддержания хорошего здоровья, а “белые воротнич-

ки” и специалисты – и того меньше» [13, с. 220–221].

И.В. Сталин в письме к Ф.-Д. Рузвельту, отправленном 7 октября 1942 г., обращает акцентированное внимание союзников на поставки продовольствия в СССР по программе ленд-лиза: «...Кроме того, важно обеспечить поставку в течение 12 месяцев 2 млн т зерна (пшеницы), а также возможное количество жиров, концентратов, мясных консервов» [15, с. 251-252].

За два первых года войны, к середине 1943 г., ленд-лизские поставки продовольствия составили 1 500 тыс. тонн [13, с. 223]. По Второму протоколу по ленд-лизским поставкам союзников в СССР (01.07.1942 – 30.06.1943) наша страна получила 997 783 тонн продовольствия [14, с. 277]. Зная эти цифры, можем определить количество продовольствия, доставленного в СССР по Первому протоколу (01.10.1941 – 30.06.1942). Итак, в течение первого года войны Советский Союз получил по программе ленд-лиза немногим более 502 тыс. тонн, что составляет около 11% от общего количества продовольствия, поступившего в нашу страну в годы Великой Отечественной войны.

19 ноября 1942 г. началось наступление Красной Армии в ходе Сталинградской битвы в рамках операции «Уран». 23 ноября в районе Калача замкнулось кольцо окружения вокруг 6-й армии вермахта под командованием немецкого генерал-фельдмаршала Ф. Паулюса. Исход битвы под Сталинградом показал, – пишет Г.А. Куманев, – что крепнущее военное хозяйство СССР способно самостоятельно обеспечить Красную Армию всеми необходимыми

средствами вооруженной борьбы для разгрома врага [14, с. 276].

Далее Г.А. Куманев сообщает: «Официальные американские военные историографы Л. Лейтон и Р. Коукли в своей книге, посвященной проблемам всемирной стратегии начала 40-х годов, отмечали, что во время наивысшего напряжения в Сталинградской битве поставки из США Советскому Союзу уменьшились почти наполовину» [14, с. 293].

Следовательно, до начала 1943 г., то есть до коренного перелома в Великой Отечественной войне в пользу Советского Союза наша страна решала продовольственную проблему с помощью внутренних ресурсов, получая минимальное количество продовольствия извне.

В девятом томе 12-томного труда «Великая Отечественная война 1941–1945 годов», который называется «Союзники СССР по антигитлеровской коалиции», сообщается:

«Оценивая поставки в СССР по ленд-лизу, следует иметь в виду, что наивысшего пика они достигли в 1944 г. Первые же грузы по ленд-лизу зимой 1941–1942 гг. пришли в СССР очень поздно. Именно в эти критические дни сопротивление оказывала практически одна Красная армия, не получая какой-либо помощи со стороны западных стран. К концу 1942 г. согласованные программы поставок в СССР были выполнены американцами и англичанами на 55%. В 1941–1942 гг. в СССР поступило всего 7% отправленных за годы войны из США грузов. Основное количество вооружения и других материалов было получено Советским Союзом в 1944–1945 гг., после коренного перелома в войне. Осенью и зимой

1941 г., когда решалась судьба не только Москвы, но и всего Советского государства, в самый тяжелый период войны, по ленд-лизу из США пришли поставки всего на 541 тыс. долларов, в то время как общая помощь США в 1941 г. странам антигитлеровской коалиции в денежном выражении достигла 741 млн долларов. Таким образом, СССР в самое тяжелое время из этих поставок досталось менее 0,1%» [10, т. 9, с. 601].

Из вышеперечисленных данных о заготовках мясопродуктов в 1941 и 1942 гг. – самых тяжелых годах Великой Отечественной войны – можно сделать единственный вывод: Советский Союз в одиночку, практически без ленд-лизовских поставок добился окончательного перелома в свою пользу в войне против коалиции стран: Германии, Италии, Румынии, Венгрии, Финляндии, перевернув вектор войны на запад.

Далее сравним поступление отечественного мяса воюющего Советского Союза с мясными изделиями, поступившими из Соединенных Штатов Америки по программе ленд-лиза.

Э.М. Щагин, чтобы сравнить американские мясopоставки в СССР с отечественными мясopоставками, использует дневники майора Джордана. Он указывает: «Переведя американские фунты в килограммы и тонны, получаем около 1 млн 847 тыс. тонн американского мяса, поставленного в СССР в течение войны» [11, с. 58].

Н.И. Рыжков в своей книге «Великая Отечественная: ленд-лиз» отмечает: «В период поставок по ленд-лизу было поставлено 238 млн кг мороженой говядины и свинины,

218 млн кг консервированного мяса (в том числе 75 млн кг тушенки), 33 млн кг колбас и бекона, 1089 млн кг мяса кур...» [16, с. 319].

Суммируя эти цифры, получаем: 1 млн 578 тыс. тонн американского мяса, поставленного в Советский Союз по программе ленд-лиза.

В настоящей работе, как и Э.М. Шагин, воспользуемся источником «Lend Lease to Russia» [17, с. 17-20]. Получилась цифра 1 млн 875 тыс. тонн мяса и мясопродуктов.

Э.М. Шагин далее в своей работе переводит зачетный живой вес отечественного скота в полуфабрикаты. После этого ученый сравнивает отечественное мясо, полученное расчетным путем, с американскими мясными поставками, правда, здесь он оговаривает, что «Сравнивать консервированную мясную продукцию с сырым мясом можно весьма условно» [11, с. 57-58].

В настоящей работе наоборот американские мясопродукты переведены в живой вес скота. По мнению автора данной статьи, такой пересчет будет более точным, потому что в работе майора Джордана скрупулезно подсчитано, какое количество говядины, свинины, птицы, и т.п., а также какое количество полуфабрикатов и фабрикатов из каждого вида мяса было отгружено в Советский Союз. Для этого пересчета воспользуюсь книгой «Сборник рецептов блюд и кулинарных изделий для предприятий общественного питания» [18, с. 555]. При переводе 1 млн 875 тыс. тонн мяса и мясопродуктов в живой вес у меня получилось 3 млн 463 тыс. тонн. Сравнивая живой вес американских мясопоставок с отечественными мясопоставками (6 млн

281,3 тыс. тонн) устанавливаем, что доля американского мяса составляет 55% от отечественного.

Для объективной оценки роли ленд-лиза для СССР большое значение имеют не только количественные показатели, но и такие критерии, как качество материалов и оборудования, своевременность доставки на фронт, их значимость и т.п. В самые сложные первые два года войны: середина 1941 – середина 1943 гг., поставки продовольствия от союзников составили всего 30% от общего количества продуктов питания. Из 4,5 млн тонн продовольствия [10, т. 9, с. 599], отгруженного в СССР по ленд-лизским поставкам, 1,5 млн тонн были доставлены союзниками до середины 1943 г.

Э. Стеттиниус подтверждает тот факт, что поставки продуктов питания из США играли небольшую роль в решении продовольственной проблемы в воюющем Советском Союзе: «Хотя наши поставки продовольствия в Россию были велики, они, вероятно, лишь в малой мере отвечали потребности Красной Армии в калориях, и ничего не оставалось гражданскому населению» [13, с. 223].

В начале работы автор данной статьи цитировал Н.А. Вознесенского, который сообщает, что в оккупированных районах СССР немцы уничтожили или похитили 17 млн голов крупного рогатого скота, 20 млн голов свиней, 27 млн овец и коз, 7 млн лошадей. Составим таблицу 2.

Из таблицы видим, что в оккупированных районах СССР немцы уничтожили или похитили примерно 11 200 000 тонн скота в живом весе. Эта цифра на 13% больше, чем Советский Союз получил в годы Ве-

Уничтожение скота немецкими оккупантами

	Млн голов	Вес животного, кг.	Живой вес, тонны
Крупный рогатый скот	17	400–500	7 650 000
Свиньи	20	110	2 200 000
Овцы и козы	27	50	1 350 000
Всего			11 200 000

ликой Отечественной войны отечественного и ленд-лизского мяса суммарно в живом весе: 6 281 300 + 3 463 000 = 9 744 300 тонн.

Американский мясоконсервный ленд-лиз в 1941–1945 гг., безусловно, оказал реальную помощь в деле снабжения основными видами продовольствия страны в целом и Красной Армии особенно, спору нет. Но основная роль в поставках мяса легла на плечи отечественного сельского производства, основанного на колхозно-совхозной системе хозяйствования.

Военная экономика СССР была создана благодаря усилиям всего советского народа. И роль крестьянства в этой связи невозможно переоценить. Поэтому те современные историки и публицисты, которые «впадают в крайность» и пишут о так называемом «роге изобилия» американского продовольственного ленд-лиза, мягко говоря, ошибаются. Их голословные заявления, что «главным в ленд-лизе были не танки и самолеты, студебекеры и командирские джипы, а продовольствие, и что без поставок техники и вооружений СССР имел шансы выиграть войну, а без «второго фронта» — американской тушенки — нет, не имеют под собой никакой реальной доказательной основы.

Надо признать, что созданная в начале 1930-х гг. колхозная система оказалась хорошо приспособленной

к максимальной мобилизации материальных ресурсов сел и деревень Советского Союза на нужды войны. Обязательные госпоставки в условиях войны позволили государству создать необходимый продовольственный фонд. Распределялся он строго централизованно путем установления нормированного снабжения, предпочтение отдавалось действующей армии, которая регулярно получала все положенное по нормам продовольствие.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ибрагимов, Д.С.* Противоборство [Текст] / Д.С. Ибрагимов. — М.: ДОСААФ, 1989. — 496 с.
2. *Вознесенский, Н.А.* Военная экономика СССР в период Отечественной войны [Текст] / Н.А. Вознесенский. — М.: Государственное издательство политической литературы, 1947. — 192 с.
3. Очерки истории Великой Отечественной войны 1941–1945 [Текст]. — М.: Издательство: «Библиотека Академии наук СССР». 1955. — 536 с.
4. История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945. В 6-ти томах [Текст]. — М.: Военное издательство Министерства обороны СССР, 1960–1965.
5. *Арутюнян, Ю.В.* Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны [Текст] / Ю.В. Арутюнян. — Изд. 2-е, доп. — М.: Издательство «Наука», 1970. — 466 с.
6. История социалистической экономики СССР. В 7 т. [Текст] / АН СССР, Ин-т эконо-

- номики; ред. И.А. Гладков. – М.: Наука, 1976–1980.
7. История крестьянства СССР. История советского крестьянства. В 5-ти томах. Т. 3. Крестьянство накануне и в годы Великой Отечественной войны. 1938–1945 [Текст]. – М.: Наука, 1987. – 448 с.
 8. Великая Отечественная война 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 4. Народ и война [Текст] / гл. ред. В.А. Золотарев. – М.: Наука, 1999. – 368 с.
 9. Куманев, Г.А. Говорят сталинские наркомы [Текст] / Г.А. Куманев. – Смоленск: Русич, 2005. – 638 с.
 10. Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти томах [Текст]. – М.: Кучково поле, 2014.
 11. Щагин, Э.М. Современная историография альтернатив «революции сверху» в советской деревне в свете новых документов о трудовом вкладе ее населения на алтарь Великой Победы [Текст] // Вторая мировая и Великая Отечественная войны: исторические уроки и проблемы геополитики. Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 65-летию юбилею Великой Победы (14–15 апреля 2010 г., МПГУ). – М.: МПГУ, 2010. – С. 35-62.
 12. Российский государственный архив экономики. – Ф. 8040. – Оп. 3.
 13. Стеттиниус, Э. Загадки ленд-лиза. Ленд-лиз – Оружие победы [Текст] / Э. Стеттиниус. – М.: Вече, 2000. – 400 с.
 14. Куманев, Г.А. Рассекреченные страницы истории Второй мировой войны. Трагедия и подвиг [Текст] / Г.А. Куманев. – М.: Вече, 2012. – 368 с.
 15. Печатнов, В.О. Переписка И.В. Сталина с Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем в годы Великой Отечественной войны. Документальное исследование. В 2-х томах. [Текст] / В.О. Печатнов, И.Э. Магадеев. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2015.
 16. Рыжков, Н.И. Великая Отечественная: ленд-лиз [Текст] / Н.И. Рыжков. – М.: Издательский дом «Экономическая газета», 2012. – 440 с.
 17. Lend Lease to Russia. From Major Jordan Diaries [Text]. – NY: Harcourt, Brace, 1952.
 18. Голунова, Л.Е. Сборник рецептов блюд и кулинарных изделий для предприятий

общественного питания [Текст] / Л.Е. Голунова, М.Т. Лабзина. – 16-е изд., испр. и доп. – СПб.: Профи, 2014. – 774 с.

REFERENCES

1. Arutynian Y.V., *Sovietskoe krestianstvo v gody Velikoi Otechestvennoi voiny*, Moscow, Nauka, 1970. 466 p. (in Russian)
2. Ibragimov D.S., *Protivoborstvo*, Moscow, DOSAAF, 1989. 496 p. (in Russian)
3. *Istoria krestianstva SSSR. Istoria sovietskogo krestianstva*, V 5 vols., Vol. 3. *Krestianstvo nakanune i v gody Velikoy Otechestvennoy voyny 1938–1945*, Moscow, Nauka, 1987, 448 p. (in Russian)
4. *Istoria sotcyalisticheskoy ekonomiki SSSR*, V 7 vols., AN SSSR, Institut ekonomiki, ed. I.A. Gladkov, Moscow, Nauka, 1976–1980. (in Russian)
5. *Istoria Velikoy Otechestvennoy voyny Sovetskogo Soiya 1941–1945*, V 6 vols., Moscow, Voennoe izdatelstvo Ministerstva oborony SSSR, 1960–1965. (in Russian)
6. Golunova L.E., Labzina M.T., *Sbornik receptur byld i kulinarykh izdelij dlia predpriyatij obschestvennogo pitaniya*, St. Petersburg, Profi, 2014, 774 p. (in Russian)
7. Kumaniov G.A., *Govoriat stalinskie nar-komy*, Smolensk, Rusich, 2005, 638 p. (in Russian)
8. Kumaniov G.A., *Rassekrechennyye stranitsy istorii Vtoroy mirovoy voyny. Tragediya i podvig*, Moscow, Veche, 2012, 368 p. (in Russian)
9. *Lend Lease to Russia*, From Major Jordan Diaries, New Yourk, Harcourt, Brace, 1952.
10. *Ocherki istorii Velikoy Otechestvennoy voyny 1941–1945*, Moscow, Biblioteka Akademii nauk SSSR, 1955. 536 p. (in Russian)
11. Pechatnov V.O., Magadeev I.E., *Perepiska I.V. Stalina s F. Ruzveltom i U. Cherrchillem v gody Velikoy Otechestvennoy voyny. Dokumentalnoe issledovanie*, V 2 vols., Moscow, OLMA Media Grupp, 2015. (in Russian)
12. *Rossiiskij gosudarstvennyi arhiv ekonomiki*, F. 8040, Op. 3. (in Russian)
13. Ryzhkov N.I., *Velikaia Otechestvennaia: lend-lease*, Moscow, Ekonomicheskaya gazeta, 2012. 440 p. (in Russian)
14. Schagin E.M., “Sovremennaya istoriografia alternativ “revolucii sverkh” v sovetskoi

- derevne v svete novyh dokumentov o trudovom вкладе ee naseleniia na altar Velikoi Pobedy”, in: *Vtoraia mirovaia i Velikaia Otechestvennaia voyny: istoricheskie uroki i problemy geopolitiki. Proceedings of the Vserossiiskoi nauchnoi konferencii, poviaschennoi 65-letnemu iubileiu Velikoi Pobedy* (14–15 apreliia 2010, Moscow State University of Education), Moscow, 2010, pp. 35-62. (in Russian)
15. Stettinius E., *Zagadki lend-liza. Lend-lease – oruzhie pobedy*, Moscow, Veche, 2000, 400 p. (in Russian)
 16. *Velikaia Otechestvennaia voina 1941–1945 godov*, V 12 vols., Moscow, Kuchkovo pole, 2014. (in Russian)
 17. *Velikaia Otechestvennaia voina 1941–1945. Voенно-istoricheskie ocherki*, Kniga 4, Narod i voina, ed. V.A. Zolotariov, Moscow, Nauka, 1999, 368 p. (in Russian)
 18. Voznesenskij N.A., *Voennaia ekonomika SSSR v period Otechestvennoy voyny*, Moscow, Gosudarstvennoe izdatelstvo politicheskoi literatury, 1947, 192 p. (in Russian)

Жевалов Сергей Анатольевич, аспирант, кафедра новейшей отечественной истории, Институт истории и политики, Московский педагогический государственный университет, szhevalov@mail.ru

Zhevalov S.A., Post-Graduate Student, Modern Russian History Department, Moscow State University of Education, szhevalov@mail.ru

УДК 94
ББК 63.3(0)63

ТРАНСФОРМАЦИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА ГЕРМАНИИ И ЯПОНИИ ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Б.А. Ночвина

Аннотация. Целью данного исследования является анализ послевоенного государственного переустройства Германии и Японии под влиянием оккупационных режимов на территории данных стран. Созданный в 1949 г. Основной закон ФРГ превратил Германию в стабильную и эффективную модель демократии, а конституция Японии 1947 г. стала удачным синтезом западного парламентаризма и национально-политических традиций стран Восточной Азии. Особенно данный синтез проявился в оформлении института судебной власти и административного аппарата. Оба конституционных проекта создавались в условиях оккупационного режима, однако немецкие парламентарии обладали большей самостоятельностью, нежели японские. Изучение данной проблемы позволяет более глубоко и разностороннее проанализировать влияние Второй мировой войны на конституционное право ведущих стран Европейского и Азиатско-Тихоокеанского регионов в условиях формирования биполярного мира.

Ключевые слова: оккупационный режим, конституционное право, демократия, пацифизм, федерализм, национально-политические традиции.

298

TRANSFORMATION OF CONSTITUTIONAL LAW IN GERMANY AND JAPAN AFTER THE SECOND WORLD WAR

B.A. Nochvina

Abstract. The aim of this study is to analyze the post-war state reconstruction of Germany and Japan under the influence of the occupation regime on the territory of these countries. Founded in 1949 Basic law of Germany turned Germany into a stable and effective model of democracy, and the Constitution of Japan 1947 became a successful synthesis of Western parliamentary and the national-political traditions of East Asia. This synthesis was particularly manifested in the design of the institution of the judiciary and administrative apparatus. Both the constitutional projects were created

under the occupation regime; however, German parliamentarians had greater autonomy than Japanese. The study of this problem allows to give a deeper and more versatile analyzes of the impact of the Second World War on the constitutional law of the leading countries in the European and Asia-Pacific regions in the conditions of the bipolar world formation.

Keywords: *occupation regime, constitutional law, democracy, pacifism, federalism, national and political traditions.*

Вторая мировая война завершилась разгромом стран-агрессоров и оформлением нового биполярного мира. Послевоенное государственное переустройство Германии и Японии было связано не только с отказом данных стран от традиционного курса милитаризма и готовности создать устойчивую модель демократии, но и с ростом напряженности внутри союзнической коалиции, что заметно сказалось на действиях оккупационных властей в Западной Германии и Японии.

В отличие от Японии, создавшей свою первую конституцию лишь в 1889 г., Германия имела весомый опыт конституционного права. Конституция объединенного национального немецкого государства 1871 г. многое заимствовала из прусской конституции 1850 г. Особенностью германской конституции 1871 г. было изначальное неравенство в структуре власти, значительный приоритет имперского правительства во главе с рейхсканцлером над законодательной властью. Это было обусловлено поздним оформлением национального государства Германии и стремлением закрепления сильной централизованной власти. Формально новый основной закон определял режим конституционной монархии, но de-facto Германия не

являлась демократическим государством. Это хорошо прослеживается в функциях и принципе формирования немецкого парламента. Нижняя палата рейхстаг был единственным органом власти, формируемым путем всеобщих прямых выборов, верхняя палата рейхсрат обеспечивала главенство Пруссии в мнимом федерализме империи Гогенцоллернов. Таким образом, национальные политические традиции немецкого федерализма и либеральный потенциал, накопленный Германией в годы общеевропейской революции 1848–1849 гг., стали жертвой главной составляющей идеологии объединенного государства “Deutscher Sonderweg” (немецкий особый путь).

Еще одной отличительной чертой конституции 1871 г., во многом определившей дальнейшее политическое развитие страны, стала ее милитаризация. Глава XI «Военное дело империи» [1, с. 196] предоставляла широкие конституционные возможности для дальнейшего укрепления военной мощи и расходов бюджета на содержание армии. Впоследствии эта милитаризованность конституционного права Германии станет одной из составляющих национально-политические традиций немецкого государства в первой половине XX столетия.

Веймарская конституция 1919 г., как первая демократическая конституция Германии, закрепившая республиканский строй, тем не менее, многое заимствовала из псевдопарламентаризма предшествующего основного закона. Этим объясняется изначальный деструктивизм Веймарской демократии.

Первая конституция Японии была подписана императором 11 февраля 1889 г. и стала главным политико-правовым итогом революции Мэйдзи. Первоначальный проект конституции был составлен графом Ито Хиробуми в 1888 г.; специальная миссия графа Ито, ознакомившись с опытом зарубежного конституционного права 15 стран, выбрала в качестве правового образца прусскую конституцию 1850 г. Приоритет исполнительной власти, обеспечение условий для дальнейшей милитаризации, сохранение привилегий аристократии и т.д. соответствовали ожиданиям новой политической элиты Японии. Однако конституция 1889 г. больше отражала наследие национально-политических традиций Японии, нежели стала образцом приложения западного конституционализма к правовым особенностям Восточно-Азиатского региона. Об этом свидетельствует ст. 1 [1, с. 198]: «Японская империя управляется непрерывной на вечные времена императорской династией». В конституции легитимизируется божественное происхождение имперской власти, так как статус императора символизировал воссоздание сильного государства, что было главной национальной политической идеей революции Мэйдзи. Восточноазиатская модель правовой культуры, в основе

которой лежит конфуцианская модель иерархичности общества с опорой на вертикаль власти, оказывала на первый конституционный проект Японии больше влияние, чем прусский консервативный вариант европейского либерализма. Тем не менее, близость конституций рейха Гогенцоллернов и императорской Японии во многом предопределила не только схожую модель политического развития в первой половине XX века, но и стала причиной необходимости пересмотра основ конституционного права после окончания Второй мировой войны. Обе страны проиграли войну и были оккупированы войсками союзников. Период оккупации и процесс вовлеченности национальных политических элит данных государств в создании послевоенного государственного порядка оказал весомое влияние на общий характер новых конституционных моделей Японии и Германии.

Особенности нового послевоенного германского государства были предопределены задолго до его фактического создания. Проблема послевоенного устройства Германии была ключевым аспектом союзнических конференций. Перед германским народом вновь стала проблема построения парламентской республики. Преодоление нацистского прошлого и введение демократии проводилась под жестким надзором оккупационных властей. Одним из требований англо-саксонского блока стало закрепление в новой конституции Западной Германии принципа федерализма. Разделение Германии на оккупационные зоны привело к новому региональному делению страны: тем самым оккупационные власти за-

падных немецких земель создали основу для германского федерализма в его нынешней форме. Существенным этапом для демократизации общественной жизни была разработка конституций земель; антифашистские и демократические черты были присущи большинству конституций [7, р. 102, 103, 121, 112, 114]. Таким образом, облик германского федерализма складывался в выгодном для союзников стиле. В последующем федеральное устройство ФРГ стало своеобразным гибридом требований оккупационных властей и национальных политических традиций Германии. Уникальность созданной в ФРГ федеративной системы заключается в функциональном разделении законодательной и административной ответственности органов местной и центральной власти. Данная система получила название «кооперативный федерализм» и стала еще одним гарантом стабильности существующего конституционного строя в Германии.

Подготавливая Основной закон ФРГ, творцы конституции стремились «преодолеть конституционно-политические тенденции уходящего периода, направленную на преобразование общественного строя, на решительную демократизацию политического устройства» [4, р. 103]. Процесс становления Боннской конституции осуществлялся в соответствии с прямыми указаниями военных губернаторов США, Великобритании и Франции. «Вначале была директива – писал известный юрист Ф. Гизе – директива, исходящая от военных властей западных оккупационных властей». [4, р. 112]. Однако политика денацификации имела

свою специфику, которая объяснялась бюрократическими национальными традициями Германии. Консервативность немецкой административной структуры, представленной в Парламентском совете, а затем в общей администрации ФРГ, связана с личностью первого канцлера страны К. Аденауэра. Целью последнего было быстрое и качественное восстановление экономики Германии, поэтому К. Аденауэр предпочел работать с профессиональными опытными чиновниками, в основном представленными бывшими функционерами прежней администрации. Предпочтение немецких парламентариев правовым традициям Веймарской республики шло вразрез со стремлением оккупационных властей реформировать немецкий административный аппарат по англосаксонскому образцу.

Депутаты Парламентского Совета болезненно восприняли явный дефицит своей демократической легитимности. «Мы не представляем немецкий народ, мы находимся здесь по поручению союзников», – говорил на открытии Парламентского совета К. Аденауэр [5, р. 30]. Новая конституция Германии 1949 г. получила название Основной закон, тем самым западногерманские парламентарии оставляли право рассмотреть данный конституционный проект как проект переходного периода в истории страны.

Одним из главных противоречий Веймарской конституции был дуализм исполнительной власти, в частности ст. 48 предоставляла широкие полномочия президенту страны в чрезвычайных условиях. Данный дуализм стал правовой основой для

легитимного оформления в Германии нацистского режима. Поэтому, в отличие от Веймарской конституции, где функции президента и канцлера во многом пересекались и даже смешивались, в Основном законе ФРГ имеется четкое разграничение полномочий каждого. Существовала и объективная причина для сохранения принципа дуализма исполнительной власти — широкая многопартийность, в условиях которой федеральный президент выступал бы в роли арбитра между партийными фракциями. Исходя из этой роли, при избрании кандидата на должность президента делается акцент не столько на его политическую активность, сколько на его личные качества, а также на отношение к нему оппозиционных партий. В результате Федеральный президент является относительно нейтральной фигурой в политической структуре ФРГ. В отличие от Веймарской системы, ФРГ является не президентской, а парламентской республикой, в чем выражается еще один элемент системы сдержек и противовесов. Федеральный президент не избирается напрямую, а назначается сроком на 5 лет Федеральной Ассамблеей, которая состоит из Бундестага (в полном составе) и соответствующему числу парламентариев количества депутатов от земель [6, с. 74]. Федеральный президент, согласно конституции, является главой государства. Подобно императору Японии, он представляет государство на международной арене и является гарантом суверенитета ФРГ.

Несмотря на то, что формально главой государства является Федеральный президент, фактически вся

исполнительная власть в стране сосредоточена в руках бундесканцлера ФРГ, чьи функции регламентируются ст. 63–65 Основного закона [6, с. 78]. В дополнение к статьям о неизбежности существующего Основного закона, ст. 67 о «конструктивном вотуме недоверия» обеспечивает довольно стабильное положение федерального канцлера. Для его отставки недостаточно простого большинства голосов, необходимо также, чтобы большинство проголосовало за новую кандидатуру на его место перед тем, как действующий канцлер будет отстранен от дел. Данная формулировка статьи делает фактическое отстранение канцлера невозможным.

Согласно конституции ФРГ является демократическим и социальным государством [6, с. 12]. В отличие от Веймарской конституции Основной закон ФРГ не содержит статей, закрепляющих общие положения «социального государства». Принцип социальной государственности отражен в ст. 1, 14, 20, 28 [6, с. 12, 18, 24]. Однако определяющий принцип правового государства стал основой для создания в ФРГ эффективной модели «социальной демократии».

Судебная система Германии была существенно реформирована с учетом печального опыта Веймарской демократии. Главной задачей было создать новую судебную систему, которая была бы сконцентрирована не на формальных процедурах, а на защите прав граждан. В результате была создана унитарная судебная система, состоящая из 6 главных ветвей. Федеральный закон определяет базовую структуру судов, в то время как деятельность большинства судов на территории земель ре-

гулируется местными законами. Федеральные директивы и федеральные апелляционные суды обеспечивают унифицированную деятельность судов на всей территории ФРГ, в то время как местная администрация земель обеспечивает независимость судов от национального правительства. Особенностью судебной системы ФРГ, в отличие от предшествующего периода, является наличие независимого Конституционного Суда. Он специализируется на вопросах конституционного законодательства, разрешения межправительственных споров, а также на защите конституционного строя и демократических ценностей (ст. 93) [6, с. 100].

Если процесс конституционного переустройства послевоенной Германии в условиях начавшейся «холодной войны» закончился разделением страны на два государства – ФРГ и ГДР – но судьбу послевоенной Японии решали исключительно американские оккупационные власти.

Япония, так же как и Германия, после подписания пакта о капитуляции была оккупирована войсками союзников. Новая японская конституция была провозглашена 3 ноября 1946 г. и вступила в силу 3 мая 1947 г. Главными создателями японской послевоенной конституции были представители американской оккупационной власти, поэтому и весь проект нового государственного устройства Японии, прежде всего, должен был отвечать геополитическим задачам США. Разработчики конституции видели основную цель в формировании и закреплении демократических институтов в японском обществе, что позволило бы

укрепить Японию в качестве полноценного партнера США в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Основные принципы будущей конституции разрабатывались в Госдепартаменте США в Вашингтоне, а непосредственно в Японии реализовывались на практике штабом оккупационных сил во главе с генералом Д. Макартуром. Не последнюю роль в оформлении нового конституционного устройства Японии сыграли изменения геополитической ситуации в Восточной Азии, в частности – создание КНР и усиление коммунистического режима в Северной Корее. По мнению ряда исследователей, именно победа Мао Цзэдуна в Китае заставила американцев изменить свое стратегическое отношение к Японии: «Первоначальной целью политики демократизации было ослабление Японии путем разрушения прежних институтов и взаимоотношений во власти, однако после победы коммунистов в Китае в 1950 г. ситуация в Азии требовала возрождения могущества Японии» [7, р. 11].

Помимо выработки самого текста конституции, перед создателями стояла еще одна немаловажная задача – обеспечить ее закрепление в политической культуре японского государства, для которого, несмотря на существовавший конституционный опыт, демократические ценности были нехарактерны. Необходимо было учесть особенности японской политической культуры и «вплести» в нее новую конституцию. Проект новой конституции учитывает существующую традицию японского конституционного развития и включает в себя значительные элементы англосаксонского и американского пра-

ва. Под влиянием американской конституции в новом основном законе Японии был закреплён принцип разделения властей, обеспеченный системой сдержек и противовесов, верховный суд наделён функциями конституционного надзора, а также после долгого поиска компромисса с японскими юристами закреплён институт местного самоуправления.

Новая конституция сохраняла в Японии конституционную монархию, однако роль императора в государстве и его полномочия были значительно скорректированы. Если раньше император, согласно конституции 1889 г., являлся центром власти, заключающим в своих руках все рычаги правления и сосредотачивающий все ветви власти, то теперь его функции стали носить чисто церемониальный репрезентативный характер. Институт монарха был оставлен даже при провозглашении народного суверенитета в качестве источника власти. Но правовое положение Императора было сведено до положения, когда он царствует, но не правит. Титул императора передаётся по мужской линии. Хотя Конституция резко ограничила компетенцию монарха, она, отдавая дань традиции уважения персоны Императора, регламентирует его статус в самой первой главе. «Империя Великой Японии находится под нерушимым на вечные времена господством и управлением династии Императоров» [8, с. 441]. Статья 4 конституции гласит, что «Император не наделён полномочиями, связанными с осуществлением государственной власти» [8, с. 442]. Таким образом, все его действия, связанные с государственными делами, теперь могли

осуществляться лишь согласия и одобрения Кабинета министров. В целом институт парламентской монархии в Японии сильно напоминает британскую модель, однако представительские функции японского императора значительно меньше, чем у английской монархии. Резкое ограничение функций императора Японии в конституции 1947 г., объясняется ролью императорской династии в оформлении японского милитаристского режима накануне Второй мировой войны.

Конституция 1947 года, как и предшествующая, закрепляет принцип разделения властей. Законодательная власть представлена двухпалатным парламентом, состоящим из палаты представителей и палаты советников. Верхняя палата не может быть распущена досрочно, тогда как нижняя палата может быть распущена императором по требованию правительства. Следует отметить, что для внутривластной структуры Японии, как и большинства азиатских стран, характерна высокая степень бюрократизации. При создании конституции ее авторы учли эту особенность, поэтому бюрократическая система не только не была упразднена, но и стала базой для проведения дальнейшей демократизации общества. Это стало залогом успешной демократизации Японии и соединения западных демократических ценностей с традиционной азиатской политической структурой. Подобная специфика, однако, не могла не отразиться на главных органах государственной власти.

Так, отличительной чертой японского парламента является его консервативный характер, подкрепляе-

мый устойчивой бюрократической структурой. Для него характерна довольно тесная связь депутата со своим избирательным округом. Нередки случаи, когда округ передается со своим избирательным округом. Таким образом, в связи с тем, что для Японии характерно многократное переизбрание одного и того же кандидата, лицам со стороны попасть в парламент становится фактически невозможно. Кроме того, как депутаты, так и советники имеют свободный мандат.

Конституция 1947 г. на фоне прежней политической традиции Японии произвела серьезные революционные изменения, причем не столько отражающие состояние страны на тот момент, сколько обращенные в будущее. Ее основные положения не просто существенно отличались от принципов конституции Мэйдзи 1889 г., а зачастую были их полной противоположностью: парламент становился равноправной составляющей принципа разделения властей, а гражданские права и свободы не ограничивались «в рамках, установленных законом», а четко фиксировались и защищались тем же законом. Созданная под воздействием англо-саксонского права конституция 1947 г. в качестве основы взяла концепцию естественных прав человека (ст. 11) [8, с. 445]. По сравнению с конституцией 1889 г. не только вдвое увеличилось число статей, регламентирующих гражданские свободы, но и все они приобрели развернутый характер с четкими формулировками.

Однако главным влиянием последствий Второй мировой войны на изменение конституционного права

Японии стал ярко выраженный пацифизм конституции 1947. Ст. 9 гласит: «Японский народ на вечные времена отказывается от войны как суверенного права нации, а также от угрозы или применения вооруженной силы как средства разрешения международных споров... Никогда впредь не будут создаваться сухопутные, морские и военно-воздушные силы, равно как и другие средства войны. Право на ведение государством войны не признается» [8, с. 443]. В отличие от конституции Мэйдзи, где были закреплены особые полномочия военных при императоре, а также военная прерогатива императора, новая конституция делала Японию нейтральной от участия в каких-либо международных военных акциях и союзов. Инициатором данной статьи были японские власти – впервые данное предложение было сделано премьер-министром Японии К. Сидэхара. Это совпадало с интересами американских оккупационных властей создать правовые условия для невозможности восстановления японского милитаризма.

В целом стоит отметить, что и Основной закон ФРГ 1949 г., и конституция Японии 1947 г., прежде всего, закрепили незыблемость демократического государственного устройства в этих странах (ст. 79 Основного закона ФРГ, ст. 96–98 японской конституции 1947 г.) [8, с. 78, 458]. Несмотря на то, что оба конституционных проекта создавались в условиях оккупационного режима, немецкие парламентарии обладали большей самостоятельностью, нежели японские, в связи с чем дискуссии о пересмотре некоторых статей конституции 1947 г. не утихают в Японии до

сих пор. Обе конституции стали удачным синтезом требований союзнических властей и национально-политических традиций, это особенно проявилось в оформлении института судебной власти и административного аппарата.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран. (Новое и новейшее время) [Текст] / Составитель д.ю.н., проф. Н.А. Крашенинников. – М.: Зерцало, 1999. – 592 с.
2. Reich und Lander Texte zur deutschen Verfassungsgeschichte im 19 und 20 Jahrhundert [Text] // Hrsg. Boldt H. – Munchen: Papir, 1987. – 544 p.
3. Demokratie und Reich [Text] / Hrsg. Stuby G. – F.a.M.: Land, 1974. – 327 p.
4. Giese, F. Grundgesetz fur die Bundes Republik Deutschland vom 23 Mai 1949 [Text] / F. Giese. – F.a.M.: Land, 1951. – 312 p.
5. Die CDU/CSU in Parlamentarischen Rat [Text] / Hrsg.H.O.Klenemann. – Stuttgart: Deutsche Verlags Anstalt GmbH, 1981. – 470 p.
6. Федеративная республика Германии. Конституция и законодательные акты [Текст] / Под ред. Ю.П. Уряса; пер. с немец. – М.: Прогресс, 1991. – 193 с.
7. Abe, H. The government and politics of Japan [Text] / H. Abe, M. Scindo, S. Kawato.

– Tokyo: University of Tokyo Press, 1994. – 159 p.

8. Конституция Японии 1947 г. [Текст] // Конституции зарубежных государств / Сост. В.В. Маклаков. – 2-е изд. исправл. и доп. – М.: БЕК, 1999. – 584 с.

REFERENCES

1. Abe H., Scindo M., Kawato S., *The government and politics of Japan*, Tokyo, University of Tokyo Press, 1994, 159 p.
2. *Demokratie und Reich*, Hrsg. Stuby G., Frankfurt am Main, Land, 1974, 327 p.
3. *Die CDU/CSU in Parlamentarischen Rat*, Hrsg.H.O.Klenemann, Stuttgart, Deutsche Verlags Anstalt GmbH, 1981, 470 p.
4. *Federativnaja respublika Germanii, Konstitucija i zakonodatelnye akty*, trans., ed. Ju.P. Urjasa, Moscow, Progress, 1991, 193 s. (in Russian)
5. Giese F., *Grundgesetz fur die Bundes Republik Deutschland vom 23 Mai 1949*, Frankfurt am Main, Land, 1951, 312 p.
6. *Hrestomatija po istorii gosudarstva i prava zarubezhnyh stran. (Novoe i novejshee vremja)*, Sostavitel prof. N.A. Krashennnikov, Moscow, Zercalo, 1999, 592 p. (in Russian)
7. “Konstitucija Japonii 1947 goda”, in: *Konstitucii zarubezhnyh gosudarstv*, Sostavitel V.V. Maklakov, 2nd., Moscow, BEK, 1999, 584 s. (in Russian)
8. *Reich und Lander Texte zur deutschen Verfassungsgeschichte im 19 und 20 Jahrhundert*, Hrsg. Boldt H., Munchen, Papir, 1987, 544 p.

Ночвина Белла Анатольевна, кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории, регионоведения и журналистики, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, bella.nochtvina@mail.ru

Nochvina B.A., PhD in History, Associate Professor, History, Regional Studies and Journalism Department, Nizhny Novgorod Linguistic University, bella.nochtvina@mail.ru

УДК (811.411.21+811.161.1)373.45
ББК 81.61-32+81.411.2-32

ЗАИМСТВОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СФЕРЫ В СОВРЕМЕННЫХ АРАБСКОМ И РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЯЗЫКАХ (фонетико-графический аспект)

Е.С. Гилева

Аннотация. Статья посвящена сравнению новейших иноязычных заимствований экономической терминологии в современных арабском и русском литературных языках, особое внимание уделяется фонетико-графическому аспекту. Интенсивный приток европейских заимствований, в особенности англицизмов, с конца XX века идет очень активно, в том числе в экономической сфере. В данной статье осуществлена попытка сравнить процессы ассимилирования заимствований экономической сферы в разнотипных языках: указываются фонетико-графические особенности каждого из языков, анализируются способы, средства ассимилирования заимствований экономической сферы в указанных языках, даются классификации заимствованных слов, представляются таблицы соответствующих примеров.

Ключевые слова: лексическое заимствование, заимствования в русском языке, заимствования в арабском языке, экономические заимствования, ассимиляция заимствований, терминообразование, ассимиляция, сопоставление языков, языковые контакты.

307

THE BORROWINGS IN THE ECONOMIC SPHERE OF THE MODERN LITERARY ARABIC AND RUSSIAN LANGUAGES (The Phonetic-Graphical Aspect)

Eu.S. Gilyeva

Abstract. The article is dedicated to the comparison of the newest borrowings in the economic sphere of the Modern Literary Arabic and Russian Languages. The author focuses on the phonetic-graphical aspect in particular. The intense influx of the European borrowings, particularly of the anglicisms, is going on very extensively today, especially in the economic sphere. The article represents the comparison attempt of the assimilation processes of the newest borrowings in the economic sphere of the two languages of different

systems – the Modern Literary Arabic and the Modern Literary Russian Languages. This article deals with phonetic-graphical language features, gives the analysis of the assimilation methods in every of the aforementioned languages, shows the classification of the borrowings in the economic terminology of these languages, represents the tables of linguistic units examples.

Keywords: *lexical borrowing, borrowings in Russian, borrowings in Arabic, economic borrowings, term formation, assimilation, language comparison, language contacts.*

Стремительное развитие экономических инноваций, сближение социально-экономических укладов, заимствование идей, управленческих форм и технологий – все это отражается на современных терминологических системах, экономической в частности, арабского, русского и других языков.

Постепенное вхождение стран арабского ареала и России в международное экономическое пространство, развитие их экономических отношений с различными странами обуславливают интенсивный обмен экономическими понятиями и, следовательно, и их обозначениями. При этом интенсивность процесса напрямую зависит от необходимости номинации новых явлений и дифференциации новых понятий, в частности рубежа XX–XXI веков и особенно начала XXI века, экономической сферы как арабской, так и русской терминологических систем [см.: 1, с. 127; 2, с.3]¹.

Процессы заимствований, а следовательно, и их адаптации, различны, так как русский и арабский языки принадлежат к разным типологическим системам, причем являются ти-

пичными представителями этих систем: арабский язык – афразийский (семито-хамитский) язык семитской ветви, флективно-агглютинативный (Фортулатов) символично-фузионный (Сепир), синтетико-аналитичный язык (Реформатский); русский язык – славянский язык индоевропейской семьи славянской группы восточной подгруппы, фузионно-флективный, синтетический язык (Реформатский) [см. 3, с. 153-154; 4, с. 450, 451, 453]. Поэтому закономерен тот факт, что процессы, которые происходят внутри каждого из данных языков, отличаются друг от друга.

Заимствованному слову из индоевропейских языков сложно быстро закрепиться в структуре арабского литературного языка уже на фонетико-графическом уровне. Связано это, прежде всего, с тем, что арабская специфическая графика (так называемое консонантное письмо) значительно изменяет фонетико-графический облик заимствованной лексической единицы. Среди имеющихся в арсенале арабского языка выделяют различные способы и средства ассимиляции, а именно: 1) из иностранного слова «выбираются» все соглас-

¹ Примечательным и общеизвестным является факт особого влияния экономических понятий английского языка.

ные (напр.: *banknote* – *b, n, k, n, t*) и заменяются схожими с ними по звучанию арабскими согласными, *تن*, *بنكوت* (بنكوت), причем эмфатические буквы (*ض, ط, ظ*) обычно при этом не применяются; 2) добавляются так называемые «долгие» графемы (*a – ا, y – و, u – ي* или *ء* *хамза* с соответствующими вокализаторами: *a – أ, y – إ, u – ئ*), напр.: англ. *stearling* – *إسترليني*, фр. *cliché* – *إكلیشه* и др.); 3) варьируется долгий/краткий с использованием специальных диакритических знаков (напр.: *Internet* – *إنترنت*, *business* – *بیزنس*, *offset* – *أوفсет*, *fax* – *فاکس*, *бланк* – *أورنیک*, *архив* – *أرشيف*, *принтер* – *پرینتر*, *телефон* – *مُتَلِفُون*, *мобильный телефон* – *مُتَلِفُون*, *технология* – *تکنولوجیا* и др.); 4) расчленение гласным согласного начального скопления (напр.: *printer* – *پرینتر*, *standard* – *ستاندارت*, *transit* – *ترانزیت* и т.д. [см. 5, с.31, 33, 103, 104; 6, с. 104-106; 7, с. 353, с. 384, с. 388; 8, с. 398-399].

Фонетико-графическая структура арабского языка отличается от структуры западноевропейских языков, это заметно сказывается на «облике» ассимилированного иностранного слова. Такой способ ассимиляции заимствований, как транслитерация, к примеру, весьма распространенный в современном русском языке, в арабском – менее продуктивен. Здесь предпочтение отдается таким механизмам адаптации, как описательная компенсация заимствования (декомпрессия), подгонке под определенные формулы-модели, подбору исконно арабского слова или выражения. Примеры представлены в таблице 1.

Заемствованная из европейских языков рубежа XX–XXI вв. экономическая лексика в современном русском

языке представляет собой, прежде всего, огромный пласт из английского языка. Для системы русского языка-реципиента, обладающего графической системой, схожей с системами европейских языков, значительно легче адаптировать новые слова: достаточно легко подбирается аналог / альтернант иностранным фонемам / играфемам (например, *bookcrossing* – *буккроссинг*, *booking* – *букинг*, *warrant* – *варрант*, *deadline* – *дедлайн*, *torrent* – *торрент*, *topping* – *топпинг*, *unschooling* – *анскулинг* и другие). Вместе с тем, как уже упоминалось ранее [см. 9, с. 100-106], в современном русском языке вопрос фонетико-графического освоения заимствованных экономических терминов неоднозначен.

По признаку сохранения произношения и звукобуквенного соотношения заимствованные термины в современном русском языке подразделяют на три группы: 1) заимствованное слово в системе русского языка сохраняет произношение и звукобуквенные соотношения, например: *accounting* – *эккаунтинг*, *blotter* – *блоттер*, *blogger* – *блоггер*, *backwardation* – *бэквардэйшн*, *goodwill* – *гудвилл*, *establishment* – *истеблишмент*, *management* – *менеджмент*, *merchandising* – *мерчандайзинг*, *promoter* – *промоутер* и другие; 2) заимствованное слово сохраняет произношение слова, но не в полной мере соблюдает тождественность написания его, например: *barratry* – *баратрия*, *bootlegger* – *бутлегер*, *boom* – *бум*, *bubbl* – *бابل*, *settlement* – *сэтлемент*, *traffic* – *трэффик*, *travellerscheque* – *тревеллсчек*, *screening* – *скрининг*, *squeeze* – *сквиз*, *engineering* – *инжиниринг*, *greencard* – *грин кард*, *taxfree* – *тэкс*

Способы выражения заимствования в арабском литературном языке

Русский эквивалент	Источник заимствования	Способы выражения заимствования в арабском литературном языке		
		Исконно арабское слово	Описательная компенсация заимствования (декомпрессия)	Транслитерированное заимствованное слово
авизо	ит. avviso	إخطار، إعلام، إشعار، إبلاغ	—	—
бланк	фр. blank – <i>белый, чистый</i>	إستماره، أورنيك	—	بلانك
банкнот	англ. bank-note	ورقة مصرفية، ورقة نقدية، ورقة البنك	—	بنكنوت
баннер	англ. banner – <i>флаг, транспарант</i>	لافتة	لوحة إعلانات	—
бартер	англ. barter – <i>обменивать</i>	مقايضة	مبادلة عينية	—
венчур	англ. venture – <i>рискованное начинание, предприятие</i>	مخاطرة	—	—
гудвилл	англ. goodwill	—	سمعة في الأوساط التجارية	—
демерредж	англ. demurrage – <i>штраф за простой (морск.)</i>	تعويض، غرامة	غرامة التأخير في شحن وتفريغ السفينة	—
демпинг	англ. demping – <i>сбрасывание</i>	—	الإغراق التجاري، الإغراق السلعي، الإغراق بالبيضائع	—
картель	фр. cartel < ит. cartello)	—	شركة الشركات اتحاد صناعي	كارتل
клиринг	англ. clearing < clear – <i>очищать, вносить ясность</i>	مقاصة	—	كليرنج

фри и др.; 3) заимствование характеризуется графической вариативностью – слитного, отдельного или через дефис, напр.: а) бездефисно – дефисно: банкнот – bank-note, кунтертрейд – counter-trade, ньюсмейкер – news-maker, хайтек – high-tech и другие; б) дефисно – раздельно: бизнес-план – business plan, бизнес-центр – business centre, билль-брокер – bill broker, гросс-термз – gross terms,

димайз-чартер – demise charter, маркет-ордер – market order, тест-маркетинг – test marketing и другие; в) дефисно – бездефисно: лиз-бэк – leaseback, джек-пот – jackpot, лэй-авай – layaway, тайм-аут – timeout и др.

В русском языке много лет существует проблема упорядочения правописания заимствований [см. 10, с. 9-26]. В экономической терминологии современного русского языка

ка мы встречаем иностранные слова, ассимилированные при помощи достаточно распространенного способа транслитерации (при котором происходит сопоставление русской графики с графикой языка-источника, например: *брифинг, дансинг, дистрибьютер, диспач, маркетинг, принтер, скейтборд, холдинг* и др.), транскрипции (при данном способе иногда необходимы некоторые дополнительные графемы – эквиваленты английских букв, например: *истеблишмент, ланч, плэйер, хайуэй, фриуэй* и др.), также – слова с полной/частичной утратой исконных семантических значений слова, ссужением/расширением значений слова (напр.: *андерайтинг, ассигмент, банкинг, бенчмаркинг, бизнес, вендинг, дедвейт, дедринг, деливери, демпинг, дилинг, инжиниринг, мерчандайзинг, мэтьюрити, паблисити, промоутер, рекруитмент, сервис, хайринг* и др.). Помимо этого, мы наблюдаем много заимствований на стадии вкрапления (употребление иноязычных слов в исконной фонетической, орфографической, грамматической формах), которые ассимилируются в языке-реципиенте с помощью способа трансплантации (механическое, в основном, неоправданное, перенесение графем лексических единиц из одного языка в другой, например: *SKU (Stock Keeping Unit, англ. – «единица удержания запаса»), VIP (англ. Very Important Person – «очень важная личность»), CIF (англ. cost – «цена» + insurance – «страхование» + freight – «фрахт»), CAF (англ. Cost and freight – «стоимость и фрахт»), FOB (англ. Free on board – «свободен на борту»), HR (англ. Human Resources – «человече-*

ские/кадровые ресурсы»), PR (англ. Public Relations – «связи с общественностью»), iOS (англ. iPhone = i(Internet) + Phone + Operation System – «операционная система «Айфон»), CIO (англ. Chief Information Officer – «директор по информационным технологиям»), KAM (англ. Key Account Manager – «менеджер по работе с ключевыми клиентами»), IT (англ. Informational Technologies – «информационные технологии») и др. Примеры представлены в таблице 2.

Заимствования приспособляются к системе любого языка-реципиента и зачастую настолько им усваиваются, что иноязычное происхождение таких слов не ощущается носителями этого языка, обнаруживается лишь с помощью этимологического анализа.

Вместе с тем, способы ассимиляции в арабском и русском языках имеют свою специфику. Фонетико-графическая структура русского языка не имеет, как в арабском языке, особых структурных отличий от западноевропейских языков, что значительно облегчает процесс ассимиляции нового иностранного слова. В современном русском языке преобладают такие способы освоения заимствований, как транслитерация, транскрипция и трансплантация – способы менее распространенные в современном арабском литературном языке. Арабская лингвистическая традиция в адаптации заимствований в силу специфики графики придерживается, как и ранее, способа описательной компенсации (декомпрессии), подгонки под формулы-модели, а также замены иностранных новейших заимствований исконными арабскими эквивалентами.

Способы выражения заимствования в современном русском языке

Лексическая единица	Источник заимствования	Определение понятия	Способы выражения заимствования в СРЯ
6 . Биржевые термины			
бакетинг	англ. bucketing	– умышленное неисполнение брокерами приказов клиентов и использование их гарантийного взноса (маржи) при проведении фьючерсных сделок [11]	транскрипция
блоттер	англ. blotter	– ежедневный реестр сделок на фондовой бирже; служит для составления данных, полученных от брокеров и клиринговых корпораций, и является основой для учета и обработки биржевой информации [12]	транслитерация
бэквардэйшн	англ. backwardation	– соотношение биржевых котировок, характерное для периодов отставания предложения от спроса, когда цены на реальный товар выше котировок по фьючерсным сделкам, а цены на товар с близкими сроками поставки – выше котировок дальних позиций [13]	транскрипция
коммодитис	англ. commodities	– стандартные сырьевые товары, котирующиеся на товарных биржах, например зерно, кофе, нефть, металлы и т.д. [14]	транскрипция
тренд	англ. trand	– направление движения котировок ценных бумаг [15]	транскрипция
фиксинг	англ. fixing	– метод, на основании которого проводятся биржевые торги иностранными валютами [16]	транскрипция
фьючерс	англ. futures	– экономический вид биржевых операций по купле-продаже с оговоркой о поставках на последующий срок (обычно от недели до нескольких лет) по курсу на момент заключения контракта; тип торговли в противоположность рынку реального товара [см.: 17]	транскрипция

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Скворцова, И.В.* Особенности экономической терминологии современного арабского литературного языка: на материале арабской прессы начала XXI века: Автореф. дис. ... канд. филол. наук [Текст] / И.В. Скворцова. – М., 2008 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.dissercat.com/content/osobennosti-ekonomicheskoi-terminologii-sovremen-nogoarabskogo-literaturnogo-yazyka-na-mater> (дата обращения: 03.03.2015).
2. *Захватаева, К.С.* Английские заимствования в современном русском языке: семантический аспект: Автореф. дис. ... канд. фил. наук [Текст] / К.С. Захватаева. – Ростов-на-Дону. – 2013. – 22 с.
3. *Фортунатов, Ф.Ф.* Избранные труды. Т. 1 [Текст] / Ф.Ф. Фортунатов. – М., 1956. – 472 с. [Электронный ресурс]. – URL: http://superlinguist.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=707:-1&catid=2:2009-11-23-13-32-25&Itemid=5 (дата обращения: 01.02.2015).
4. *Реформатский, А.А.* Введение в языкознание [Текст] / А.А. Реформатский. – М., 1996. – 536 с.
5. *Баранов, Х.К.* Арабско-русский словарь: Около 42000 слов [Текст] / Х.К. Баранов, род ред. В.А. Костина. – М.: Валерий Костин, 2001. – 944 с.
6. *Белкин, В.М.* Арабская лексикология [Текст] / В.М. Белкин. – М., 1975. – 200 с.
7. *Боднар, С.Н.* Жанр коммерческих деловых бумаг и их языковая специфика [Текст] / С.Н. Боднар. – М.: Муравей, 2002. – 328 с.
8. *Чернов, П.В.* Справочник по грамматике арабского литературного языка [Текст] / В.П. Чернов. – М.: Восточная литература, 1995. – 473 с.
9. *Гилева, Е.С.* К вопросу о заимствовании экономической терминологии современного русского языка [Текст] / Е.С. Гилева // Перевод и когнитология в XXI веке: сборник статей по материалам VIII Международной научной теоретической конференции (г. Москва, 1 сентября 2015г.). – М.: ИИУ МГОУ, 2015. – С. 100-106.
10. *Тимофеева, Г.Г.* Английские заимствования в русском языке (фонетико-орфографический аспект): Автореф. дис. ... канд. фил. наук [Текст] / Г.Г. Тимофеева. – СПб., 1992. – 30 с.
11. Бакетинг // Большой экономический словарь [Электронный ресурс]. – URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/business/1099> (дата обращения: 03.03.2016).
12. Блоттер // Большой экономический словарь [Электронный ресурс]. – URL: http://big_economic_dictionary.academic.ru/2020/%D0%91%D0%9B%D0%9E%D0%A2%D0%A2%D0%95%D0%A0 (дата обращения: 05.08.2016).
13. Бэквардайшн // Большой экономический словарь [Электронный ресурс]. – URL: http://big_economic_dictionary.academic.ru/2168 (дата обращения: 22.09.2016).
14. Крах биржевых товаров (Commodities) в инфографике [Электронный ресурс]. – URL: <http://small-cap.ru/krah-birzhevyyih-tovarov-commodities-v-infografike/> (дата обращения: 14.10.2016).
15. Что такое тренд? [Электронный ресурс]. – URL: <http://infofx.ru/texnicheskij-analiz-rynka/chto-takoe-trend/> (дата обращения: 25.10.2016).
16. Фиксинг [Электронный ресурс]. – URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A4%D0%B8%D0%BA%D1%81%D0%B8%D0%BD%D0%B3> (дата обращения: 13.11.2016).
17. Фьючерс [Электронный ресурс]. – URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/11363/%D0%A4%D0%AC%D0%AE%D0%A7%D0%95%D0%A0%D0%A1 (дата обращения: 24.11.2016).

REFERENCES

1. Baketing, in: Bolshoi ekonomicheskii slovar, available at: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/business/1099> (accessed: 03.03.2016). (in Russian)
2. Baranov H.K., *Arabsko-russkij slovar: Okolo 42000 slov*, ed. V.A. Kostina, Moscow, Valerij Kostin, 2001, 944 p. (in Russian)
3. Bekvardaishn, in: Bolshoi ekonomicheskii slovar, available at: http://big_economic_dictionary.academic.ru/2168 (accessed: 22.09.2016). (in Russian)
4. Belkin V.M., *Arabskaja leksikologija*, Moscow, 1975, 200 p. (in Russian)
5. Blotter, in: Bolshoi ekonomicheskii slovar, available at: http://big_economic_dictionary

- academic.ru/2020/%D0%91%D0%9B%D0%9E%D0%A2%D0%A2%D0%95%D0%A0 (accessed: 05.08.2016). (in Russian)
6. Bodnar S.N., *Zhanr kommercheskih delovyh bumag i ih jazykovaja specifika*, Moscow, Muravej, 2002, 328 p. (in Russian)
7. Chernov P.V., *Cpravochnik po grammatike arabckogo literaturnogo jazyka*, Moscow, Vostochnaja literatura, 1995, 473 p. (in Russian)
8. Chto takoe trend?, available at: <http://infofx.ru/tehnicheskij-analiz-rynka/chto-takoe-trend/> (accessed: 25.10.2016). (in Russian)
9. Fiksing, available at: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A4%D0%B8%D0%BA%D1%81%D0%B8%D0%BD%D0%B3> (accessed: 13.11.2016). (in Russian)
10. Fortunatov F.F., *Izbrannye trudy*, Vol. 1, Moscow, 1956, 472 p., available at: http://superlinguist.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=707:-1&catid=2:2009-11-23-13-32-25&Itemid=5 (accessed: 01.02.2015). (in Russian)
11. F'yuchers, available at: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/11363/%D0%A4%D0%AC%D0%AE%D0%A7%D0%95%D0%A0%D0%A1 (accessed: 24.11.2016). (in Russian)
12. Gilyova E.C., "K voprosu o zaimstvovanii jekonomicheskoy terminologii sovremenno-go russkogo jazyka", in: *Perevod i kognitologija v XXI veke: Proceedings of the XVIIIrd International Conference* (Moscow, 1 sentjabrja 2015g.), Moscow, 2015, pp. 100-106. (in Russian)
13. Krakh birzhevykh tovarov (Commodities) v infografike, available at: <http://small-cap.ru/krah-birzhevyih-tovarov-commodities-v-infografike/> (accessed: 14.10.2016).
14. Reformatskij A.A., *Vvedenie v jazykoznanie*, Moscow, 1996, 536 p. (in Russian)
15. Skvorcova I.V., *Osobennosti jekonomicheskoy terminologii sovremennogo arabckogo literaturnogo jazyka: na materiale arabckoj pressy nachala XXI veka*, Extended abstract of PhD dissertation (Philology), Moscow, 2008, available at: <http://www.dissercat.com/content/osobennosti-ekonomicheskoi-terminologii-sovremennogo-arabckogo-literaturnogo-yazyka-namater> (accessed: 03.03.2015). (in Russian)
16. Timofeeva G.G., *Timofeeva G.G. Anglijskie zaimstvovanija v russkom jazyke (fonetiko-orfograficheskij aspekt)*, Extended abstract of PhD dissertation (Philology), St. Petersburg, 1992, 30 p. (in Russian)
17. Zahvataeva K.C., *Anglijckie zaimstvovanija v sovremennom pucckom jazyke: cemanticheskij aspekt*, Extended abstract of PhD dissertation (Philology), Pochtov-na-Donu, 2013, 22 p. (in Russian)

УДК 811.133.1
ББК 81

ПОСЛОВИЦА С ОТРИЦАНИЕМ КАК РЕЧЕВОЕ ДЕЙСТВИЕ (на материале французского языка)

О.С. Анисимова, Г.Г. Соколова

Аннотация. Статья посвящена проблеме применения французских пословиц с отрицанием в качестве речевых действий при аргументации. Приводятся условия возникновения и развития пословицы как единицы системы «язык – речь» и успешной реализации прагматической функции пословицы. При этом прагматическая установка пословицы воспринимается как цель применения данной коммуникативной фразеологической единицы, предназначенной для реализации комплексного деятельностного акта. Изучается роль пословицы в качестве аргумента и возможность при помощи нее корректировать поведение адресата, оказывать влияние на его точку зрения при критической дискуссии.

Путем изучения практического материала определяются девять прагматических установок, реализуемых французскими пословицами с отрицанием в дискурсе. Авторами проводится разделение на внешние и внутренние факторы активизации прагматических установок и реализации функций пословиц как речевых действий. Показывается успешность применения пословицы в качестве аргумента. Не менее важная роль отводится контексту употребления пословицы, при помощи которого активизируется ее прагматическая установка и функции в качестве речевого действия.

Ключевые слова: пословица, отрицание, речевое действие, прагматическая установка, аргументация, коммуникативная фразеологическая единица, контекст, критическая дискуссия, образное значение, система языка.

315

THE PROVERB WITH NEGATION AS A SPEECH ACT (on the Material of French Language)

O.S. Anisimova, G.G. Sokolova

Abstract. The article considers the problem of using French proverbs with negation as speech acts in the argumentative process. The article presents the conditions of proverbs introduction and their development as a part of

the "language – speech" system and the conditions of successful realization of their pragmatic functions. The proverbs pragmatic component is considered as the aim of that communicative phraseological unit use in order to realize the complex act. The article studies the role of the proverb as an argument and its possibility to influence the addressee's behavior and opinion during the critical discussion.

Through the analysis of the practical material the nine types of the pragmatic components, which can be expressed during the critical discussion are defined. Authors divide factors of enhancing of pragmatic components and implementation of functions of proverbs as speech acts into external and internal. Success of application of a proverb as an argument is defined. Not less important part is assigned to the context of the use of a proverb by means of which its pragmatic components and functions as speech action is activated.

Keywords: Proverb, negation, speech act, pragmatic component, argumentation, communicative phraseological unit, context, critical discussion, figurative meaning, language system.

ative meaning, language system.

Данная работа посвящена проблемам исследования коммуникативно-прагматического потенциала французских пословиц с отрицанием и особенностям осуществления при их помощи речевых действий. Пословицы часто применяются при ведении критической дискуссии в силу общеизвестности своего образного значения. Будучи общепризнанным умозаключением, пословица способна стать неоспоримым аргументом, способным повлиять на ход дискуссии. При этом каждая пословица, употребленная в дискурсе, направлена на реализацию речевого действия и выражает определенную прагматическую установку.

Целью данной работы является выявление ряда прагматических установок, свойственных французским пословицам с отрицанием (далее – ПсО) и обуславливающих их функционирование в качестве речевых действий.

Прежде чем приступить к изучению функционально-прагматических характеристик французских ПсО, рассмотрим порядок формирования и развития пословицы как единицы системы «язык – речь».

Согласно балансовой модели языка И.В. Харитоновой, любой элемент в системе языка развивается поэтапно, проходя следующие стадии:

- 1) возникновение нового элемента в связи с отсутствием такового до этого и появившейся потребностью человека в нем;
- 2) включение нового элемента в систему отношений с уже существующими;
- 3) усиление взаимодействия между новым элементом и элементами языковой системы (влияние человека и системы языка на новый элемент);
- 4) выживание элемента в рамках системы языка (появление конфликта между отсутствием потреб-

ности в элементе и его наличием, завершение процесса эволюции отдельных языковых единиц, переход лексических единиц во фразеологические и наоборот) [1, с. 218].

Таким образом, по основному принципу разработанной И.В. Харитоновой балансовой модели языка, одним из важнейших факторов развития системы языка является соотношение наличия единиц языка и потребности в них. Следовательно, начало развития образности в высказывании, его адаптация, последующий переход в разряд пословиц и общепризнанность связаны с необходимостью появления данной коммуникативной фразеологической единицы в паремиологическом фонде языка, с потребностью в ней среди его носителей для реализации определенных целей.

Пословица, как любой элемент системы языка, проходит поэтапно через все стадии своего развития. Изначально в систему языка входит изречение, появившееся в рамках определенной ситуации и успешно характеризующее ее. На данном этапе возможно сохранение критерия авторства. Впоследствии, при согласовании с позицией большинства носителей языка, изречение становится общеупотребляемым. В тот момент, когда изречение приобретает общепризнанность, изначальная ситуация его употребления постепенно упраздняется наряду с критерием авторства. В связи с этими процессами в изречении получает развитие образная основа. При этом изречение переходит в разряд пословиц и становится универсальной коммуникативной единицей, направленной на реализацию определенной праг-

матической цели и осуществление речевого действия.

Перед изучением свойств пословицы как речевого действия, проанализируем определения последнего. Согласно точке зрения А.А. Леонтьева, речевое действие рассматривается как часть акта деятельности в целом. Если рассматривать речевое высказывание исходя из позиций теории деятельности, то всякий акт речевой коммуникации предстает в качестве элемента комплексного деятельностного акта. А.А. Леонтьев полагал, что во всем, что человек говорит в обыденной жизни, прослеживаются мотив и цель. При этом, используя способ моделирования факторов, управляющих деятельностью человека, в частности, речевые действия, можно добиться от него употребления желательного речевого высказывания и направить его по предложенному пути [2, с. 84]. В подобном контексте подверглось переосмыслению и понятие самой речевой ситуации, которая была охарактеризована исследователем как совокупность условий, речевых и неречевых, необходимых и достаточных для того, чтобы осуществить речевое действие по намеченному плану.

В этом отношении пословица, став коммуникативной единицей, значение которой известно большинству носителей языка, является инструментом реализации определенного речевого действия и неоспоримым аргументом при дискуссии, оказывающем существенное влияние на ее ход. По мнению автора данной статьи, наблюдается прямая взаимосвязь между речевым действием, на осуществление которого направлена пословица, и реализуемой в

ней прагматической установкой. Как уже было упомянуто ранее, прагматическая установка отражает цель употребления пословицы при критической дискуссии.

Подробная классификация прагматических установок, реализуемых пословицами как речевыми действиями, была приведена в исследовании Г.Д. Сидорковой при изучении пословичного фонда английского языка. По мнению ученого, прагматическая функция является главным назначением паремических выражений, которые представляют собой своеобразные «прагмемы» – готовые воспроизводимые формулы соответствующих речевых действий [3, с. 14]. Г.Д. Сидорковой были выделены 10 типов прагматических установок (далее – ПУ), которые могут быть выражены при помощи пословиц: «парирование», «урезонивание», «предостережение» или «угроза», «обличение или упрек», «сетование», «(само)оправдание», «обоснование», «успокаивание», «побуждение», «совет» [3, с. 14-16]. Классификация Г.Д. Сидорковой является наиболее обширной, носит универсальный характер и может быть применена при изучении паремиологического фонда других языков. Некоторые из приводимых ПУ оказались характерными и для французских ПсО в дискурсе. Однако при изучении пословичного фонда французского языка и прагматических целей, реализуемых путем употребления ПсО, очевидной стала необходимость разработки иных параметров их классификации по ПУ.

В частности, примеры с ПУ «урезонивание» и «побуждение» оказались немногочисленными. Ввиду наличия сходных характеристик при

реализации в дискурсе, рациональным представляется сохранить более общую ПУ «побуждение», а ПУ «урезонивание» включить в ее состав в качестве одного из подтипов.

На первый взгляд, сходной с ПУ «урезонивание» представляется и установка «успокаивание». Однако ПУ «урезонивание» выражает призыв к активным действиям и свойственна более сильным аргументам, в то время как ПУ «успокаивание» включает в себя аргументы менее сильные, но действенные, направленные на последовательное обоснование своей точки зрения и убеждение собеседника в ее достоверности. Поэтому ПУ «успокаивание» следует оставить отдельной группой.

Схожими оказались подтипы установки «предостережение / угроза». По мнению авторов статьи, данные подтипы могут быть объединены в рамках общей ПУ «предупреждение».

Термин «парирование» редко встречается в лингвистических исследованиях, поэтому, по нашему мнению, следует изменить названия данной установки на «опровержение». Таким образом, при классификации французских ПсО выделяется 9 ПУ:

1) опровержение:

- *Qui vous envoie? demanda Rome*
- *Le compte Thurn, mon général*
- *A votre figure et à votre voix on vous*

predrait plutôt pour sa femme que pour un officier.

● *Il ne faut pas juger les gens à leur mine. David défait Goliath. Et si, ce que Dieu ne veuille, nous en venions aux mains, général, c'est à vous que je m'attaquerais.*

● *Jeune homme, j'aime votre résolution. Nous verrons...* [4, с.43];

2) успокаивание:

“Il arrive que pour des motifs d’une banalité à pleurer, une ou plusieurs personnes vous menacent de poursuites judiciaires. J’en discutait récemment avec un ami à moi et je lui disais qu’en général ‘chien qui aboie ne mord pas’. En effet, lorsqu’on veut vraiment tenter un procès contre quelqu’un, il est assez rare qu’on décide de le prévenir en avant...” [5, с. 87];

3) предупреждение:

“L’OCCP a clairement fait connaître à la Chambre des Communes, ainsi qu’au gouvernement: ‘Il ne faut pas réveiller chat qui dort’. Le système de gestion des approvisionnements fonctionne toujours très bien pour l’ensemble de...” [6];

4) обличение:

“Or vos creusets, chers révolutionnaires, finissent en bains de sang, et vos nouvelles hiérarchies se fondent sur une haine qu’ignoraient celles du sang. Les loups ne se mangent pas entre eux, mais les hommes si. Ne croyez pas pourtant que je regrette les tsars...” [7, с. 19];

5) сетование:

“Le proverbe l’a dit et il ne ment guère: quand il n’y a plus de foin au râtelier, les ânes se battent, et si trivial, qu’il soit, ce mot est vrai, non seulement pour les ânes, mais encore pour les hommes; le foin dans le râtelier des uns, l’aisance dans le ménage des autres, voilà souvent tout le secret de leur accord” [8, с. 47];

6) оправдание:

“De fait, je dois avouer qu’à mes débuts je jouais et chantais terriblement faux! Mais on ne fait pas d’omelette sans casser d’œufs et j’étais convaincu que j’arriverai à maîtriser cet instrument” [9, с. 47];

7) обоснование:

“Alors je me suis mis à faire remarquer les eurreurs de nos officiers et des hommes politiques. J’étais un peu râleur je dirais

presque syndicaliste, mais ça n’existait pas. En gendarmerie on dit: ‘les loups ne se mangent pas entre eux!’ Et puis surtout j’ai appris à mes dépends qu’il y a des choses à dire et à ne pas dire dans cette institution” [10, с. 40];

8) побуждение:

Un des lieutenants du vizir lui avait fait observer avant l’action combien cette position pouvait devenir funeste. “Quand on veut vaincre, – repartit Kiupruli, – il ne faut pas regarder derrière soi”. L’événement démontra que cette réponse était plus fière que sage [11, с. 152];

9) совет:

“Dans les questions pratiques, il y a un droit du premier occupant – il faut respecter ceux qui est établi. Dans les questions théoriques il ne saurait en être ainsi. En d’autres termes, la règle pratique consiste à ne pas réveiller les chats qui dorment, à ne pas troubler ce qui est établi” [12, с. 11].

Примечательно, что на реализацию прагматической функции влияет не только структура и образное значение пословицы, но и контекст. При помощи контекста возможно даже изменение ПУ пословицы. В частности, среди приведенных ранее примеров пословица **Les loups ne se mangent pas entre eux** в повествовательном дискурсе выражает установки «обоснование» и «обличение».

На реализацию ПУ ПсО влияет и ее восприятие повествующим или участниками дискуссии. Далеко не всегда значение пословицы правильно трактуется оппонентом или проponentом определенного тезиса, что может послужить причиной аргументативных ошибок и коммуникативных неудач. Например:

Valère. ... il faut manger pour vivre et non pas vivre pour manger.

Harpagon. *Ah! Que cela est bien dit! Approche, que je t'embrasse pour ce mot. Voilà la plus belle sentence que j'aie entendue de ma vie: Il faut vivre pour manger et non pas manger pour vivre... Non, ce n'est pas cela. Comment est-ce que tu dis?*

Valère. *Qu' il faut manger pour vivre et non pas vivre pour manger.*

Harpagon.

Oui. Entends-tu? (à Valère) Qui est le grand homme qui a dit cela?

Valère.

Je ne m'en souviens pas maintenant de son nom [13, с. 183].

В этом случае ПсО, употребленная персонажем Valère, героем пьесы Ж.-Б. Мольера «Скупой», была неизвестна его собеседнику в лице персонажа Harpagon, что повлекло за собой ошибку восприятия. В связи с этим, по замыслу автора, прагматическая цель Valère не смогла быть реализована при помощи данной ПсО.

Таким образом, принимая во внимание роль структуры и образного значения пословицы, а также учитывая влияние контекста, можно провести разделение на внутренние и внешние факторы реализации ПУ пословиц и активизации их функций в качестве РД. К внутренним факторам будет относиться все, что связано с самой пословицей (ее морфологические, синтаксические и семантические свойства). К внешним факторам – контекст, как инструмент активации ПУ.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что пословица, как единица речи, способна корректировать поведение адресата при ведении критической дискуссии и оказывать влияние на его мнение по определенному вопросу

при помощи ряда ПУ. Пословице, как РД, при этом отводится немало важная роль, поскольку она способна стать неоспоримым аргументом и оказать значительное влияние на мнение оппонента при критической дискуссии.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Харитонова, И.В. Системное исследование языка: Философско-методологический аспект: Дис. ... д-ра филос. наук [Текст] / И.В. Харитонова. – М., 2004. – 305 с.
2. Леонтьев, А.А. Язык, речь, речевая деятельность [Текст] / А.А. Леонтьев. – М.: Красанд, 2010. – 216 с.
3. Сидоркова, Г.Д. Прагматика паремий: пословицы и поговорки как речевые действия: Дис. ... докт. филол. наук [Текст] / Г.Д. Сидоркова. – Краснодар, 1999. – 322 с.
4. Thibaudedeau, A.-C. La bohème: roman historique. Tome 2 [Text] / A.-C. Thibadeau. – Paris, 1834. – 508 p.
5. Gonzales, B. Ta mère sait que tu travailles sur Internet? [Text] / B. Gonzales. – Stillprod, Les Buissonnières, 2014. – 193 p.
6. Canada Poultryman. Tome 74. Quebec, 1987 [Электронный ресурс]. – URL: https://books.google.ru/books?id=9ZhOAAAYAAJ&dq=canada%20poultryman%20%201987%20tome%2074&hl=ru&source=gb_book_other_versions (дата обращения: 01.06.2016).
7. Willems, S. L'homme et les loups [Text] / S. Willems. – Bruxelles, 2001. – 50 p.
8. Krantz, J.B. Le présent et l'avenir: coup d'œil sur la théorie de Fourier [Text] / J.B. Krantz. – Paris, 1848. – 118 p.
9. Delfiane. L'enfant que l'on ne voulait pas. Librement inspiré de la Vie de Marc Hamilton [Text] / Delfiane. – 2013. – 208 p.
10. Prignot, F. Un père face au divorce [Text] / F. Prignot. – Paris., 2014. – 208 p.
11. Alix, M.A.L.F. Près de l'histoire de l'Empire Ottoman depuis son origine jusqu'à nos jours. Tome 2 [Text] / M.A.L.F. Alix. – Paris, 1822. – 592 p.

12. Strauss, L. Sur "le banquet". La philosophie politique de Platon [Text] / L. Strauss. – Paris, 2006. – 335 p.
 13. Molière, J.-B. Œuvres de Molière avec des notes de tous les commentateurs. Tome 2 [Text] / J.-B. Molière. – Paris., 1859. – 671 p.
- REFERENCES**
1. Alix M.A.L.F., *Présis de l'histoire de l'Empire Ottoman depuis son orogine jusqu'à nos jours*. Vol. 2, Paris, 1822.
 2. Canada Poultryman, Vol. 74, available at: https://books.google.ru/books?id=9ZhOAAAYAAJ&dq=canada%20poultryman%20%201987%20tome%2074&hl=ru&source=gbs_book_other_versions (accessed: 01.06.2016)
 3. Delfiane, *L'enfant que l'on ne voulait pas. Librement inspiré de la Vie de Marc Hamilton*, 2013.
 4. Gonzales B., *Ta mère sait que tu travailles sur Internet*, Stillprod – Les Buissonnières, 2014.
 5. Kharitonova I.V., *Sistemnoe issledovanie yazyka: Filosofsko-metodologicheskii aspekt, ScD dissertation (Philosophy)*, Moscow, Moscow State Pedagogical University, 2004. (in Russian)
 6. Krantz J.B., *Le présent et l'avenir: coup d'œil sur la théorie de Fourier*, Paris, 1848.
 7. Leontev A.A., *Yazyk, rech, rechevaya deyatelnost*, Moscow, Krasand, 2010. (in Russian)
 8. Molière J.-B., *Œuvres de Molière avec des notes de tous les commentateurs*. Vol. 2, Paris, 1859.
 9. Prignot F., *Un père face au divorce*, Paris, 2014.
 10. Sidorkova G.D., *Pragmatika paremii: posloviitsy i pogovorki kak rechevye deistviya, ScD dissertation (Philology)*, Krasnodar, Kuban State University, 1999. (in Russian)
 11. Strauss L., *Sur "le banquet". La philosophie politique de Platon*, Paris, 2006.
 12. Thibaudieu A.-C., *La bohème: roman historique*. Vol. 2, Paris, 1834.
 13. Willems S., *L'homme et les loups*, Bruxelles, 2001.

Анисимова Ольга Сергеевна, старший преподаватель, кафедра романских языков им. В.Г. Гака, Институт иностранных языков, Московский педагогический государственный университет, olga.sergeevna.anisimova@gmail.com

Anisimova O.S., Senior Lecturer, Romance Languages Department, Institute of Foreign Languages, Moscow State University of Education, olga.sergeevna.anisimova@gmail.com

Соколова Георгина Григорьевна, доктор филологических наук профессор, кафедра романских языков им. В.Г. Гака, Институт иностранных языков, Московский педагогический государственный университет, romyaz@mpgu.edu

Sokolova G.G., ScD in Philology, Professor, Romance languages Department, Institute of Foreign Languages, Moscow State University of Education, romyaz@mpgu.edu

ПРОИЗВОЛЬНЫЙ СИНТАКСИС В ПРАКТИКЕ ПОЭТИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА

Б.Н. Жантурина

Аннотация. В статье рассматриваются синтаксические аспекты поэтического перевода с позиций междисциплинарного подхода к лингвистике и поэтике. Изначально полагается, что конструкции произвольного синтаксиса мотивированы не только нарушением грамматических норм порядка слов в канонической последовательности компонентов предложения и высказывания, но и композицией и архитектурой целого художественного произведения, его стилистической и текстовой стратегией. Особые метасемиотические маркеры конструкций произвольного синтаксиса (авторская пунктуация – преимущественно, тире – вместе с капитализацией) отмечают явления семантической компрессии и неординарных образов-символов. На примере стихотворений Эмили Дикинсон показаны неканонические позиционные комбинации второстепенных членов предложения (прямого дополнения, обстоятельства места и определения) относительно неинвертированной и инвертированной группы «подлежащее – сказуемое». Переводные варианты произвольных конструкций в русском языке выполнены А. Гавриловым и Т. Стамовой, проанализированы на основе системных свойств языков, стилистической и текстовой стратегии и переводческих приемов уподобления и опущения.

Ключевые слова: порядок слов, инверсия, конструкции произвольного синтаксиса, актуальное членение предложения и высказывания, стилистическая стратегия, текстовая стратегия, уподобление, опущение.

DISLOCATED SYNTAX IN POETIC TRANSLATION

B.N. Zhanturnina

Abstract. The article deals with the syntactic aspects of poetic translation from the standpoint of interdisciplinary approach to linguistics and poetics. It has been initially presumed that the dislocated syntax constructions are motivated not only by the deviation from grammatical norms in the canons of word order in a sentence and utterance, but the composition and architectonics of the literary piece of work, its stylistic and textual strategy.

Meta-semiotic markers for the dislocated syntax constructions are used as specific punctuation marks – mostly, dashes – together with capitalization to represent semantic compression phenomena and unusual symbolic images. On the example of Emily Dickinson's poems, the article illustrates non-canonical positional combinations of the secondary members in a sentence (direct object, adverbial modifier of place and attribute) with respect to the inverted and non-inverted subject – predicate group. Translation variants of dislocated syntax are provided by A. Gavrilov and T. Stamova and analyzed on the basis of the systemic typological language features, stylistic and textual strategy, the translation techniques of assimilation and omission as well.

Keywords: word order, inversion, dislocated syntax constructions, actual division of a sentence and utterance, stylistic strategy, textual strategy, assimilation, omission.

Синтаксические аспекты перевода поэтического текста требуют интеграционного подхода не только на межпредметном лингвистическом уровне (семантика, стилистика, грамматика), но и на междисциплинарном уровне, объединяющем лингвистику и поэтику (композиция и архитектура художественного произведения). Конструкции произвольного синтаксиса обычно включаются в ряд так называемых «поэтических вольностей poetic license», собирая под этой рубрикой как лексико-семантические особенности текста, так и явления тектонического, строевого характера. В творчестве американской поэтессы XIX века Эмили Элизабет Дикинсон синтаксические особенности поэтического ряда можно считать отличительной чертой ее стиля и уверенно выделять наряду с известными моделями инверсии на фоне канонических грамматически правильных структур. Неканонический синтаксис или конструкции произвольного синтаксиса метасемиотически обозначены на письме; это сугубо авторская пунктуация и повсеместное графическое выделение значимых элементов с помощью заглавных букв (capitalization); в них, как правило, представлены явления семантической компрессии, неординарные образы-символы, выходящие за рамки устойчивого набора поэтических тем автора.

В данной статье рассматриваются произвольные синтаксические конструкции в стихотворениях Э. Дикинсон с позиций междисциплинарного подхода к нарушениям порядка следования компонентов в предложении и тексте и их перевода на русский язык.

Для эстетически организованной речи в поэзии «техника» стихосложения создает условия для экспериментов в порядке слов, хотя трудно согласиться с тем, что именно эксперимент является целью стихосложения. Напряжение стихотворной строки при переводе с английского языка на русский, по мнению М.П. Алексеева [1, с. 526], создается системными свойствами языков, среди которых значимы большая длина стихотворной строки в английском

языке, метрические различия, господство мужских рифм в английском и почти равная пропорция мужских и женских рифм в русском языке. Объединяющими и разъединяющими факторами в русском стихе, согласно О.Б. Сиротининой [2, с. 167], «являются строка, рифма, ритм, а не порядок слов».

Равновесие стихотворной строки, строфы или иной композиционной организации поэтического текста достигается благодаря так называемой стилистической инверсии, фигуре речи, построенной на необычном размещении компонентов предложения. По наблюдениям М.Д. Кузнец и Ю.М. Скребнева [3, с. 81], всякое отклонение от обычного порядка слов в предложении является приемом синтаксического выдвигания в английской экспрессивной речи, речи подвижной и творчески развиваемой на пути движения к новому ранее неизвестному содержанию. Для И.В. Арнольд [4, с. 219], напротив, стилистическая инверсия проявляется не во всяком изменении порядка слов, а в предшествовании глагола-сказуемого подлежащему и ограниченных возможностях перестановки второстепенных членов предложения, являясь, тем не менее, фактором текстовой стратегии, фактором размещения компонентов текста в целом произведении.

Следуя грамматической стратегии порождения и восприятия осмысленного высказывания, произвольность синтаксического порядка следования осознается в рамках грамматической категоризации как отклонение от морфологического частеречного статуса лексем, так, грамматическая категория артиклевой детерминации в норме маркирует имена существительные и субстантивы.

В стихе «*A little East of Jordan Восточней Иордана*» (1859) артикль-детерминатив “the” грамматически связан с существительным “light”, но текстовая реализация “the which acceded to” при переподчинении артикля придаточному определительному предложению не превращает его в субстантив, препозиция артикля имени существительному сохраняется “the light which acceded to swung the silver fleeces”. В переводном тексте наглядно видно, как безэквивалентные английские системные характеристики опускаются в русском языке:

“Not so”, said cunning Jacob!
I will not let thee go
Except thou bless me” – Stranger!
The which acceded to –
Light *swung the silver fleeces*
“Peniel” Hills beyond,

«Э, нет, – сказал Иаков, –
Тебя не отпущу,
Пока благословенья
Себе не получу!»
Уже светило солнце
На горы и на дол [5, 59:9-14].

Дистантное расположение детерминатива и «его» существительного в переводном тексте опущено, что сопровождается утратой не только метасемiotического знака. Тире в середине 11 строки в тексте-источнике маркирует вместе с кавычками прямую речь персонажа; тире в конце катрена на 12 строке и в начале следующего катрена на строке 13 вводит несобственно-прямой голос лирического героя-повествователя. В переводном тексте в ре-

зультате опущения безэквивалентной произвольной конструкции исчезает вполне значимый композиционный прием двухголосия: сохранена прямая речь персонажа, Иакова, но несобственно-прямая внутренняя речь лирического героя-повествователя передана с точки зрения внешнего повествователя-наблюдателя, искажая субъективную модальность исходного текста.

Сходным образом, произвольная синтаксическая конструкция, возникающая на разрыве именного словосочетания с предлогом “of”, в исходном тексте стихотворения *“I’ve known a Heaven, like a Tent”* (1861) при переводе опускается, вызывая необратимые трансформации смысла в тексте перевода. Произвольная синтаксическая единица *“a Gaiety – Then swallowed up, of View => a Gaiety of View Then swallowed up”* приходится на две финальные строки стихотворения, разрыв синтаксической связи метасемиотически оформляется тире, но при переводе утрачивается вместе с целой строкой исходного текста.

*As Birds far Navigation
Discloses just a Hue –
A splash of Oars, a Gaiety –
Then swallowed up, of View.*

*Исчезло без следа –
Как птиц осенний караван,
Как облаков гряда
[5, 243:14-17].*

Место прямого дополнения в постпозиции глаголу-сказуемому определяется его контактными связями с переходным глаголом. Изменение порядка следования второстепенных членов и синтаксических связей каждого из них в линейной цепи «подлежащее – сказуемое – прямое дополнение – предложное дополнение – обстоятельство» также порождает произвольный ненормативный синтаксис. Слова, связанные по смыслу, обычно располагаются рядом, подчиняясь законам здравого смысла [6, с. 69; 7, с. 102]. На самом деле, прямое дополнение свободно, его расположение не фиксируется только этой позицией; при прямом следовании «подлежащее – сказуемое», дополнение может занимать любое место, кроме места занятого подлежащим [6, с. 64].

В стихотворении *“I started Early – Took my Dog”* (1862), состоящем из шести четверостиший, финальный катрен содержит прямое дополнение “no one” в начальной позиции строки 22, которое оторвано от «своего» переходного глагола “to know”, поддержано аллитерацией на “n” и графически выделено с помощью тире. Как показано Н.А. Кобриной [8, с. 141], в таких неканонических конструкциях акцентированы отдельные важные компоненты предложения и текста при выполнении функции внутритекстовой связи.

Вообще, повсеместные тире в конце строк здесь являются авторским метасемиотическим знаком и совпадают по функции с запятой, способствуя движению повествования и удерживая внимание на последовательности действий “we met – he knew – he bowed – he withdrew”. В переводном тексте метасемиотические знаки сохранены или заменены на запятые, сохраняя вектор текстовой нарративной стратегии. Тире в конце финальной строфы исходного текста – это всего лишь знак незавершенности мысли и стиха, композиционная разновидность «висячей» концовки (loose end) незавершенного

художественного повествования [9, с. 1]; в переводном тексте незавершенность снята, конечность и законченность достигнута благодаря точке.

Капитализации (выделению с помощью заглавных букв), согласно латинской традиции письма, в исходном тексте подвергнуты не только имена существительные, но и местоимения. Повествование заявлено от первого лица единственного числа “I / я”, в конце стиха коллективное “We / мы” объединяет лирическую героиню-повествователя и читателя; любой из нас, таким образом, приобщен к ранней прогулке. Или же “we” относится к лирической героине и тому псу, с которым вышли к морю в первой строке и больше нигде не упоминали (утрата которого на берегу моря может расцениваться как потеря защитника перед лицом угрозы именно в этой точке пространства)?

Местоимение «He / он» в исходном тексте посредством грамматической персонификации референциально соотносится с морем, гендерно угрожающим лирической героине (как отмечает R. Reising [9, с. 1], именно это стихотворение дает основания для выделения важных феминистских позиций в творчестве Эмили Дикинсон и ее культурной эпохи). В переводном тексте лексическая замена (море / оно – прилив / он) открывает возможность для передачи безэквивалентного в русском языке приема грамматической персонификации [10, с. 88], но скрытые в персонификации культурные смыслы активной мужской агрессии со стороны моря остаются вне текста перевода. В русском переводе море, лишь вежливо раскланиваясь, в конце концов, мирно отступило, повернуло назад при встрече с Городом.

С одной стороны, в исходном тексте на строке 21 графически выделено прямое дополнение с прилагательным “Solid” и существительным “Town”; стихия воды отступает при встрече с твердыней города, который, как следует из акцентированного произвольной конструкцией “no one he seemed to know”, отчуждает море как нечто неизвестное, незнакомое, чуждое. Контрастная рема, по наблюдениям В.В. Гуревича [11, с. 165], поддержана семантикой (no one) и синтаксисом противопоставления (произвольная конструкция no one he seemed to know). Такая рема обычно выражается в английском языке с помощью модели частичной эмфатической инверсии (при имени существительном, но не местоимении в качестве подлежащего предложения), в русском языке она не проявляется в изменении порядка слов, как, например, в стихотворении № 436.

No bone had He to bind Him –
His Speech was like the Push

Он не имел скелета –
И речь его была – [5, 436:9-10].

С другой стороны, произвольная конструкция на строке 21 стихотворения № 520 оформлена (или порождена?) экспериментальными рифмами. Как отмечает М.Л. Гаспаров, многие рифмы Эмили Дикинсон обновляют классические английские «глазные» рифмы консонансного типа [12, с. 223]: в ударных конечных слогах первой и второй строки финального катрена “town – know” согласные совпадают, а гласные – разные. Произвольное следование прямого дополнения и группы подлежащее-сказуемое обусловлено требова-

ниями метра и рифмы; при переводе перекрестная мужская рифма «рад – назад» на строках 22 и 24 не связана с опущенной произвольной конструкцией, а регламентирована русской стихотворной строфой.

*And He – He followed – close behind –
I felt His Silver Heel
Upon my Ankle – Then my Shoes
Would overflow with Pearl –*

*Он от меня не отставал –
На пятки наступал –
И подсыпал мне в башмаки
То жемчуг, то опал –*

*Until We met the Solid Town –
No one He seemed to know –
And bowing - with a mighty look –
At me – The Sea withdrew –*

*Но, встретив Город на пути,
Он встрече был не рад –
Отвесил вежливый поклон
И повернул назад*

[5, 520:21-24].

Коммуникативный статус фиксированного порядка слов в английском языке состоит в указании на коммуникативные типы предложения (повествовательные, вопросительные и повелительные); в русском языке при свободной аранжировке членов предложения нет функции разграничения коммуникативных типов предложения, синтаксические факторы порядка следования слов менее выражены, чем в английском языке.

Коммуникативная перспектива и актуальное членение предложения-высказывания на данное и новое, на известное и неизвестное, на тему и рему подчиняются интуитивной логике говорящего, размещая известную информацию раньше новой или неизвестной [8; 13] и учитывая данное и новое с точки зрения слушающего в стратегии порождения и восприятия предложения и текста. В отличие от других средств актуального членения – интонации, логического ударения, специальных эффатических конструкций – порядок следования не всегда проявляется регулярно и обязательно в разных языках.

В русском предложении, согласно коммуникативной перспективе высказывания, новая информация тяготеет к концу фразы; в английском предложении рема не обязательно размещена в конце [14, с. 210].

Начальная позиция обстоятельства места и времени и указание на пространственно-временные характеристики создает конструкцию произвольного синтаксиса вне группы главных членов предложения и ремой-подлежащим после обстоятельственной группы в середине строки, которая при переводе на русский язык не вызывают сомнений:

*Behind the Hill – The House behind –
There – Paradise is found!*

*За этим домом – за холмом –
Находится наш Рай [5, 239:7-8]*

Сложность, обособленность и длина развернутой обстоятельственной группы в таких случаях является немаловажным фактором «сбалансированной инверсии *balanced inversion*» (термин Х.В. Фаулера [15]). По мысли Х.В. Фаулера, такая стилистическая аранжировка слов в английском пред-

ложении появляется не ради эмпазы, а ради «защиты (protection)» слов, ради баланса во избежание неуклюжести (clumsiness):

In lands I never saw – they say
 Immortal Alps look down –
 Whose Bonnets touch the firmament –
 Whose Sandals touch the town – [5, 124: 1-2]

*Стоит за морем, говорят,
 Бессмертных Альп гряда
 Их Шляпы достают Небес,
 Их Туфли – Города.*

(перевод А. Гаврилова)

*А где-то, знаю я, глядят
 Гиганты-Альпы свысока.
 Главою достают небес,
 Пятою – городка.*

(перевод Т. Стамовой [16])

В обоих вариантах перевода прием уподобления для передачи исходной произвольной конструкции с развернутой пространственной рамкой в препозиции группе подлежащее и сказуемое акцентирует подлежащее в конце предложения.

Элегантность исходной произвольной конструкции с обстоятельством места в срединной позиции между подлежащим и сказуемым поддержана метром и перекрестной рифмой (run – sun) и сохранена при переводе.

*Till Seraphs swing their snowy Hats –
 And Saints – **to windows run** –
 To see the little Tippler
 Leaning against the – Sun –*

*Святые к окнам не прильнут –
 Чтоб наглядеться всласть –
 Как маленькая пьяница
 О Солнце оперлась*

[5, 214:13-16]

328

Обстоятельственные слова в составе произвольных конструкций в сочетании с эллипсисом также не только акцентируются сами, но и акцентируют подлежащее. Английское подлежащее оказывается на последнем месте по модели полной грамматической инверсии, экспрессивность этой русской конструкции гораздо ниже, чем в английском языке; что, возможно, потребовало в тексте перевода введения новых метасемиотических знаков (выделения имен существительных заглавными буквами), отсутствующих в исходном тексте:

*Here a star, and there a star,
 Some lose their way!
 Here a mist, and there a mist,
 Afterwards – Day!*

*Тут Звезда и там Звезда,
 И всюду – Тень.
 Тут Туман и там Туман,
 А дальше – День!*

[5, 113:5-8].

Английские неканонические синтаксические конструкции часто порождают семантически аморфные неоднозначные высказывания, в которых, как бы, оставлена возможность для двойного прочтения.

«Двойной» синтаксис в стихотворении *“How many times these low feet staggered”* (1860) в последнем катрене на строке 9 складывается при наложении друг на друга двух модальных смыслов, оформленных в одну синтаксическую конструкцию: повелительное наклонение и модель полной эмфатической инверсии с глаголом-сказуемым, вынесенным в начальную позицию строки перед подлежащим. Повелительная модальность «навязана» силой инерции восприятия и подготовлена предыдущим контекстом первого и второго катренов, где обращение к читателю с призывом к действию повторяется неоднократно на строках 2–7. На выборе в пользу инверсии при актантной рамке глагола “buzz” построена текстовая стратегия последнего катрена, где дано мнимо-объективное описание комнаты.

Здесь стилистическая стратегия построена на передаче крайней оценочности и эмоциональности суждения с позиции внешнего наблюдателя. Модель полной эмфатической инверсии подлежащего и сказуемого повторяется дважды: на строке 9 “buzz the dull flies => the dull flies buzz” при глаголе действия и на строке 10 “brave shines the sun => the sun shines brave” при глаголе состояния с предикативом. Строка 11 с конструкцией произвольного синтаксиса в пределах атрибутивного словосочетания “fearless the cobweb swings => the fearless cobweb swings” стилистически выдержана в том же ключе. «Двойной синтаксис» на строке 9 метасемиотически поддержан тире. Перевод успешно ориентирован на передачу текстовой и стилистической стратегий исходного текста.

*How many times these low feet staggered –
Only the soldered mouth can tell –
Try – can you stir the awful rivet –
Try – can you lift the hasps of steel!*

*Как уставали эти ноги –
Лишь этот рот сказать бы мог –
Попробуйте сорвать заклепки!
Попробуйте сломать замок!*

*Stroke the cool forehead – hot so often –
Lift – if you care – the listless hair –
Handle the adamantine fingers
Never a thimble – more – shall wear –*

*Погладьте этот лоб холодный –
Приподымите прядь волос –
Дотроньтесь до застывших пальцев –
Им столько сделать довелось!*

*Buzz the dull flies – on the chamber window –
Brave – shines the sun through the freckled pane –
Fearless – the cobweb swings from the ceiling –
Indolent Housewife – in Daisies lain!*

*Жужжит назойливая муха
В окне, и пыль в луче дрожит –
Бесстрашно виснет паутина –
Хозяйка в праздности лежит!*

[5, 187:9-12].

Рассмотренные в настоящей статье синтаксические конструкции с произвольным порядком следования компонентов на базе второстепенных членов предложения (прямого дополнения, обстоятельства, определения) мотивированы грамматической, стилистической и текстовой стратегиями исходного текста. Русские переводные варианты обнаруживают переводческие приемы уподобления или опущения. Сознательные опущения фрагментов текста мо-

гут быть обусловлены как невозможностью передать системные особенности английского языка средствами русского языка, так и отклонениями от стилистической или текстовой стратегии исходного текста.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алексеев, М.П.* Английская поэзия и русская литература [Текст] / М.П. Алексеев // Английская поэзия в русских переводах (XIV–XIX века). Сборник / Сост. М.П. Алексеев, В.В. Захаров, Б.Б. Томашевский. На англ. и русск. яз. – М.: Прогресс. – 1981. – С. 493-565.
2. *Сиротинина, О.Б.* Порядок слов в русском языке [Текст] / О.Б. Сиротинина. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 172 с.
3. *Кузнец, М.Д.* Стилистика английского языка [Текст] / М.Д. Кузнец, Ю.М. Скребнев. – Л.: Гос. учебно-педагог. издательство, 1960. – 173 с.
4. *Арнольд, И.В.* Стилистика. Современный английский язык: Учебник для вузов [Текст] / И.В. Арнольд. – 9-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2015. – 384 с.
5. *Дикинсон, Э.* Стихотворения: Сборник [Текст] / Э. Дикинсон / Сост. М. Гавриловой. – М.: Радуга, 2001. – 448 с.
6. *Смирницкий, А.И.* Синтаксис английского языка [Текст] / А.И. Смирницкий. – М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1957. – 281 с.
7. *Лайонз, Дж.* Язык и лингвистика. Вводный курс [Текст] / Дж. Лайонз. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 320 с.
8. *Кобрин, Н.А.* Порядок слов в английском предложении и его функциональные модификации [Текст] / Н.А. Кобрин // Общее и германское языкознание: к 50-летию научной деятельности проф. В.М. Павлова / Отв. ред. Н.Л. Сухачев. – СПб.: Нестор-История, 2007. – С.133-148.
9. *Reising, R.* “From Emily Dickinsons Lost Dog” [Text] / R. Reisingn [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.modernamericanpoetry.org/criticism/russell-reising-emily-dickinsons-lost-dog.html> (дата обращения: 12.12.2016).
10. *Жантурина, Б.Н.* Метафорическая соотнесенность по роду при переводе [Текст] / Б.Н. Жантурина // Вестник Московского Университета. – Серия 22. – Теория перевода. – № 4. – 2010. – С. 80-89.
11. *Гуревич, В.В.* Теоретическая грамматика английского языка. Сравнительная типология английского и русского языков: учебное пособие [Текст] / В.В. Гуревич. – 5-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 168 с.
12. *Гаспаров, М.Л.* Очерк истории европейского стиха [Текст] / М.Л. Гаспаров. – М.: Фортуна Лимитед, 2003. – 272 с.
13. *Birren, B.J.* Information structure [Text] / B.J. Birren, G. Ward // The Handbook of English Linguistics / Ed. by Bas AArts, A. McMahon, 2006. – P. 291-317.
14. *Казакова, Т.А.* Практические основы перевода. English Russian [Текст] / Т.А. Казакова. – СПб.: Союз. – 2000. – 320 с.
15. *Fowler, H.W.* The Kings English, 2nd ed., 1908 [Text] / H.W. Fowler [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.bartleby.com/116/303.html> (дата обращения: 17.01.2017).
16. *Дикинсон, Э.* Два Заката [Текст] / Э. Дикинсон; пер. с англ. и послесл. Татьяны Стамовой. – М.: Водолей, 2014. – 152 с.

REFERENCES

1. Alekseev M.P., “Anglijskaya poeziya i russkaya literatura”, in: *Anglijskaya poeziya v russkikh perevodakh (XIV–XIX veka)*. Sbornik, Sostavitel M.P. Alekseev, V.V. Zakharov, B.B. Tomashevsky, Moscow, Progress, 1981, pp. 493-565. (in Russian)
2. Sirotnina O.B., *Poryadok slov v russkom yazike*, Moscow, 2003, 172 p. (in Russian)
3. Kuznetz M.D., Skrebnev Yu.M., *Stilistika anglijskogo yazika*, Leningrad, 1960, 173 p. (in Russian)

4. Arnold I.V., *Stilistika. Sovremennij anglijskij yazik. Uchebnik dlya vuzov*, 9 nd., Moscow, Flinta, Nauka, 2015, 384 p. (in Russian)
5. Dickinson E., *Stikhotvoreniya. Sbormik*, Ed. M. Gavrilovoj, Moscow, Raduga, 2001, 448 p. (in Russian)
6. Smirnitckij A.I., *Sintaksis anglijskogo yazika*, Moscow, Izdatelstvo literatury na inostrannikh yazikakh, 1957, 281 p. (in Russian)
7. Lyons G., *Yazik i lingvistika, Vvodnij kurs*, Moscow, Editorial URSS, 2004, 320 p. (in Russian)
8. Kobrina N.A., "Poryadok slov v anglijskom predlozhenii i ego funktsionalniye modifikatsii", in: *"Obshchee i germanskoye yazikoznaniye" k 50-letiju nauchnoj deyatel'nosti prof. V.M. Pavlova, ed. N.L. Sukhachev*, St. Petersburg, Nestor-Istoriya, 2007, pp. 133-148 (in Russian)
9. Reising R., *From Emily Dickinsons Lost Dog*, available at: <http://www.modernamericanpoetry.org/criticism/russell-reising-emily-dickinsons-lost-dog> (accessed: 17.01.2017). (in Russian)
10. Zhanturina B.N., "Metaphoricheskaya sootnesennost po rodu pri perevode", in: *Vestnik Moskovskogo universiteta*, ser. 22, Teoriya perevoda, No. 4, 2010, pp. 80-89. (in Russian)
11. Gurevich V.V., *Teoreticheskaya grammatika anglijskogo yazika. Sravnitel'naya tipologiya anglijskogo i russkogo yazikov, uchebnoe posobiye*, 5nd, Moscow, Flinta, Nauka, 2008, 168 p. (in Russian)
12. Gasparov M.L., *Ocherk istorii evropejskogo stiha*, Moscow, Fortuna Limited, 2003, 272 p. (in Russian)
13. Birren B.J., Ward G., "Information structure", in: *The Handbook of English Linguistics*, Ed. Bas AArts, A. McMahon, 2006, pp. 291-317.
14. Kazakova T.A., *Prakticheskiye osnovi perevoda. English*
15. Fowler H.W., *The Kings English*, 2nd ed., 1908, available at: <http://www.bartleby.com/116/303.html> (accessed: 17.01.2017).
16. Dickinson E., *Dva Zakata*, trans. T.Stamovoj, Moscow, Vodolej, 2014, 152 p.

Жантурина Бахыт Нурмухановна, доктор филологических наук, профессор, доцент, кафедра грамматики английского языка, Институт иностранных языков, Московский педагогический государственный университет, uvaursi@inbox.ru

Zhanturina B.N., ScD in Philology, Professor, English Grammar Department, Foreign Languages Institute, Moscow State University of Education, uvaursi@inbox.ru

УДК 801.6
ББК 81.2

ИСПАНОЯЗЫЧНОЕ СТИХОСЛОЖЕНИЕ: СЛОЖНОСТИ РЕЦЕПЦИИ ДЛЯ РУССКОЯЗЫЧНОГО СТУДЕНТА

Т.К. Жорж

Аннотация. В статье рассматривается специфика испаноязычного стихосложения в диахронии с целью ответить на вопрос, почему русскоязычным студентам трудно воспринимать испаноязычную поэзию как таковую. Характерной чертой испанского стиха является относительность равенства слогов, отсутствие жесткой упорядоченности ритма ударений. Был проведен лингвокультурологический диахронический структурный анализ испаноязычной поэзии с точки зрения изучаемой проблемы с использованием описательного, дедуктивного, компаративного методов исследования. Результаты исследования могут быть использованы на занятиях по курсам практики перевода, художественного перевода, практического иностранного языка, истории литературы и культуры стран изучаемого языка, они будут интересны студентам – филологам, магистрантам, аспирантам и широкому кругу лиц, изучающих язык, литературу и культуру испаноязычных стран.

Ключевые слова: система стихосложения, стих, стопа, метрика, ритм, изосиллабизм, испанская / испаноязычная поэзия.

332

SPANISH-LANGUAGE VERSIFICATION: DIFFICULTIES OF RECEPTION FOR THE RUSSIAN-SPEAKING STUDENTS

T.K. George

Abstract. The article studies the specifics of Spanish-language versification in a diachrony with the purpose to answer the question why it is difficult for Russian-speaking students to perceive Spanish poetry as such. Characteristic feature of the Spanish verse is the relative equality of syllables, lack of strict ordering of the rhythm accents. The lingua-cultural diachronic structural analysis of Spanish poetry from the point of view of the studied problem using descriptive, deductive, comparative methods of a research has been carried out. The results of a research can be used in classes on practical translation course, a practical foreign language, literary translation, history

of literature and culture of the countries of the learned language. The linguacultural analysis of material of this research can be used by students – philologists, undergraduates, graduate students and a wide range of people studying language, literature and culture of Spanish-speaking countries.

Keywords: *system of versification, verse, foot, metrics, rhythm, izosillabizm, Spanish / Spanish-speaking poetry.*

Знание других культур позволяет признать сам факт их различий, познать природу и относиться к ним с пониманием и терпимостью, что необходимо для подлинной кросскультурной коммуникации, межкультурного диалога. В связи с этим обращение к интеллектуальной истории, вопросам рецепции и преодоления устоявшихся стереотипов восприятия, процессам создания «имиджа» территории, формирования вторичной картины мира видится неизменно актуальным.

Долгое время в испаноязычной теории стихосложения доминировала точка зрения, согласно которой основу испанского стихосложения составляет силлабический стих. Изосиллабизм, то есть равносложность, не был изначально свойствен испанскому стиху. Романские стиховые системы не являются упорядоченными изначально, для испанского стиха характерна большая или меньшая степень упорядоченности на ранних этапах существования, «приблизительная силлабичность» [1, с. 129]. Исконно кастильские аметрические, асиллабические стихи сосуществуют в XIII–XIV веках с тенденцией к соразмерности, появившейся в результате влияния средневековой латинской, а также французской, провансальской, галисийско-португальской поэзии, и в начале XV века вытесняются изосиллабизмом. В ученой поэзии этот

процесс происходил быстрее. Вследствие влияния ученой поэзии исчезают, упорядочиваются метры, итальянские метры вытесняют народные. Тенденция усиливается с распространением классицизма. Однако асиллабические, астрофические стихи не исчезают.

Другая важная особенность испанской поэзии – активное «применение разнородных метров и строф в одном и том же произведении» [2, с. 66]. Выдвигаемое в эпоху Возрождения требование единого размера не соблюдалось. С 30-х гг. XVIII века в испанской поэзии господствуют, под влиянием классицизма, изосиллабические метры и изометрические строфы, но в эпоху романтизма увеличилось разнообразие метров, также в рамках одного произведения. В целом испанское стихосложение развивается в противовес тенденции, характерной для большинства национальных литератур до XX века, к упорядочиванию стиховой метрики и строфики. Конец XIX века ознаменовался возрождением разнообразия ритмических фигур: сначала в рамках изосиллабизма – вплоть до свободного стиха, а также возвращением к народному тоническому стиху.

Испанский стих не укладывается в рамки силлабики, силлабо-тоники или тоники. Он принадлежит не какой-либо одной системе, а охватыва-

ет силлабо-тонический, тонический, силлабический типы стихосложения, каждый из которых имеет свои особенности, определяемые характером испанского языка. Исследователи придерживаются разной терминологии, называя стихосложение силлабическим [3, с. 15], с «варьирующимся ритмом» [4, с. 77-107], акцентно-силлабическим [5, с. 35]. Деление на типы стихосложения в рамках испанского языка носит несколько условный характер, часто бывает трудно определить размер и тип конкретного стиха.

Традиционно в испанской литературе стих организуется равенством слогов и – в большей или меньшей степени – ритмом ударений: основное, в конце строки, внутренние, обязательные или факультативные, в зависимости от длины строки. Значение финального и внутренних ударений, жестко закреплённое место конечного ударения, а также тенденция строить ритмические фигуры, изосиллабизм, отсутствие упорядоченности в чередовании ударных и безударных слогов – это специфические особенности, отличающие испанский стих. Можно говорить о варьировании ритма между полюсами упорядоченной силлабо-тоники и иррегулярного стихосложения. Существуют промежуточные формы стихосложения, например, кадентно-силлабический стих (наиболее распространённая форма испанской силлабо-тоники, так как предполагает наибольшую гибкость ритма; в первой части строки упорядоченность стоп может деформироваться, во второй – реализуется), логэдический, или «стих со смешанным ритмом» [6, с. 47].

Испанская силлабическая система, образовавшаяся в результате соединения тонического стиха с принципом изосиллабизма, получила наибольшее распространение. Это связано во многом с особенностями испанской мелодики и ударения, которое по своим характеристикам занимает среднее положение между французским и русским ударениями: оно может выполнять смысловоразличительную функцию, более подвижное, сильное, чем во французском языке, но менее сильное, чем в русском. Характерно, что даже исследователи, признающие существование силлабо-тоники в испанской поэзии, спорят относительно стоп. А. Бельо [7] выделил пять видов стоп; Г. Корреас [8] – хорей, дактиль, амфибрахий, допуская возможность существования ямба; Т. Наварро – хорей и дактиль, признавая остальные стопы существующими только теоретически; Бальбин [9] упразднил все трехсложные стопы.

Существенный признак испанской силлабо-тоники заключается в том, что во многих случаях нет точного повтора одной стопы, речь идет лишь о более или менее регулярном чередовании ударных и безударных слогов в ритмико-фонетической группе между двумя паузами: «Любой испанский стих может быть сведен к определенному ритму... но не все они должны быть обязательно симметричными. Вполне достаточно наличие одного или нескольких ударений, являющихся основой метра» [10, с. 24]. Причины тому – стремление многих поэтов избежать ритмического однообразия, монотонности, появляющейся вследствие совмещения границ слов, ритмико-фонетических групп с границами стоп.

В Испании популярна традиция распатывания канонов, что выливается в уход от точного повтора стоп. Испанцы отмечают – как характерные национальные особенности – непосредственность, склонность к импровизации, свободному творчеству, не скованному рамками рифмы, метра, размера, передающему живое течение мысли.

С другой стороны, некоторые особенности испанского языка: тенденция гласных к элизии, большее, чем в русском языке, количество слов, теряющих ударение в потоке речи, и вследствие этого – возникновение дополнительных ударений в местах скоплений безударных слогов, образование единых ритмико-фонетических групп – способствуют жесткому и прочному сцеплению слов друг с другом, стиранию границ между стопами. Ритм стихов, в которых сильными являются ударения только в финальной клаузуле, кажется несколько размытым и неясным, особенно русскому читателю, привыкшему к силлабо-тонике XIX века. Чтобы почувствовать ритм, ударения в одинаковые промежутки времени, надо рассматривать группу строк или все стихотворение в целом.

С начала XX века в Испании распространяется свободный стих. Необходимо различать классический свободный стих – под этим названием объединяются определенные виды стопы, стиха испанской поэзии XV–XVI веков – и свободный стих – *versolibrismo* – конца XIX–XX века, не имеющий четкого ритма или со смешанным ритмом, представляющий собой внутренне свободное произведение: поэты комбинировали различные типы стихов, окончаний,

рифм, пауз, создавали новые строфы. Свободный стих, нерифмованный, аметричный, с паузами, представленными по авторскому усмотрению, популярен в старых комедиях, свободным стихом писал Хуан Боскан (раннее Возрождение). В Золотой век очень употребительна *силва* – композиция, в которой поэт не придерживается строгих правил в отношении числа и порядка расположения стихов, рифмы, пауз.

Введению и распространению испанского свободного стиха способствовала традиция амтрической, асиллабической поэзии, многочисленные смещения строф, метров романтиками, существование иррегулярных стихов – как результат экспериментов по возрождению гекзаметра, поднимавших его престиж, наличие большого числа метров, их определенная гибкость, а также использование белого стиха. Романтики и особенно модернисты значительно расширили число ритмических групп, строф, вариативность позиций ударений. Возросли выразительные возможности поэтического слова. Идея свободного стиха, воплощения поэтического сознания, без пут размера, метра, отразилась в творчестве Р. де Кастро, Х. Марти, Р. Дарио. Свободным стихом в соответствии с моделью Уитмена, с размером, колеблющимся в пределах 15–20 слогов, писали Нерво, Рамон Перес де Аяла, Сантос Чокано.

Некоторые традиционные типы строф рифмованной поэзии предполагают наличие нерифмованных строк, вводимых регулярно (*силва* – свободная рифмовка, романс – нечетные строки) или нерегулярно. После средних веков – эпохи господ-

ства рифмованных стихов – Возрождение вводит в употребление белый стих, особенно часто используемый в драме. Нерифмованный стих возник вследствие желания испанских поэтов приблизиться к античным образцам – отсюда и отрицание рифмы, порой почитаемой гуманистами за грубость, неотесанность. Белый стих используют Гарсиласо де ла Вега и Хуан Боскан. В XVIII веке, в эпоху романтизма, белый стих весьма популярен, встречается в полиметрических комедиях, в подражаниях античным поэтам и некоторых переводах. С конца XIX – начала XX века (творчество С. Руэды, Р. Дарио) белый стих употребляется в поэзии.

Свободный стих избавляется от слогового счета, рифмы, строфики, как сдерживающих течение мысли, хотя исследователи различают по степени упорядоченности полусвободный стих (*verso semilibre*) и свободный (*verso libre*), которые, в свою очередь, делятся в зависимости от длины строки на большие (*mayor*), средние (*medio*) и малые (*menor*) [6]. Однако правила для свободной поэзии вывести невозможно, стих не уложится в его рамки. Поэтому распространяется тезис, согласно которому основная единица поэтического ритма – все стихотворное произведение, которое вследствие полностью или частично изменяющегося ритма не может быть разложено на меньшие составляющие. Отличительный признак свободного стиха – его неконвенциональность, отсутствие эффекта ожидания ритмического повтора, который, по мнению сторонников верлибра, обедняет поэзию. Свободный стих – попытка расширить ритмический репертуар. Меня-

ются интонация, длина пауз, ритм ударений. Образуются самые причудливые ритмические фигуры. Обесценивая традиционные принципы стихосложения, современный поэт делает более зыбкой и условной границу между поэзией и прозой [11]: исследователи считают свободный стих следствием ослабления традиционной метрической упорядоченности, не оспаривая существование стихов в прозе и лирической ритмизованной прозы, или относят свободный стих к прозе [12].

Граница между поэзией и прозой не является абсолютной. Меж полюсами поэзии и прозы находятся промежуточные, переходные типы художественно организованной речи. Характерная примета современной испанской литературы – стихи в прозе, появившиеся в 90-х гг. XIX века. Для того чтобы не исчез верлибр и ритмизованная проза, нужна четкая оппозиция проза / поэзия. Свободный стих претендует не на устранение традиционного, а на то, чтобы признали его подлинную ценность, право на существование в определенный исторический период. Пропало стремление к свободе в плане метрики только ради свободы. Испанская поэзия XX века прошла круг развития от ниспровержения, разрушения традиционной формы (дадаизм, креасьонизм, ультраизм) и содержания (интимизм, интеллектуализм, сюрреализм), отрицания ниспровержения традиционной формы и содержания (неопопуляризм, эстрофизм) к прерванной традиции (неолопизм, неогонгоризм, неогарсиласизм, неоконцептизм). В последнее время заметно повышение интереса к традиционным средствам стихосложения, в частности к рифме.

Среди характерных особенностей испанской рифмы отметим оппозицию ассонанс / консонанс. Ассонанс распространен и популярен в средневековых героических поэмах, романсах, в современной поэзии. Ассонанс, консонанс и распространяющийся диссонанс имеют тенденцию к раздельному употреблению и жанровой закреплённости. При появлении строфической поэзии ассонанс и консонанс часто смешивались в одном произведении, но уже в средние века сфера их употребления была разграничена. Так, в романсах использовался сквозной ассонанс в парных строках. В сонете, октаве – консонанс.

Понимание точной / неточной, богатой / бедной рифмы в испанской поэтической традиции коренным образом отличается от русской: ассонанс не воспринимается как неточная рифма, противопоставляемая точному консонансу. Богатая рифма – совпадающие согласные и до, и после ударного гласного – считается нежелательной. Богатая рифма – редкая фоническая композиция: «...созвучие тем более приятно, чем менее оно предсказуемо» [7, с. 188]. Легко находимые рифмы воспринимаются как бедные. Чередование разнотактных окончаний, бытующее во французской поэзии с XVI века, в русской – с XVIII века, в испанской поэзии не получило широкого распространения. Более естественна для испанского языка женская рифма. Рифма в рамках одного произведения была, как правило, равностроной, но в некоторых жанрах и типах строф употреблялись альтернансы. В настоящее время существует тенденция произвольного сочетания различных рифм в одном произведении.

Таким образом, развитие современной испаноязычной поэзии определяется двумя основными тенденциями: культивированием верлибра и обращением, в силу традиционалистичности, к классическим национальным темам и структурам. Русскоязычным читателям ритм стихов с сильным ударением лишь финальной клаузулы будет восприниматься как размытый и неясный, в силу его подсознательной ориентации на силлабо-тонику XIX века, ставшую классической вехой национальной поэзии.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гаспаров, М.Л.* Очерк истории европейского стиха [Текст] / М.Л. Гаспаров. – М.: Наука, 1989. – 274 с.
2. *Менендес Пидаль, Р.* Избранные произведения [Текст] / Р. Менендес Пидаль. – М.: Изд-во иностр. лит., 1961. – 770 с.
3. *Henríquez Ureña, P.* Estudios de versificación española [Text] / P. Henríquez Ureña. – B.A.: UBA, 1950.
4. *Bêlić, O.* En busca del verso español [Text] / O. Bêlić. – Praha: Un-d Karlova, 1975. – 107 p.
5. *Гончаренко, С.Ф.* Стилистический анализ испанского стихотворного текста [Текст] / С.Ф. Гончаренко. – М.: Высшая школа, 1988. – 191 с.
6. *Navarro, T.* Métrica española [Text] / T. Navarro. – N.Y.: Las Américas, 1966. – 556 p.
7. *Bello, A.* Obras completas de Andrés Bello. Estudios filológicos. Vol. 6 [Text] / A. Bello. – Caracas: Ministerio de educación, 1955. – 601 p.
8. *Correas, G.* Arte de la lengua española castellana [Text] / G. Correas. – Madrid: Instituto Miguel de Cervantes, 1954. – 500 p.
9. *Balbín, R. de.* Sistema de la rítmica castellana [Text] / R. de Balbín. – Madrid: Gredos, 1975. – 442 p.
10. *Vicuña Cifuentes, J.* Epítome de versificación castellana [Text] / J. Vicuña Cifuentes. – Santiago: Ed. Nacimiento, 1929. – 24 p.

11. Celaya, G. Inquisición de la poesía [Text] / G. Celaya. – Madrid: Taurus, 1972. – 258 p.
12. Fernández Ramírez, S. Lengua literaria y norma lingüística [Text] / S. Fernández Ramírez. – Madrid: Real Academia Española, 1960. – 58 p.

REFERENCES

1. Gasparov M.L., *Ocherk istorii evropeiskogo stikha*, Moscow, Nauka, 1989, 274 p. (in Russian)
2. Vicuña Cifuentes J., *Epítome de versificación castellana*, Santiago, Ed. Nacimiento, 1929, 24 p.
3. Celaya G., *Inquisición de la poesía*, Madrid, Taurus, 1972, 258 p.
4. Fernández Ramírez S., *Lengua literaria y norma lingüística*, Madrid, Real Academia Española, 1960, 58 p.
5. Menéndez Pidal R., *Izbrannye proizvedeniya*, Moscow, Izdatelstvo inostranoi literatury, 1961, 770 p. (in Russian)
6. Henríquez Ureña P., *Estudios de versificación española*, B.A., UBA, 1950.
7. Bêlić O., *En busca del verso español*, Praha, Un-d Karlova, 1975, 107 p.
8. Goncharenko S.F., *Stilistichesky analiz is-panskogo stikhotvornogo teksta*, Moscow, Vysshaya shkola, 1988, 191 p. (in Russian)
9. Navarro T., *Métrica española*, New York, Las Américas, 1966, 556 p.
10. Bello A., *Obras completas de Andrés Bello. Estudios filológicos*, Vol. 6, Caracas, Ministerio de educación, 1955, 601 p.
11. Correas G., *Arte de la lengua española castellana*, Madrid, Instituto Miguel de Cervantes, 1954, 500 p.
12. Balbín de R., *Sistema de la rítmica castellana*, Madrid, Gredos, 1975, 442 p.

Жорж Татьяна Константиновна, доктор филологических наук, доцент, профессор, кафедра теории и практики перевода и коммуникации, Московский педагогический государственный университет, Tatianaguseva@yahoo.com

George T.K., ScD in Philology, Professor, Theory and Practice of Translation and Communication Department, Moscow State University of Education, Tatianaguseva@yahoo.com

УДК 81.23
ББК 81.2 АНГЛ

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПОНЯТИЯ «СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОЕ» В РОМАНЕ У. КОЛЛИНЗА «ОТЕЛЬ С ПРИВИДЕНИЯМИ» И ЕГО ПЕРЕВОДЕ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

А.А. Тимофеева

Аннотация. Статья посвящена анализу лексических особенностей репрезентации понятия «сверхъестественное» в романе У. Коллинза «ОТЕЛЬ С ПРИВИДЕНИЯМИ» (1878 г.). В исследовании приводится сопоставительный анализ аутентичного текста романа с его единственным на данный момент существующим переводом на русский язык, выполненным В.А. Харитоновым (1992 г.), анализируются типы эквивалентности, достигнутые переводчиком в русскоязычной версии романа. В статье отмечаются основные принципы передачи лексических единиц с компонентом «сверхъестественное» с английского на русский язык.

Ключевые слова: сверхъестественное, лексическая единица, перевод, коннотация, слово, словосочетание, семантика, переводческий прием.

LEXICAL FEATURES OF THE CONCEPT "SUPERNATURAL" IN W. COLLINS'S NOVEL "THE HAUNTED HOTEL" AND ITS TRANSLATION INTO RUSSIAN

339

A.A. Timofeeva

Abstract. The article analyzes the lexical features of representing the concept "supernatural" in W. Collins's novel "The Haunted Hotel" (1878). The research contains a comparative analysis of the authentic text of the novel with its only currently existing translation into Russian by V. Kharitonov (1992); also it contains the analysis of the equivalence types achieved by the translator in the Russian version of the novel. The article highlights the main principles of translating lexical units with "supernatural" component from English into Russian.

Keywords: supernatural, lexical unit, translation, connotation, word, phrase, semantics, translation method.

Английский писатель Уильям Уилки Коллинз (1824–1889) по праву считается основоположником так называемого «сенсационного романа», впоследствии разделившегося на приключенческий и детективный жанры. Коллинз – признанный мастер интриги и увлекательного сюжета. Нужно отметить, что в своих произведениях автор касается и мистической тематики – в его романах можно обнаружить весьма реалистичное описание потусторонних явлений [1].

В данном исследовании предпринимается попытка осветить и проанализировать лексические особенности репрезентации понятия «сверхъестественное» в аутентичном тексте романа У. Коллинза *“The Haunted Hotel”* / «Отель с привидениями» (1878 г.) и его переводе на русский язык, выполненном В.А. Харитоновым (1992 г.).

Прежде всего, лексема с компонентом «сверхъестественное» встречается уже в названии романа – *“haunted”* / «населенный призраками». В отечественном языкознании первым лингвистом, предложившим теоретическую интерпретацию названия, был А.М. Пешковский, который правильно установил основной статус названия – быть чем-то большим, чем обычное наименование объекта, то есть таить в себе еще какую-то внутреннюю, скрытую от нас сущность, которая до определенного времени как бы остается «вещью в себе», демонстрируя будущему читателю лишь намек на определенное содержание или же его сжатое представление [2]. В интерпретации В.А. Харитонova видим прямой перевод названия на русский язык – *“The*

Haunted Hotel” / «Отель с привидениями». Присутствие в переводе элементов дословности обусловлено целым рядом объективных причин, главной из которых является наличие семантического параллелизма языков, вытекающего из существования языковых универсалий [3, с. 151]. К такого рода универсалиям можно отнести и понятие *“haunted”*, имеющее в русском языке свой эквивалент – «населенный призраками». Ссылаясь на теорию уровней эквивалентности В.Н. Комиссарова, отметим, что данный пример можно отнести к первому, наивысшему типу эквивалентности – на уровне языковых знаков (слов). Лексическая единица «привидение» несет в себе коннотацию *потусторонности, необъяснимого явления*, что в переводном тексте производит на читателя впечатление интриги, загадочности последующего повествования. Коннотация оказывает активное влияние на формирование ассоциативно-образного содержания лексических единиц. Необходимо подчеркнуть, что есть две дефиниции понятия «коннотация». В настоящее время отмечается некоторая его «диффузность», которая связывается с фактом существования двух основных подходов к этому явлению. Так, с одной стороны, коннотацию рассматривают в качестве полноправной составляющей семантики слова (В.Н. Телия, И.В. Арнольд, Н.Г. Барышникова, Р.А. Будагов, В.Н. Комиссаров, В.И. Шаховский и др.). С другой стороны, коннотацию определяют как второстепенное значение (В.И. Говердовский, Н.Г. Комлев, Н.А. Лукьянова, И.А. Стернин и др.). Но при этом практически все исследователи схо-

дятся во мнении, что коннотация – это явление, включающее в себя языковые данные, не зависящие от человека, но помогающие ему анализировать и классифицировать информацию, получаемую им посредством восприятия аутентичного и переводного текстов. Следовательно, причиной использования коннотативных значений в тексте является необходимость акцентирования личностно важных для самого автора особенностей описываемых событий и характеристик действующих лиц [4, с. 191-210].

Вопрос эквивалентности перевода при передаче авторских коннотаций всегда стоял перед лингвистами и читателями переводной литературы. Если рассматривать эквивалентность переводимых с одного языка на другой текстов как семантическое тождество приравниваемых друг к другу единиц, то это не всегда подразумевает эквивалентность всех сегментов текстов. В свою очередь, тождество сегментов не всегда означает эквивалентность переводимых текстов. Единственный способ наиболее точной передачи содержания текста и авторских коннотаций средствами другого языка – это поиск иноязычных эквивалентов, в наибольшей степени соответствующих культурно-семантическим реалиям оригинала [5, с. 74–79].

Яркий пример словосочетания с компонентом «сверхъестественное» встречаем в строках, повествующих о сновидениях миссис Норбери в комнате № 14 венецианского отеля: “...she saw him tempted by **a shadowy creature** to drink, and dying of the poisonous draught...” [6, p. 104]. В.А. Харитонов предлагает следую-

щий вариант перевода: «...то **призрачная фигура** соблазняла его глотком воды, и он умирал от яда...» [7, с. 96]. Лексема “shadowy” имеет свой русский эквивалент – лексическую единицу «призрачный», следовательно, нужно признать, что переводчику удалось точно передать коннотацию *потусторонности*. Следует также отметить, что лексема “creature” на русский язык переводится лексической единицей «существо», семантика которой предполагает признак чего-то живого, существующего на самом деле, что не может употребляться в сочетании со словом «призрачный», семантика которого указывает на *бестелесность* описываемого явления, его *загадочность*, *необъяснимость*, *потусторонность*. В связи с этим В.А. Харитонов подбирает наиболее подходящую лексическую единицу «фигура», семантически нейтральную, не имеющую в себе указания на признак чего-то живого, из чего можем сделать вывод о том, что коннотативное значение исходной лексемы в переводном тексте передано верно. Данный пример, согласно теории В.Н. Комиссарова, можно отнести к третьему типу эквивалентности – на уровне сообщения / текста, так как в переводе сохранены общие понятия, с помощью которых осуществляется описание ситуации в оригинале. Думается, что У. Коллинз в тексте романа приводит именно лексему “creature” для того, чтобы придать повествованию живость и ответственность, но на русский язык правильно передать *коннотацию*, заявленную автором, буквальным переводом невозможно, что обуславливается различием в понимании *коннотативного значения* одной и той же

лексической единицы англоязычными и русскоязычными читателями. Трудность передачи коннотации преодолевается за счет подбора переводчиком наиболее близкой по смыслу лексемы, даже если это предполагает замену исходной лексической единицы лексемой переводного языка, семантика которой разительно отличается от аутентичной.

В продолжение описания сновидений миссис Норбери в комнате № 14 венецианского отеля, отметим следующие строки: *"The reiterated horror of these dreams had such an effect on her that she rose with the dawn of day, afraid to trust herself again in bed"* [6, p. 104]. В.А. Харитонов несколько изменяет структуру этого выражения в переводном тексте: *«Повторяемость этих ужасных видений так подействовала на нее, что она поднялась с рассветом и уже не решалась лечь в постель»* [7, с. 96]. Лексическая единица «сны» заменяется словосочетанием «ужасные видения», коннотацией которого является стремление переводчика подчеркнуть явственность происходящего.

Наибольшую роль в передаче коннотативного аспекта семантики слова оригинала играют его эмоциональный, стилистический и образный компоненты [8]. В рассматриваемом примере лексема «видения» не может функционировать как полноценный эквивалент лексической единицы «сны», так как семантика первой лексемы подразумевает, что человек видит какие-либо необъяснимые явления наяву, не находясь при этом в состоянии сна, в то время как вторая лексема семантически отражает именно факт отключения со-

знания человека. Однако в целом, нужно отметить, что переводчику удалось отразить коннотацию *потусторонности*. Эмоциональный, стилистический и образный компоненты лексемы «видения» позволяют переводчику выступить как бы соавтором романа, ведя повествование наравне с автором.

Следующий пример лексемы с компонентом «сверхъестественное» обнаруживаем в беседе миссис Норбери и ее горничной: *"It's my conclusion that something happened to my lord, which we none of us know about, when he died in this house. His ghost walks in torment until he can tell it – and the living persons related to him are the persons who feel he is near them"* [6, p. 106]. Лексема «ghost» / «привидение», «призрак» в переводном тексте В.А. Харитонova представлена по-другому: *«Вот и я думаю: мы ничего не знаем, но что-то стряслось с милордом, когда он умирал в этом доме. И его дух мыкается и страдает, пока не поведает об этом. А родственники чувствуют, что он близко»* [7, с. 98]. В переводном варианте встречаем выражение «...дух мыкается и страдает...». Между понятиями «призрак» и «дух» есть принципиальная разница: «дух», исходя из семантики этого слова, является полностью невидимым, в отличие от «призрака», который принимает очертания человека, которым он был при жизни, следовательно, данный вариант перевода не является полностью эквивалентным исходной лексической единице. Вероятно, переводчик не учел семантической разницы между понятиями «призрак» и «дух», что, тем не менее, не является помехой для пол-

ноценного восприятия переводного текста русскоязычным читателем. Выражения «*мыкаться*» и «*страдать*» являются семантически близкими, что способствует полноценному восприятию читателем переводного текста. Данный пример, в соответствии с теорией В.Н. Комиссарова, можно отнести ко второму типу эквивалентности – на уровне ситуации. Ситуация, заявленная в тексте оригинала, была сохранена в переводе.

Страх горничной перед тем, о чем она говорит с миссис Норбери, выражается в следующих ее словах: *"Dont, pray dont stay any longer in this dreadful place!"* [6, p. 106]. В.А. Харитонов предлагает следующий вариант перевода: «Умоляю вас, не оставайтесь в этом **страшном доме!**» [7, с. 98]. В аутентичном тексте встречаем словосочетание *"dreadful place"* / «ужасное место», в то время как в переводном тексте видим прием конкретизации значения путем лексической замены – «**страшный дом**». Отметим, что переводчиком, по мнению автора настоящей статьи, был выбран именно этот прием с целью отсылки к общепринятому понятию «дом с привидениями», оказывающему весьма экспрессивный эффект на читательскую аудиторию. Данный пример также можно отнести ко второму типу эквивалентности, согласно теории В.Н. Комиссарова, так как ситуация, заявленная в аутентичном тексте, переводчиком была сохранена.

«Необходимость найти ту оптимальную величину полноты и точности передачи системы смыслов оригинального речевого произведения, позволяющую говорить именно о переводе, а не о каком-либо ином виде

межъязыкового посредничества, выдвигает на первый план проблему отношения исходного текста к тексту перевода» [9, с. 213-214]. В ходе сопоставительного анализа примеров из аутентичного текста и его переводного варианта, приходим к выводу о том, что полнота и точность передачи системы смыслов зависит от выбора оптимальных лексических единиц, близких по значению к исходным, подбора возможных эквивалентов в языке перевода.

Лексическая единица «*привидение*» предстает в романе в весьма необычном контексте: *"The circumstances related to him contained invaluable hints for a ghost-drama"* [6, p. 108]. В.А. Харитонов предлагает прямой, дословный перевод интересующего нас словосочетания: «*Сообщенные ему обстоятельства сулили самую настоящую драму с привидениями*» [7, с. 100]. Данный пример межъязыковой передачи можно отнести к первому типу эквивалентности – на уровне слов, так как именно дословный, прямой перевод в данном случае является единственно верным. Словосочетание *"a ghost-drama"* / «драма с привидениями» в соответствии с контекстом романа имеет в себе дополнительную коннотацию – один из героев, Фрэнсис Уэствик, планирует поставить пьесу на сцене именно в этом ключе.

В романе «Отель с привидениями» обнаруживаем также еще один пример употребления лексической единицы *"ghost"* / «призрак» в необычном контексте: *"A terrible smell from an invisible ghost is a perfectly new idea"* [6, p. 112]. Словосочетание *"an invisible ghost"* / «невидимый призрак» является оксюмороном, то

есть сочетанием несочетаемого, ведь «*призрак*», в отличие от «*духа*» является осязаемым явлением, так как принимает облик умершего человека. Далее, следует отметить вариант перевода данного отрезка текста В.А. Харитоновым: «*Смердящий невидимый призрак — это, безусловно, свежая мысль*» [7, с. 102]. В аутентичном тексте мы обнаруживаем словосочетание “*a terrible smell*” / «ужасный запах», наличие которого в контексте повествования о *призраке* является необычным, ведь *призрак* не может источать никакого запаха. Переводчик же идет значительно дальше, заменяя это словосочетание лексической единицей «*смердящий*», скорее, повествуя о мертвце, чем о *призраке*. Также в переводе наблюдается игра слов: если в аутентичном тексте мы видим словосочетание “*a new idea*” / «новая идея», «новая мысль», то в переводном тексте функционирует словосочетание «*свежая мысль*», которое выступает контрастным понятием в одном предложении с лексемой «*смердящий*».

В описании облика одной из героинь романа, графини Нароны, также можно обнаружить словосочетания с компонентом «сверхъестественное»: “*I wonder if you have quite forgotten my big black eyes and my hideous complexion?*” [6, p. 112]. Словосочетания “*big black eyes*” / «большие черные глаза» и “*hideous complexion*” / «отвратительный цвет лица» семантически несут в себе коннотацию *потусторонности*, будто речь идет не о человеке, а о живом трупе. Приведем вариант перевода В.А. Харитонova: «Интересно, вспомните ли вы мои **большие темные глаза** и **страшный облик**?» [7, с. 104]. Пе-

реводчик передает словосочетания исходного текста несколько иным образом. «*Большие черные глаза*» он заменяет «*большими темными глазами*», более характерными для живого человека, в то время как в аутентичном тексте обнаруживаем именно лексическую единицу “*black*” / «*черный*», а не “*dark*” / «*темный*». Однако этот семантический недочет компенсируется словосочетанием «*страшный облик*» вместо исходного словосочетания «*отвратительный цвет лица*», что позволяет читателю обрисовать для себя потусторонний, нечеловеческий облик графини Нароны. Данный пример можно отнести ко второму типу эквивалентности — на уровне ситуации, которая была сохранена в переводном тексте.

Необходимо отметить, что лексическая единица “*ghost*” / «*призрак*» является одной из самых частотных в романе, функционируя в различных контекстах: “*What do you say, Countess, to entering the lists with Shakespeare, and trying a drama with a ghost in it?*” [6, p. 121]. В.А. Харитонов предлагает дословный вариант перевода интересующего нас словосочетания: «*Не желаете ли, графиня, потягаться с Шекспиром и испытать себя в драме с призраком?*» [7, с. 112], что можно отнести к 1-му типу эквивалентности — на уровне слов. Словосочетание “*a drama with a ghost*” / «*драма с призраком*» контекстуально имеет двойную коннотацию — это и драма родственников умершего лорда Монтбарри, страдающих от странных явлений, происходящих в отеле, где он умер, и, одновременно с этим, сюжет для пьесы, которую вызвалась написать графиня Нарона.

Лексическая единица “haunted” / «населенный призраками» в переводном тексте В.А. Харитонова приобретает иное значение: “With these motives (worthy of the single-hearted devotion to dramatic business which made Francis a successful manager) he related, without further hesitation, what his own experience had been, and what the experience of his relatives had been, in the **haunted hotel**” [6, p. 121] – «С этими мыслями (а не будь он беззаветно предан своему делу – плохой он тогда антрепренер) Фрэнсис, не мучаясь больше сомнениями, рассказал, какие испытания выпали ему в этом **окаянном отеле** и что пережили его близкие» [7, с. 112]. В данном примере наблюдается личностная оценка переводчиком описываемой ситуации, ведь лексема «окаанный» имеет резко отрицательную коннотацию, изначально не заявленную в аутентичном тексте.

Необходимо также отметить, что в переводном тексте В.А. Харитонова есть случаи одновременного *смягчения переводчиком отрицательной коннотации и лексической замены* на одном отрезке текста: “But there is something dramatic in the notion of **the ghostly influence making itself felt by the relations** in succession, as they one after another enter the fatal room—until the one chosen relative comes who will see **the Unearthly Creature**, and know the terrible truth” [6, p. 122]. – «Но есть драматическое зерно в самой мысли, что **призрак дает о себе знать близким родственникам**, когда те по очереди оказываются в роковой комнате, и что кому-то одному **выходец с того света** объявится и поведает страш-

ную тайну» [7, с. 112]. В частности, выражение “the ghostly influence making itself felt by the relations” / «призрачное влияние, ощущаемое родственниками» переводчик интерпретирует, несколько смягчая отрицательную коннотацию – «призрак дает о себе знать близким родственникам», то есть напоминает о себе, не оказывая на них никакого влияния. Словосочетание “the Unearthly Creature” буквально переводится на русский язык как «неземное существо», но подобный перевод являлся бы оксюмороном, так как понятие «существо» семантически несет в себе коннотацию чего-то земного, существующего в пространстве реального мира. В связи с этим переводчик выбирает несколько иное словосочетание «**выходец с того света**», которое семантически ближе к контексту описываемой ситуации. В связи с этим, следует говорить о достижении переводчиком второго типа эквивалентности – на уровне ситуации.

Словосочетание с компонентом «сверхъестественное» встречается также в описании отрубленной головы, появившейся ночью в комнате Агнес: “Then, **a supernatural movement** disturbed the rigid repose of the dead face» [6, p. 143]. Словосочетание “a supernatural movement” / «сверхъестественный механизм» в переводном тексте В.А. Харитонова представлено следующим образом: «**Потом таинственный толчок** потрещивал окаменелый покой мертвого лица» [7, с. 130]. Семантика исходного словосочетания сохранена, равно как и коннотация *потусторонности*. Данный пример можно отнести к первому типу эквивалентности – на уровне слов.

Автор уделяет достаточно большое внимание описанию мертвой головы: *"The closed eyelids opened slowly. The eyes revealed themselves, bright with the glassy film of death – and fixed their dreadful look on the woman in the chair"* [6, p. 143]. В.А. Харитонов предлагает следующий вариант перевода: «Медленно разлепились веки, и показавшиеся глаза, сверкнув **мертвым слюдяным блеском, грозно глянули** на женщину в кресле» [7, с. 130]. Словосочетание «мертвый слюдяной блеск» несет в себе коннотацию *потусторонности, пугающей атмосферы*. Словосочетание *"dreadful look"* / «устрашающий взгляд» в переводном тексте заменено словосочетанием «наречие + глагол» – «грозно глянули». Переводной вариант несет в себе дополнительную коннотацию – голова взглянула на графиню Нарону с осуждением, что изначально не было заявлено в аутентичном тексте.

В описании реакции графини Нароны на происходящее также встречаем словосочетание с компонентом «сверхъестественное»: *"Agnes saw that look; saw the eyelids of the living woman open slowly like the eyelids of the dead; saw her rise, as if in obedience to some silent command – and saw no more"* [10, p. 143]. Словосочетание *"the eyelids of the dead"* / «веки мертвеца» в переводном варианте В.А. Харитонova выглядит следующим образом: «Агнес видела этот взгляд, видела, как у живой так же медленно, **по-мертвому разлепились веки**, видела, как та поднялась, словно повинувшись безмолвному распоряжению, – и дальше она ничего не видела» [7, с. 130]. Переводчик немного изменил струк-

туру предложения, не нарушив, однако, семантики и коннотативного значения лексических единиц аутентичного текста.

В тексте романа встречаем также словосочетания, в состав которых входит лексическая единица «сверхъестественное»: *"Have the supernatural influences affected your appetite again?"* [6, p. 152]. В переводном тексте встречаем прямой перевод словосочетания на русский язык: «**Сверхъестественные силы** не лишают аппетита?» [7, с. 138], что является примером достижения переводчиком 1-го типа эквивалентности – на уровне слов.

Необходимо отметить, что в аутентичном тексте обнаруживается лексическая единица *"the apparition"* / «призрак», гораздо реже использующаяся в английском языке, нежели лексема *"ghost"* / «призрак»: *"Remembering what your brother and I once were to each other in the bygone time, I can understand the apparition making itself visible to me, to claim the mercy of Christian burial, and the vengeance due to a crime"* [6, p. 159]. Словосочетание *"the apparition making itself visible"*, буквально переводящееся как «призрак сделал себя видимым» в переводном варианте В.А. Харитонova представлено выразительнее: «Памятуя, что значили в прошлом друг для друга твой брат и я, я могу понять, почему **призрак явился** мне: просить милости христианского погребения – и возмездия для преступников» [7, с. 144]. Словосочетание «призрак явился» является своего рода клишированным в русском языке, достаточно часто употребляемом в литературе мистической тематики. В данном примере отмеча-

ется достижение переводчиком первого и второго типов эквивалентности – на уровне слов и на уровне ситуации.

К лексическим единицам с компонентом «сверхъестественное» относится также лексема “a curse” / «проклятие»: “This hotel is under a curse” [6, p. 177]. В.А. Харитонов дает прямой перевод данной лексемы: «На этом отеле **проклятье**» [7, с. 160]. Отмечается достижение переводчиком первого типа эквивалентности – на уровне слов.

В целом, необходимо отметить, что перевод В.А. Харитонova является в достаточной степени адекватным, а эквивалентность ряда сегментов текста, несущих в себе компонент «сверхъестественное» не подлежит сомнению. Основную трудность для переводчика, на наш взгляд, составила передача тех единиц, аналогов которым нет в языке перевода, а также необходимость подбора иных единиц переводного языка, наиболее полно отражающих авторские коннотации. Автором данной статьи было проанализировано 16 примеров из аутентичного и переводного вариантов романа У. Коллинза «ОТЕЛЬ с привидениями», выявлены основные тенденции и закономерности межъязыковой передачи лексических единиц с компонентом «сверхъестественное» с английского на русский язык. Так, В.А. Харитонов достаточно часто использует прямой, дословный перевод лексем с целью сохранения авторских коннотаций. Кроме того, автор перевода не ограничивается подбором эквивалентов лексическим единицам аутентичного текста, но подбирает также лексемы русского языка, наиболее полно отражающие семантику лексем исходного текста.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. История английской литературы. Т. 2 [Текст]. – М.: Наука, 1955. – 350 с.
2. Шелепова, А.С. Название как кодовая единица текста [Текст] / А.С. Шелепова. – М., 2003. – 124 с.
3. Комиссаров, В.Н. Лингвистика перевода [Текст] / В.Н. Комиссаров. – 2-е изд. – М.: ЛКИ, 2007. – 167 с.
4. Иорданская, Л.Н. Коннотация в лингвистической семантике [Текст] / Л.Н. Иорданская, И.А. Мельчук // Wiener Slawistischer Almanach, 1980. – 250 с.
5. Лебедева, А.А. Проблема эквивалентности и безэквивалентности лексических единиц при переводе художественных текстов [Текст] / А.А. Лебедева // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. Серия: Филологические науки. – 2013. – № 3. – С. 74-79.
6. Collins, W. The Haunted Hotel & Other Stories [Text] / W. Collins. – Wordsworth, 2006. – 336 p.
7. Коллинз, У. Отель с привидениями [Текст] / У. Коллинз. – М.: Престиж Бук, 2006. – 170 с.
8. Комиссаров, В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты) [Текст] / В.Н. Комиссаров. – М.: Высшая школа, 1990. – 253 с.
9. Гарбовский, Н.К. Теория перевода: учебник [Текст] / Н.К. Гарбовский. – М.: Изд-во МГУ, 2007. – 543 с.
10. Нелюбин, Л.Л. Толковый переводоведческий словарь [Текст] / Л.Л. Нелюбин. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 318 с.

REFERENCES

1. Collins W., *The Haunted Hotel & Other Stories*, Wordsworth, 2006, 336 p.
2. Garbovskij N.K., *Teorija perevoda: uchebnik*, Moscow, 2007, 543 p. (in Russian)
3. Iordanskaja L.N., Melchuk I.A., *Konnnotacija v lingvisticheskoj semantike*, *Wiener Slawistischer Almanach*, 1980, 250 p. (in Russian)
4. *Istorija anglijskoj literatury*, Vol. 2, Moscow, Nauka, 1955, 350 p. (in Russian)
5. Kollinz U., *Otel s privedenijami*, Moscow, Prestizh Buk, 2006, 170 p. (in Russian)

6. Komissarov V.N., *Teorija perevoda (lingvističeskie aspekty)*, Moscow, Vysshaya shkola, 1990, 253 p. (in Russian)
7. Komissarov V.N., *Lingvistika perevoda*, 2nd., Moscow, 2007, 167 p. (in Russian)
8. Lebedeva A.A., Problema jekvivalentnosti i bezjekvivalentnosti leksičeskikh edinic pri perevode hudozhestvennyh tekstov, *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta im. M.A. Sholohova. Serija: Filologičeskie nauki*, 2013, No. 3, pp. 74-79 (in Russian)
9. Neljubin L.L., *Tolkovyj perevodovedčeskij slovar*, Moscow, Flinta, Nauka, 2003, 318 p. (in Russian)
10. Shelepova A.S., *Nazvanie kak kodovaja edinica teksta*, Moscow, 2003, 124 p. (in Russian)

Тимофеева Анастасия Андреевна, аспирантка, кафедра контрастивной лингвистики, Институт иностранных языков, Московский педагогический государственный университет, padme-timofeeva@yandex.ru

Timofeeva A.A., Postgraduate Student, Contrastive Linguistics Department, Institute of Foreign Languages, Moscow State University of Education, padme-timofeeva@yandex.ru

УДК 8; 811.111
ББК (Ш) 81.2 АНГЛ

ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РИТОРИКИ ДОНАЛЬДА ТРАМПА

О.В. Корецкая

Аннотация. В статье рассматриваются лингвостилистические особенности публичной речи Дональда Трампа, являющиеся важной составляющей его политического дискурса. Поскольку некоторые журналисты считают действующего президента США мастером риторики, изучение используемых им экспрессивных языковых средств воздействия на слушателей представляет особый интерес. Приводится целый ряд примеров, где речь Трампа анализируется с точки зрения наиболее распространенных в риторике лексических, синтаксических и фоностилистических приемов. Показывается, что американский президент широко применяет такие разнообразные лингвостилистические средства, как эпитет, гипербола, лексический и синтаксический повтор, синтаксический параллелизм, парцелляция, а его стиль общения можно отнести к неформальному. В плане фоностилистики в речи Трампа преобладают короткие ритмические группы, придавая ей отрывистый и динамичный характер. На основе примеров делается вывод, что целью политической риторики Трампа является простота изложения, благодаря которой его языковой образ делается более близким, а его речь – более понятной рядовому американцу.

Ключевые слова и фразы: лингвостилистика, фоностилистика, политическая риторика, политический дискурс, экспрессивный синтаксис, парцелляция, ритм.

349

LINGUOSTYLISTIC FEATURES OF DONALD TRUMP'S POLITICAL RHETORIC

O.V. Koretskaya

Abstract. The paper is concerned with linguostylistic features in Donald Trump's public speech that are an integral part of his political discourse. As some journalists consider the incumbent US president the master of rhetoric, it is of special interest to study those expressive linguistic means of affecting the audience that he uses. On the basis of the examples given in the paper

Trumps speech is analysed in terms of lexical, syntactic, and phonostylistic devices that are most widespread in rhetoric. It is shown that the American president widely uses various linguostylistic means such as epithet, hyperbole, lexical and syntactic repetition, parallel syntactic constructions, parcellation, and his style of speech can be characterised as informal. In terms of phonostylistics Trumps speech is predominantly divided into short rhythm groups, which makes it sound dynamic and pulsating. The study of the examples allows drawing a conclusion that the aim of Trumps political rhetoric is simplicity of discourse. As a result both his linguistic image and his speech become more understandable to the average American citizen.

Keywords: *linguostylistics, phonostylistics, political rhetoric, political discourse, expressive syntax, parcellation, rhythm.*

Языковые особенности политической речи уже давно находятся в центре внимания исследователей, занимающихся теорией коммуникации [1]. Поскольку коммуникация рассматривается как передача информации при помощи языка и других знаковых систем, политическая речь, являясь одним из способов общения, также изучается с точки зрения ее лингвистических особенностей, которые, в свою очередь, формируют политический дискурс. Важная задача политического дискурса – влиять на индивидуальное и массовое сознание посредством разнообразных языковых средств [2]. Там, где речь идет о языковых средствах, на первый план выходит особое направление в языкознании – лингвостилистика, в рамках которой анализируются экспрессивные стилистические приемы, оказывающие функцию воздействия [3, с. 454]. Именно поэтому немаловажным представляется изучение лингвостилистических особенностей политической риторики, которую можно определить как науку о «специфике, правилах и законах речевой деятельности в области политики как сферы

управления обществом» [4]. Более того, политическая риторика формирует языковой образ политика, что вызывает особый интерес лингвистов [5].

В создании языкового образа участвуют различные лингвостилистические приемы. Среди них на лексическом уровне наиболее частотными являются эпитет, метафора, сравнение, гипербола; на синтаксическом – синтаксический параллелизм, инверсия, парцелляция; на фонетическом – изменения ритмопросодического рисунка и тембра, а также аффективная силлабика, причем последние два явления сверхсегментной фонетики наиболее явно проявляются в английском языке [6].

Что касается политической риторики, искусство выступать перед широкой аудиторией значительно развито в англоговорящих странах. Поэтому изучение лингвостилистических особенностей публичной речи британских и американских политиков, многие из которых могут послужить образцовыми ораторами, продолжает оставаться актуальным направлением в англистике, помогая раскрыть их языковой образ. Безус-

ловно, из современных политических деятелей своим языковым образом выделяется действующий президент США Дональд Трамп, которого некоторые журналисты считают мастером классической риторики [7].

Рассмотрим вначале экспрессивные лексические средства в выступлениях Трампа. Так, одним из его любимых эпитетов стало распространенное в американском английском прилагательное *smart* «умный, сообразительный». Трамп использует его для описания политических действий других стран, которые, по его мнению, оказываются более эффективными, чем политика США.

- *China is smart, America is ruined.*

- *Their leaders are much smarter than our leaders.*

- *We have been disrespected, mocked, and ripped off for many, many years by people who were smarter, shrewder, tougher.*

- *Our leaders are stupid, our politicians are stupid, and the Mexican government is much smarter, much sharper, much more cunning.*

Как видно из примеров, прилагательное *smart* входит в синонимический ряд с другими эпитетами *shrewd, sharp, tough, cunning*, образующими в двух последних предложениях особый стилистический прием – синонимическую конденсацию (*smarter, shrewder, tougher; much smarter, much sharper, much more cunning*). Обладая в данном контексте положительными коннотациями, эти эпитеты противопоставляются прилагательному *stupid* «глупый», что создает своего рода оппозицию «мы против них»: именно нынешние американские политики и их действия рассматриваются как

«глупые» и приводят к развалу страны (*America is ruined*). Из высказываний Трампа следует, что у Америки есть целый ряд недоброжелателей, которые «не уважают» (*disrespect*), «осмеивают» (*mock*), «обкрадывают» (*rip off*) и «разваливают» (*ruin*) страну. Все эти глаголы имеют ярко выраженный негативный оттенок, рисуя мрачную картину текущего положения дел в США. На этом фоне Трамп выступает «хорошим политиком», который сумеет наладить ситуацию в стране, вывести ее из экономического кризиса и отстоять права американцев.

Помимо прилагательного *smart* в речи Трампа постоянно встречается словосочетание *best people* «лучшие люди» и синонимичные ему выражения *the smartest guys, brilliant people, brilliant minds*.

- *I'll choose the best people for my administration.*

- *I am self-funding and will hire the best people, not the biggest donors!*

- *I know the smartest guys on Wall Street. I know our best negotiators.*

- *We should be using our brilliant people, our most brilliant minds to figure a way that ISIS cannot use the Internet.*

«Лучшие люди (умы)» будут руководить Америкой, когда речь идет о формировании кабинета президента, экономической конкуренции с другими государствами или уничтожении ИГИЛ. При этом сам Трамп причисляет себя к категории «лучших людей», обещая обеспечить страну необходимыми рабочими местами (*“Additionally, I would be the best jobs President that God ever created”*).

Еще один излюбленный лексический прием действующего президен-

та США – гипербола. Он сам признается в этом в своей книге *The Art of the Deal* (1987): “...a little hyperbole never hurts. People want to believe that something is the biggest and the greatest and the most spectacular. I call it truthful hyperbole. It’s an innocent form of exaggeration – and a very effective form of promotion” [цит. по: 8, с. 58]. Трамп называет преувеличение «правдивой гиперболой» (*truthful hyperbole*), однако, по мнению некоторых критиков, здесь скрывается очевидный оксюморон, поскольку по своему определению гипербола представляет собой «неправдивое преувеличение» (“And since hyperbole is by definition untruthful exaggeration, Trumps phrase is an ‘oxymoron’, which is also figure of speech”) [7].

Так, например, Трамп активно пользуется гиперболой, когда речь идет о строительстве стены между США и Мексикой, глобальном потеплении или же искоренении радикального исламского терроризма.

- The dishonest media does not report that any money spent on building the Great Wall (for sake of speed), will be paid back by Mexico later!

- *The concept of global warming was created by and for the Chinese in order to make U.S. manufacturing non-competitive.*

- We will reinforce old alliances and form new ones, and unite the civilized world against radical Islamic terrorism, which we will *eradicate completely from the face of the Earth.*

Интересно отметить, что стена гиперболически называется «великой» (*the Great Wall*) по аналогии с Великой Китайской стеной (*the Great Wall of China*), глобальное потепле-

ние «было создано китайцами и для китайцев» (*The concept of global warming was created by and for the Chinese*), а исламский терроризм должен быть «полностью стерт с лица Земли» (*we will eradicate completely from the face of the Earth*).

Теперь обратим внимание на средства экспрессивного синтаксиса, который, являясь важным элементом лингвистистики, играет большую роль в риторике [9]. В первую очередь, речь Трампа отличается парцелляцией.

- I always win. Knock on wood. I win. It’s what I do. I beat people. I win.

- They’re bringing drugs. They’re bringing crime. They’re rapists.

- We’re not talking about isolation, we’re talking about security. We’re not talking about religion, we’re talking about security. Our country is out of control.

В первом примере парцелляция сопровождается еще одним риторическим приемом – синтаксическим повтором (*I win*). Во втором примере наблюдается синтаксический параллелизм (*They’re bringing...*). Кроме того, интересна и ритмическая организация обоих примеров. Парцелляция в сочетании с преобладанием одноударных и двухударных ритмических групп придает высказываниям резкий, отрывистый характер. В третьем примере используется антитеза, также построенная на синтаксическом параллелизме (*We’re not talking about... we’re talking about*).

И, наконец, Трамп активно пользуется еще одним риторическим средством – умолчанием (*paralipsis*). Применяя этот прием, говорящий намеренно подчеркивает то, что якобы хочет скрыть [10].

● I was going to say dummy Bush; I won't say it. I won't say it.

● I refuse to call Megyn Kelly a bimbo, because that would not be politically correct.

● Unlike others, I never attacked dopey Jon Stewart for his phony last name. Would never do that!

● I promised I would not say that she [Carly Fiorina] ran Hewlett-Packard into the ground, that she laid off tens of thousands of people and she got viciously fired. I said I will not say it, so I will not say it.

С одной стороны, Трамп будто бы отказывается критиковать целый ряд лиц, которых он упоминает в своих высказываниях (*I won't say it; I refuse to call; Would never do that; I would not say*). С другой стороны, на самом деле он ни о чем «не умалчивает», а, напротив, откровенно выражает о них свое мнение, считая их «тупицами» (*dummy, bimbo, dopey*). Использование такой неполиткорректной лексики является еще одной чертой речи президента США, яростно выступающего против политкорректности как социокультурного явления (“I frankly don't have time for political correctness. And to be honest with you, this country doesn't have time either”).

Обобщая особенности политической риторики Дональда Трампа, приведем отрывок из его интервью на ток-шоу “Jimmy Kimmel Live!”, в котором он объясняет свое непримиримое отношение к мусульманам. В плане лингвостилистики ответ содержит почти все ключевые элементы публичной речи американского президента и поэтому представляет особый интерес.

● But, Jimmy, the problem – I mean, look, I'm for it. But look, we have

people coming into our country that are looking to do tremendous *harm*. You look at the two – look at *Paris*. Look at what happened in Paris. I mean, these people, they did not come from *Sweden, okay? Look at what happened in Paris. Look at what happened last week in California, with, you know, 14 people *dead*. Other people going to die, they're so badly *injured*. And what I wanna do is find out what it – you know, you can't solve a problem until you find out what's the root *cause*. And I wanna find out, what is the problem, what's *going on*. And, it's temporary. I've had so many people call me and say *thank you*. Now, if you remember, when I did that a week ago it was like *bedlam*. All of a sudden – and you watch last night, and you see people *talking*. They said, “Well, Trump has a *point*. We have to get down to the *problem*”. The people that are friends of mine that called to say, “Donald, you have done us a tremendous *service*”. Because we do have a problem, and we have to find out what is the...*

В первую очередь, данный отрывок имеет смысл рассмотреть с точки зрения фоностилистики – раздела стилистики, где изучаются экспрессивные свойства произносительных вариантов слов и словосочетаний [3, с. 499]. Так, журналистами был проведен занимательный анализ общего слухового восприятия ответа Трампа [11]. Он состоит из 220 слов, из которых 172 (или 78%) – односложные (*look, harm, dead, die, cause* и т.д.), а 72 (или 17%) – двусложные (*problem, happened, injured* и т.д.). Только 2 слова содержат 3 слога (*tremendous, remember*), при этом прилагательное *tremendous* повторяется трижды. Также только 2 слова

содержат 4 слога (*temporary, California*). В результате преобладание односложных и двусложных слов с ударным закрытым слогом, таких как *dead, cause, problem, injured, bedlam*, придают речи особую ритмическую организацию, делая ее, как упоминалось ранее, отрывистой и динамичной. Кроме того, именно те же самые ключевые слова завершают предложение и выделяются в речи Трампа дополнительными интонационными средствами, например, замедлением темпа или высоким нисходящим тоном.

Что же касается стилистической организации ответа в целом, здесь вновь преобладают такие риторические элементы, как парцелляция и синтаксический параллелизм (*Look at what happened; I mean, And (what) I wanna (do is) find out; and you watch ... and you see*), а также лексический повтор (местоимение *you* повторяется 10 раз, а существительное *problem* – 5). Кроме того, использование большого количества выражений неформального стиля (*I mean, look, Im for it, okay, I wanna, you know*) делает речь Трампа простой и дружеской, как если бы он обращался к своему хорошему другу.

Таким образом, Дональд Трамп прибегает к одним и тем же эффективным риторическим средствам, которые оказывают наибольшее воздействие на слушателей. Среди лингвостилистических особенностей его политической риторики можно отметить, прежде всего, неформальную лексику, парцелляцию, синтаксический и лексический повтор, а также отрывистый ритм, созданный преобладанием односложных и двусложных слов. Издание *The Boston*

Globe отмечает, что язык Трампа соответствует уровню четвероклассников, а *The New York Times* сравнивает его с языком «Приключений Гекльберри Финна» Марка Твена и сказок Ханса Кристиана Андерсона [12; 13]. Однако именно простота изложения и есть основной риторический прием Дональда Трампа, в результате использования которого его «языковой образ» оказался более понятным и убедительным рядовым американцам и принес победу на президентских выборах.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Юдина, Т.В. Дискурсивное пространство политической речи [Текст] / Т.В. Юдина // Актуальные проблемы теории коммуникации. – СПб.: Изд-во СПбГПУ, 2004 – С. 172-185.
2. Попова, Т.Г. Политический текст и его лексические особенности [Текст] / Т.Г. Попова, Н.В. Таратынова // Rhema. Рема. – М.: МПГУ, 2012. – Вып. 3 – С. 90-97 [Электронный ресурс]. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/politicheskiiy-tekst-i-ego-leksicheskie-osobennosti> (дата обращения: 24.01.2017).
3. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов [Текст] / О.С. Ахманова. – М.: Советская Энциклопедия, 1966. – 607 с.
4. Аннушкин, В.И. Политика как искусство речи и политическая риторика [Текст] / В.И. Аннушкин [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.portal-slovo.ru/philology/44541.php> (дата обращения: 24.01.2017)
5. Хазагеров, Г.Г. Политическая риторика [Текст] / Г.Г. Хазагеров. – М.: Никколо-Медиа, 2002. – 313 с.
6. Дечева, С.В. Когнитивная синтаксика [Текст] / С.В. Дечева. – М.: Диалог-МГУ, 1998. – 214 с.
7. Think Progress [Электронный ресурс]. – URL: <https://thinkprogress.org/donald-trump-may-sound-like-a-clown-but-he-is-a-rhetoric-pro-like-cicero-ac40fd1cda79#.xkxnf06sh> (дата обращения: 24.01.2017).

8. *Trump, Donald*. The Art of the Deal [Текст] / Donald Trump, Tony Schwartz. – Random House, 1987. – 372 p.
9. *Александрова, О.В.* Проблемы экспрессивного синтаксиса (на материале английского языка): Учебное пособие [Текст] / О.В. Александрова. – М.: URSS, 2009. – 216 с.
10. Literary Devices [Электронный ресурс]. – URL: <https://literarydevices.net/paralipsis/> (дата обращения: 24.01.2017).
11. The Street [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.thestreet.com/story/13418003/1/the-smart-stupid-way-donald-trump-talks.html> (дата обращения: 24.01.2017).
12. The Boston Globe [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.bostonglobe.com/news/politics/2015/10/20/donald-trump-and-ben-carson-speak-grade-school-level-that-today-voters-can-quickly-grasp/LUCBY6uwQAXiLvXbVTSUN/story.html> (дата обращения: 24.01.2017).
13. The New York Times [Электронный ресурс]. – URL: https://www.nytimes.com/interactive/2015/10/28/upshot/matching-candidates-with-the-books-they-sound-like.html?_r=1 (дата обращения: 24.01.2017).
4. Decheva S.V., *Kognitivnaja sillabika*, Moscow, Dialog-MGU, 1998, 214 p. (in Russian)
5. Judina T.V., “Diskursivnoe prostranstvo politicheskoi rechi”, in: *Aktualnye problemy teorii kommunikacii*, St. Petersburg, 2004, pp.172-185. (in Russian)
6. Khazagerov G.G., *Politicheskaja ritorika*, Moscow, Nikkolo-Media, 2002, 313 p. (in Russian)
7. *Literary Devices*, available at: <https://literarydevices.net/paralipsis/> (accessed: 24.01.2017).
8. Popova T. G., Taratynova N.V., Politicheskij tekst i ego leksicheskie osobennosti, *Rhema. Rema*, 2012, No. 3, pp. 90-97, available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/politicheskij-tekst-i-ego-leksicheskie-osobennosti> (accessed: 24.01.2017). (in Russian)
9. *The Boston Globe*, available at: <https://www.bostonglobe.com/news/politics/2015/10/20/donald-trump-and-ben-carson-speak-grade-school-level-that-today-voters-can-quickly-grasp/LUCBY6uwQAXiLvXbVTSUN/story.html> (accessed: 24.01.2017).
10. *The New York Times*, available at: https://www.nytimes.com/interactive/2015/10/28/upshot/matching-candidates-with-the-books-they-sound-like.html?_r=1 (accessed: 24.01.2017).
11. *The Street*, available at: <https://www.thestreet.com/story/13418003/1/the-smart-stupid-way-donald-trump-talks.html> (accessed: 24.01.2017).
12. *Think Progress*, available at: <https://thinkprogress.org/donald-trump-may-sound-like-a-clown-but-he-is-a-rhetoric-pro-like-cicero-ac40fd1cda79#.xkxnf06sh> (accessed: 24.01.2017).
13. Trump Donald, Schwartz Tony, *The Art of the Deal*, Random House, 1987, 372 p.

REFERENCES

1. Akhmanova O.S., *Slovar lingvisticheskikh terminov*, Moscow, Sovetskaja Enciklopedija, 1966, 607 p. (in Russian)
2. Aleksandrova O.V., Problemy ekspressivnogo sintaksisa (na materiale anglijskogo jazyka): Uchebnoe posobie, Moscow, 2009. 216 p. (in Russian)
3. Annushkin V.I., *Politika kak iskusstvo rechi i politicheskaja ritorika*, available at: <http://www.portal-slovo.ru/philology/44541.php> (accessed: 24.01.2017). (in Russian)

Корецкая Ольга Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, кафедра английского языка, механико-математический факультет, кафедра международной коммуникации, факультет мировой политики, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, ok0807@yandex.ru

Koretskaya O.V., PhD in Philology, Associate Professor, English Language Department, Faculty of Mechanics and Mathematics, International Communication Department, Faculty of World Politics, Lomonosov Moscow State University, ok0807@yandex.ru

ПОНЯТИЕ «МЕДИАСЛОВЕСНОСТЬ» И АКТУАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ

Я.В. Солдаткина

Аннотация. В статье анализируются актуальные тенденции в современной литературе и медиaprостранстве, обусловленные технологическими инновациями, с одной стороны, и развитием синкретических форм художественного творчества – с другой. Выдвигается гипотеза, согласно которой в современной культуре можно выделить сферу медиасловесности, которая будет включать в себя обширный круг вербально-невербальных, аудиовизуальных художественных текстов разных жанров и типов, распространяющихся посредством медиаканалов и обладающих набором характерных дифференциальных признаков: нелинейной структурой, диалогичностью (интерактивностью), установкой на создание образа динамической, становящейся действительности. Основной научный вывод статьи: сфера медиасловесности объединяет пограничные художественные явления литературы, журналистики, рецептивных читательских практик, которые имеют сложную формально-содержательную природу и требуют для своего исследования обновления научной методологии современной гуманитаристики.

Ключевые слова: медиасловесность, современная культура, художественный синкретизм, сетература, мультимедиа, медиатекст, фанфикшн.

THE CONCEPT OF "INTERMEDIA ART" AND CURRENT PROCESSES IN THE CONTEMPORARY CULTURE

Ya.V. Soldatkina

Abstract. The article analyses current tendencies in the contemporary literature and media-space determined by technological innovations as well as development of syncretic artistic creation. The author formulates a hypothesis about the possibility to single out the sphere of intermedia arts, which encompasses a wide range of verbal and non-verbal, audiovisual literary texts of different genres and types transmitted via media. They are characterized by a number of distinguishing features, namely, non-linear structure, interactivity, creation of an image of dynamic reality as a purpose.

The main scientific conclusion is as follows: the sphere of intermedia art comprises multidimensional complex phenomena of literature, journalism and receptive reading techniques, with their research requiring updated scientific methodology of humanities.

Keywords: *intermedia art, contemporary culture, artistic syncretism, electronic literature, multimedia, media text, fan fiction.*

Основные экстралитературные факторы, активно влияющие на место и функции художественной словесности и формирующие культурную среду, связаны с бурным развитием сложных мультимедийных технологий, возникновением новых цифровых каналов передачи информации и новых типов электронных носителей, которые не только вынуждают трансформировать исходные словесные тексты с учетом требований новой виртуальной реальности (мобильность, краткость, фрагментарность, диалоговость, иллюстративность), но и кардинальным образом меняют саму культуру чтения [1], а, вслед за ней, и культуру письма [2].

По мнению автора данной статьи, технологический скачок, приведший к пересмотру той социокультурной роли, которую играет печатная книга, печатные СМИ (и вообще любые так называемые «традиционные» виды словесности, не поддерживающие, на первый взгляд, современные требования интерактивности, динамизма, мультимедийности, не ориентированные на «клиповое сознание»), из обстоятельства, оказывающего значительное, но механическое воздействие на сферу словесности, может и должен быть рассмотрен в аспекте реализации имманентно присущей культуре установ-

ки на многопрофильное, синкретическое отражение динамически развивающегося, нелинейного мира [3]. Оговоримся, что ряд современных философов и культурологов сопрягает новую «технологическую эру» в словесности с распространением философии постмодернизма, относя, таким образом, все формальные поиски и все тексты, ориентированные на использование мультимедийных возможностей и медийных свойств, к постмодернистской художественной парадигме [4; 5]. Подобный подход представляется методологически неверным, поскольку он приводит к существенному упрощению проблемы, игнорирует непостмодернистскую природу многих синкретичных современных художественных феноменов (от творчества М.П. Шишкина и Е.Г. Водолазкина до постановок Театра.doc и опытов визуальной и сетевой поэзии), а также не учитывает многовековую эволюцию диалоговых и синкретических тенденций в словесности. Соответственно, современная гуманитаристика сталкивается с необходимостью не только включить в сферу изучения огромный комплекс относительно недавно возникших синкретичных медийных (многосредовых) текстов, созданных с учетом технологических инноваций, с оглядкой на «мультимедийность», «интерактивность» и даже «клиповое

сознание», но также установить предметственные связи между «высокотехнологичными» текстами и словесными текстами, использующими отдельные формальные указанные выше медийные приемы, с одной стороны, и прамедийными феноменами, с другой. Не менее острой является, по нашему мнению, и проблема формирования и развития понятийного аппарата [6], определение адекватной явлению терминологии, которая отражала бы те специфические характеристики и свойства современной словесности, которые одновременно и находятся в прямой зависимости от современных технологических находок и каналов распространения информации, и отражают динамический и диалогический тип художественного мышления, присущие словесному творчеству с древнейших времен.

Прежде всего, в этом отношении возникает вопрос о применимости медиатерминов и понятий к литературе, существующей в современной медиасреде и развивающейся по законам медиапространства (термин И.М. Дзялошинского). В частности, знаменитый девиз М. Маклюэна “the medium is the message” [7] вполне относим и к литературе и сдвигает исследовательский фокус в сторону пристального внимания к формальным трансформациям и поискам новых коммуникационных каналов [8], которые могли бы быть продуктивно использованы литературой эпохи «галактики Гуттенберга». Дополнительные значения в интерпретации этого типа художественного искусства вносит понятие “intermedia art” (интермедийность), в котором подчеркивается синтетический принцип

(сочетание нескольких сред, синкретизм (многосредовость, медийность) – как основа создания художественного произведения. Хотя само возникновение синкретизма в искусстве имеет еще античные корни [9], в новейшее время термин “intermedia art” заново вводится поэтом, издателем и художественным экспериментатором Диком Хиггинсом [10] применительно к искусству, соединяющему разные виды и роды художественного творчества в современной медиасреде. Он же подчеркивает необходимость разработки специальной теории нового искусства (Theory of the New Arts [11]).

В отечественном литературоведении на рубеже нового века в трудах Л.А. Левиной возникает термин «медиясловесность», который исследовательница применяет для описания интермедийного искусства (в понимании Хиггинса), в частности, авторской песни, совмещающей в себе музыкальное сопровождение, звучащий (устный) текст и авторские особенности его воспроизведения (авторскую манеру исполнения), поскольку обращение к аудио- и видеозаписям сделало возможным передачу интермедийных текстов не через печатные, а через аудиовизуальные каналы: «Художественный текст отныне реализуется как событие не только вербальное, и даже не только аудиовизуальное, но и – в пределе – как кинестетическое и тактильное. Благодаря аудио- и видеозаписи, стало возможным восприятие произведения в неразрывной связи с личностью автора: с его обликом, интонацией, мимикой, жестами, а также с его взглядами, размышлениями, биографическими подробностями» [12, с. 15]. Специфи-

ка предмета изучения – авторская песня советского периода – понуждает исследовательницу сделать акцент именно на звуковом аспекте интермедийного искусства. Определение медиасловесности у Левиной восходит к традиции трактовать словесность именно как набор устных текстов и устное творчество, по этому признаку противопоставленное письменной литературе. Поэтому, несмотря на апелляцию к термину «медиаатексты», Левина сужает фокус исследовательского внимания исключительно до текстов «произнесенных»: «Под медиасловесностью понимается совокупность медиаатекстов – обладающих художественной ценностью произведений, сохраняемых с помощью современных носителей информации (или даже в специфической электронной среде – например, в сети Интернет), не только в виде вербального текста, но в единстве конституирующих художественное и смысловое целое аудиовизуальных компонентов (каналов коммуникации), характерных для устной речи» [12, с. 6-7]. Представляется, что семантика термина «медиасловесность» на данном этапе развития гуманитаристики значительно шире и способна отразить более существенный круг явлений современной культуры, объединенных рядом общих дифференциальных признаков, в первую очередь – принадлежностью к универсуму текстов («Тексту» в семиотической интерпретации), установкой на нелинейное, медийное (многосредовое) отображение реальности и использованием медиаформ и медиаканалов коммуникации.

По мнению автора данной статьи, сфера медиасловесности потен-

циально включает в себя всю совокупность художественных текстов, а) обладающих синкретичной природой (сочетающих вербально-невербальные, аудиовизуальные, словесно-графические и другие полигенетические (многосредовые) содержательно-формальные компоненты); б) рассчитанных на создание образа динамической, становящейся, перманентно изменчивой действительности; в) ориентированных на диалог с реципиентом и его активную когнитивную деятельность, направленную на выявление многозначной семантики текста и возможную разноформатную его рецепцию; г) тиражируемых посредством технологических каналов передачи информации (как правило, цифровых (дигитальных) и сетевых, но не исключая и аналоговых, а также традиционных «печатных»).

Исходя из вышесказанного, необходимо специально подчеркнуть: не каждый текст, опубликованный в сети Интернет, будет обладать качествами медиасловесного искусства и относиться к сфере медиасловесности (то есть, по нашему мнению, соблюдения одного условия тиражирования через медиаканалы недостаточно для атрибутирования текста как обладающего набором медийных качеств). В частности, все еще существующие, несмотря на усилия борцов с нелегальным контентом, электронные библиотеки фактом публикации в сети поэзии и прозы русских классиков не сообщают этим произведениям интермедийные свойства. С другой стороны, обратим внимание на то, что интермедийные (точнее, прамедийные, по нашей терминологии) свойства словесности про-

являлись задолго до возникновения «галактики Гуттенберга», но технологический прорыв Нового времени качественно улучшил каналы сохранения и распространения информации, принципиально расширив аудиторию и, соответственно, посреднические («медиа») функции художественного текста.

С исторической точки зрения, можем наблюдать постоянное обновление, периодическую актуализацию и рост популярности синкретичных видов искусств, а также использование интермедийных приемов для динамического отражения становящейся действительности. Помимо театрального искусства, синтетического по самой своей сути, можно указать, как это делает А.В. Нестеров в своей монографии «Колесо фортуны. Репрезентация человека и мира в английской культуре начала Нового века», на комплексной, словесно-визуальной, осложненный звуковыми и тактильными отсылками образ вселенной в печатной книжной культуре эпохи Возрождения [13], на синтез искусств и стремление к нелинейному построению повествования в творчестве европейских романтиков. Тенденции подобного рода нарастают в культуре эпохи модернизма и в авангардном искусстве, в частности, в России они в полной мере реализуются в прозе Б.А. Пильняка с ее аудиовизуальными и графическими эффектами и формальными экспериментами. В любом случае, современное интермедийное искусство является не только и не столько порождением инновационных технологий, но во многом наследует художественным поискам предшествующих эпох.

Современный этап развития медиасловесности – цифровой и / или сетевой – характеризуется расширением не только каналов тиражирования, но и многообразием коммуникационных форм рецепции, облегчением диалога (интерактива) автора с аудиторией, созданием принципиально не замкнутых, постоянно обновляющихся текстов разной степени художественности, отражающих изменчивость бытия, нелинейность мироустройства и, соответственно, медиасловесного искусства как одной из форм мимесиса. В силу этого медиасловесное искусство неоднородно, оно сочетает в себе как классические «словесные» тексты, так и «тексты» в семиотической трактовке этого понятия, только опосредованно связанные со словесной культурой (в частности, многочисленные современные сетевые мемы литературной и общекультурной тематики). Более того, как совершенно справедливо указала Левина, медиасловесность позволяет транслировать по коммуникационным каналам не только вербальный или аудиовизуальный текст, но и авторскую манеру его подачи, а также тиражировать специально создаваемый образ автора и / или исполнителя произведения, что в итоге приводит, в противовес постмодернистской категории «смерти автора», к созданию дополняющего художественные тексты смыслового поля, условно обозначаемого как «медиаобраз автора», – категория, отражающая как профессиональное и читательское восприятие писателя в современной медиакulturе (появление пабликов и мемов, посвященных популярным произведениям и отечественным и зарубежным авторам (в русском сег-

менте Интернета это И.А. Бродский, С.А. Есенин, С.Д. Довлатов (по материалам [14; 15]), так и, что представляется не менее актуальным, результат целенаправленных усилий писателя по формированию собственного имиджа в медиaprостранстве посредством интервью, ведения блогов и страниц в социальных сетях, публикаций публицистического толка, участия в культурных мероприятиях и политических акциях и других элементов, близких к пиару и «брендингу». В реалиях современного медиaprостранства смысловые поля такого рода неотделимы от собственно творческой деятельности и оказывают воздействие на восприятие и интерпретацию художественных текстов.

Многообразие составляющих сферу медиасловесности феноменов пока препятствует созданию четких классификаций типов и видов медиасловесных текстов, но мы обозначим основные и наиболее активно развивающиеся, на наш взгляд, направления в медиасловесном искусстве, обусловленные как особенностями коммуникационного канала, так и адресацией и аудиторией.

Значительную группу медиасловесных художественных текстов составляют произведения, основанные на синтезе вербальных и аудиовизуальных форм, находящиеся на стыке литературного искусства и музыки (рок-поэзия, рэп-поэзия), театра (видеопоезия, саунд-поэзия). Для большинства текстов такого типа, помимо художественного синтеза и использования медиаканалов распространения, семантическими признаками будет также обладать авторская манера исполнения и «имидж», медиаобраз автора.

С одной стороны, в указанной группе можем выделить массив медиасловесных текстов, связанных с музыкальным сопровождением и музыкальной и эстрадной культурой (авторская песня, рок-поэзия, рэп-поэзия), предназначенных для живого исполнения перед публикой и тиражируемых посредством профессиональных (в идеале) аудио- и видеозаписей. С другой стороны, нам необходимо подчеркнуть существование огромного пласта медиapoэзии – современной поэзии, применяющей цифровые технологии для создания оригинальных формально-содержательных структур [16] и, соответственно, распространяющейся преимущественно по цифровым и аналоговым каналам (а не в «живой» / «устной» форме). Тексты рассматриваемой группы отличает яркая художественная составляющая, повышенная значимость формальных экспериментов.

Другую обширную группу в пространстве медиасловесности составляют тексты, в основе своей вербальные (словесные), но наделенные формальными и содержательными компонентами, характерными для современной цифровой и сетевой культуры. В частности, речь идет о феномене сетературы, то есть о такой литературе, которая создана специально для размещения в сети Интернет с учетом технологических и семантических особенностей сетевых площадок. Прочитируем бельгийского исследователя В. Схелтйенса, специально для электронного журнала «Сетевая словесность» сформулировавшего рабочее определение сетературы: «...в узком смысле этого слова, под термином „Сетература“

понимаются те произведения, которые возникли в Интернете, благодаря его специфическим и характерным возможностям... Именно поэтому эти произведения невозможно переместить на традиционный носитель литературы, то есть на бумагу, потому что при этом и особенный характер, и образ произведения сильно разрушаются, и произведение вообще обесценивается» [17]. Это могут быть образцы голографической поэзии, 3D- и 4D-поэзии, твиттер-романы [18] и литературные иллюстрированные записи в блогах (блог Славы Сэ (<http://pesen-net.livejournal.com/>), записи по тэгу «Ефросинья» в блоге Ольги Арефьевой <http://olga-arefieva.livejournal.com/> (книга «Смерть и приключения Ефросиньи Прекрасной»)). Но мы должны особо оговорить наметившуюся тенденцию – писатели-блогеры, приобретающие известность благодаря сетевым публикациям, достаточно успешно переходят в разряд «традиционных писателей» – обладателей обычных «книжных публикаций» (Д. Глуховский, П. Бормор, Р. Шмараков и др.), в которых сетевые тексты лишаются признаков интерактивности, нелинейности и изменчивости, но обретают более прочный литературный статус. Подобные примеры показывают, что граница между сетевой литературой как сферой медиасловесного творчества – и традиционной литературой достаточно условна, что также отражает динамизм современной культуры и художественного сознания.

Не можем не упомянуть в этой связи и примеры «традиционных» современных литературных текстов, в которых на формально-содержательном уровне отражается современная

медиареальность. Эти тексты свидетельствуют о тесном взаимодействии и, можно предположить, взаимовлиянии медиасловесности как специфического типа мимесиса – и современной литературы, о восприятии литературой и приемов, и художественных принципов медиасловесности. В частности, ряд постмодернистских текстов обладает медиасловесными чертами (например, в романе В. Пелевина «Т» основой для сюжета и характеристик персонажей является схема компьютерной игры-квеста). Но, как уже подчеркивалось, сфера медиасловесности не связана напрямую с культурой постмодернизма. И в этом отношении необходимо указать на элементы «клипового сознания», присущие прозе М.П. Шишкина, нелинейные и синкретичные черты в романе М. Петросян «Дом, в котором...», а также такие конструктивные элементы поэтики романной прозы Е.Г. Водолазкина, как принципиальную фрагментарность, диалоговость, смену ракурсов повествования и чередование разнородных повествовательных элементов. По мнению автора данной статьи, произведения названных авторов относятся не к постмодернистской, а к неомодернистской художественной парадигме и при этом могут быть рассмотрены и проанализированы как часть медиасловесного искусства.

Третий значительной частью сферы медиасловесности становятся тексты, связанные с некритической рецепцией художественных произведений и интерпретацией их другими видами искусств и сетевым сообществом. Некритическая рецепция включает в себя разножанровые читательские отклики, существующие

как в сети Интернет, так и в реальном пространстве. Поясним: имеем в виду как непрофессиональные отзывы о произведениях, размещаемые на соответствующих сетевых ресурсах (например, на портале «Афиша» <https://www.afisha.ru/book/>) и использующие для передачи впечатления эмодзи и «лайки» и другие сетевые символы, так и более масштабные проекты: фанатские сайты и группы в социальных сетях, посвященные популярным литературным произведениям (прежде всего, саге Дж. Толкина «Властелин колец», поттериане, произведениям Дж. Остин, А. Дюма и др.), создание фанфиков (Fanfic, фанфикшн) – фанатских текстов, основанных на читательской интерпретации сюжетов популярных произведений (подробнее о фанфиках [19]), подборок иллюстраций, пояснений и каталогов к любимым произведениям, а также проведение в реальной действительности ролевых игр по мотивам сюжетов произведений, создание для них сценариев, видеозаписей, распространяемых в сети (и представляющих собой, таким образом, варианты интерпретаций и даже экранизаций). Для примера приведем пост из сообщества по роману М. Петросян «Дом, в котором...» социальной сети «ВКонтакте»: «Приветствую. Создаётся беседа, как вы уже поняли, по мотивам книги, со всеми известными нам персонажами. Полуролевое общение. Не требуется 100% канона, можно немного внести чего-то своего, ведь не все мы прирожденные актеры. Но не стоит забывать и об уважении, тем более к вожакам» [20]. Данные примеры не только свидетельствуют наличии интереса к чтению и

обсуждению прочитанного у современной молодежи, но и указывают на принципиальный вектор взаимодействия традиционной литературы и медиасловесности: в сетевой среде литературное произведение обретает качества интерактивности, принципиальной незавершенности (каждый может добавить свою версию), нелинейности и динамической подвижности. Безусловно, непрофессиональные фанатские тексты в большинстве своем не входят в поле серьезной словесности, но они представляют собой интерес и социологический, и даже отчасти литературоведческий, поскольку отражают ведущие культурные тренды. Справедливости ради отметим, что и классическая литература на протяжении всей своей истории заимствовала и многожды интерпретировала «бродячие» и «чужие» сюжеты, позволяя авторам «пересказывать» их в соответствии с новыми литературными веяниями. Думается, современные цифровые технологии во многом расширили коммуникационные каналы и «втянули» в литературную среду, пусть и непрофессиональную, большие читательские массы.

Отметим попутно, что современные медиаканалы начинают продуктивно использоваться и для пропаганды чтения, для преодоления оппозиции «традиционная» vs «инновационная» культура. В частности, упомянем сетевую моду на создание буктрейлеров – видеороликов, имитирующих рекламу литературных произведений (<http://www.booktrailers.ru/>); проект «Война и мир» (<http://voinaimir.com/info/>), посвященный роману-эпопее Л.Н. Толстого и содержащий интерактивные схемы системы персона-

жей романа, инфографику боевых эпизодов, соотносительные таблицы между реальной историей и событиями романа, разработанный также и в качестве «инновационного приложения для чтения» «Живые страницы» для чтения романа с мобильных устройств (<http://time2read.ru/>).

Таким образом, можем констатировать, что феномен медиасловесности позволяет говорить о востребованности «традиционной литературы» и о тяге к литературному творчеству у достаточно репрезентативной группы современных пользователей сети. Сфера медиасловесности объединяет в себе тексты разных жанров, типов и групп, частично пересекаясь с полем «традиционной литературы», но и превосходя это поле за счет дополнительных текстов, порожденных современной культурой с ее новыми коммуникационными каналами и инновационными технологиями.

В этой связи представляется необходимым прояснить соотношение между понятиями «медиасловесность» и «медиатекст». Последнее понятие достаточно активно применяется в современной гуманитаристике при исследовании СМИ и СМК, то есть, на данный момент, в научной практике связывается со сферой журналистики, а также – шире – рекламы, пиара, текстов социальных сетей. Многозначность термина «медиатекст» была проанализирована О.В. Красновой в работе «Текст и медиатекст: проблема дифференциации понятий»: «...нужно четко разграничить медиатекст как готовый медиапродукт и медиатекст как процесс текстуализации» [21, с. 94], что позволяет говорить о конкретных медиатекстах как о контенте СМИ и СМК, и о медиатексте

как об общности всех текстов, распространяющихся по медиаканалам и обладающих принципиальными для медиафеноменов свойствами (диалогичностью, нелинейностью, синкретизмом, обновляемостью и т.д.). Представляется научно значимым вывод О.В. Красновой, оперирующей семиотико-структуралистской трактовкой термина «Текст»: «в философском дискурсе понятие «медиатекст» функционально для осмысления медиареальности, в которой медиатекст является Текстом» [21, с. 94]. Для названного уровня медиатекста возможно использовать сочетание «глобальный медиатекст» по отношению ко всей совокупности разнородных и разножанровых текстов СМИ и СМК, а также самому процессу текстопорождения, перманентно происходящему в медиaprостранстве.

Следуя заявленному подходу, разграничим уровни взаимодействия «медиатекста» и сферы медиасловесности. На уровне контентном медиатексты, относящиеся к корпусу журналистских текстов (включающие полимедийные и мультимедийные / синтетические жанры (в терминологии Е.Л. Вартановой)), а также тексты из обширного массива социальных сетей (вербальных, невербальных, аудиовизуальных, в том числе интернет-мемов и иных синкретичных культурных единиц) – могут быть причислены к сфере медиасловесности, если они отвечают критерию «художественности», то есть информативно не только их содержание, но и их форма. В контексте медиасловесности могут быть проанализированы содержащие художественные компоненты журналистские тексты новых медиа, видео-

блоги, видеоканалы, публицистические сетевые колонки, тревел-впечатления, рецензии и обзоры от блогеров, журналистов, деятелей культуры. С другой стороны, как и в случае с «традиционной литературой», ряд журналистских текстов «традиционных СМИ», обладающих набором медийных свойств (динамичностью, диалогичностью, синкретизмом и др.), аналогичным образом могут быть отнесены к сфере медиасловесности.

Говоря о «глобальном медиатексте», отметим, что это всеобъемлющее явление (подобное ноосфере В.И. Вернадского) состоит из бесчисленного количества текстов, как лишенных качества «художественности» (напр., классический «новостной текст»), так и наделенных им. И в этом отношении глобальный медиатекст и сфера медиасловесности, по нашей гипотезе, представляют собой пересекающиеся множества, не равные друг другу и не исчерпывающие друг друга. Тем самым медиасловесность иллюстрирует процесс стирания жанровых и родовых границ, свидетельствующий об эволюции современной словесности как системы, для которой в целом уже не релевантно деление на «традиционные» и «цифровые» искусства, на «литературное» и «журналистское» слово, но более адекватными становятся классификации по формально-содержательным признакам, выполняемым функциям и целевой аудитории.

Подводя итоги всему вышесказанному, резюмируем: сфера медиасловесности представляет собой динамический феномен, отражающий наиболее актуальные для современной культуры тенденции к синтезу

форм, обогащению поэтики за счет использования технологических достижений, установки на диалогичность и нелинейное отражение действительности, соответствующее восприятию мира как становящейся, обновляемой и развивающейся области личностной активности, потенциально предоставляющей каждому возможности для творческой самореализации. Как показало наше исследование, медиасловесность объединяет в себе многопрофильный спектр явлений различной генетической природы (литературы, журналистики, рецептивных читательских практик) на основании общности их формально-содержательных свойств, художественных функций, а также медиаканалов их тиражирования, — представляется нам принципиальным выводом, касающимся современного понимания категориальных признаков словесности как творческой деятельности и предмета изучения гуманитаристики.

В силу этого современная филологическая наука обращается к междисциплинарным методологиям, требующим от ученого познаний как литературоведческого и лингвистического, так и медиалогического, социологического, и даже, возможно, если речь идет об аудиовизуальных текстах, музыковедческого или искусствоведческого плана. Это, безусловно, нарушает привычные научные классификации и представления о профессиональных компетенциях, но современное искусство и сфера медиасловесности как очень значимая его часть для адекватной научной интерпретации нуждается в комплексном подходе, позволяющем анализировать синтетические фено-

мены во всей их семантической полноте, без игнорирования, например, музыкально-мелодической стороны рок-поэзии или интерактивной составляющей текста новых медиа. Применение в научном дискурсе понятия «медиасловесность» и связанных с ним художественных категорий, выявляющих особенности современных текстов, распространяемых по медиаканалам, позволяет более четко определять научную проблематику и методологическую базу, необходимую для изучения современных культурных явлений.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Как воспринимает человеческий мозг информацию в digital media и печатных изданиях [Текст] // PlanetaSMI [Электронный ресурс]. – URL: <http://planetasmi.ru/izdatelskij-biznes/45610-kak-vosprinimaet-chelovecheskij-mozg-informatsiyu-v-digital-media-i-pechatnykh-izdaniyakh> (дата обращения: 09.10.2016).
2. Щербинина, Ю.В. Время библиоскопов. Современность в зеркале книжной культуры [Текст] / Ю.В. Щербинина. – М.: Форум, Неолит, 2016. – 416 с.
3. Солдаткина, Я.В. Современная словесность: актуальные тенденции в русской литературе и журналистике [Текст] / Я.В. Солдаткина. – М.: МПГУ, 2015. – С. 132-142.
4. Деникин, А.А. Мультимедиа и искусство: от мифов к реалиям [Текст] / А.А. Деникин // Художественная культура. – 2013. – № 6 [Электронный ресурс]. – URL: <http://sias.ru/magazine/vypusk-6-2013/yazyki/843.html#14> (дата обращения: 09.10.2016).
5. Елинер, И.Г. Мультимедийная культура, искусство и творчество [Текст] / И.Г. Елинер // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. – 2013. – № 6. – С. 35-37.
6. Uffelman, D. The Issue of Genre in Digital Memory: What Literary Studies Can Offer to Internet and Memory Culture Research [Text] / D. Uffelman // Digital Icons: Studies in Russian, Eurasian and Central European. New Media. – 2014. – No. 12. – pp. 1-24.
7. McLuhan, H.M. Understanding Media: The Extensions of Man [Text] / H.M. McLuhan. – New York: Mentor, 1964. – 318 p.
8. Шилина, М.Г. Медиакоммуникация: тенденции трансформации. Новые парадигмы исследований массовых коммуникаций [Текст] / М.Г. Шилина // Медиаскоп. – 2009. – № 3 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.mediascope.ru/node/404> (дата обращения: 09.10.2016).
9. Лосев, А.Ф. Античный космос и современная наука [Текст] // Лосев А.Ф. Бытие – имя – космос. – М.: Мысль, 1993. – С. 61-612.
10. Higgins, D. Intermedia [Text] / D. Higgins // The Something Else Press Newsletter. – 1966. – Volume 1. – Number 1. – February.
11. Higgins, D. A Dialectic of Centuries: Notes Towards a Theory of the New Arts [Текст] / D. Higgins. – New York, Printed Editions, 1978. – 178 p.
12. Левина, Л.А. Авторская песня как явление русской поэзии второй половины XX века. Эстетика. Поэтика. Жанры: Автореферат дис. ... д-ра философ. наук [Текст] / Л.А. Левина. – М., 2006. – 44 с.
13. Нестеров, А.В. Колесо фортуны. Репрезентация человека и мира в английской культуре начала Нового века [Текст] / А.В. Нестеров. – М.: Прогресс-Традиция, 2015. – 616 с.
14. Савинов, К. Ревизия «ВКонтакте»: интеллектуальные паблики [Текст] / К. Савинов, Д. Борисенко // Портал W-O-S [Электронный ресурс]: URL: <http://w-o-s.ru/article/2612> (дата обращения: 09.10.2016).
15. Паблики «ВКонтакте»: пять пабликов о литературе [Текст] // Портал BEIN [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.be-in.ru/review/31252-pyat-publikov-o-literature/> (дата обращения: 09.10.2016).
16. Иванова, М. К вопросу о современной поэзии в контексте развития информационных технологий [Текст] / М. Иванова, М. Родин // ЛитФронт [Электронный ресурс]. – URL: <http://litfront.ru/modern-poetry.html> (дата обращения: 27.09.2016).

17. Схелтйенс, В. Сетература: новое литературное движение? [Текст] / В. Схелтйенс // Сетевая словесность [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.netslova.ru/teoriya/werner.html> (дата обращения: 09.10.2016).
18. Мирошниченко, А. Твиттер-литература – наслаждайся кусочками [Текст] / А. Мирошниченко // Colta.ru [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.colta.ru/articles/literature/3530> (дата обращения: 09.10.2016).
19. Попова, Н.А. Освобожденный читатель [Текст] / Н.А. Попова // Литература [Электронный ресурс]. – URL: http://literatura.org/issue_criticism/1222-natalya-porova-osvobodzhenny-chitatel.html (дата обращения 09.10.2016).
20. Пост в сообществе «Дом, в котором...» [Текст] // Паблик «Дом, в котором...» (книга) [Электронный ресурс]. – URL: http://vk.com/public.php_dom_v_kotorom?w=wall-44709556_94068 (дата обращения: 09.10.2016).
21. Краснаярова, О.В. Текст и медиатекст: проблема дифференциации понятий [Текст] / О.В. Краснаярова // Вопросы теории и практики журналистики. – 2015. – № 4. – Том 1. – С. 85-100.
6. Uffelmann D., The Issue of Genre in Digital Memory: What Literary Studies Can Offer to Internet and Memory Culture Research, *Digital Icons: Studies in Russian, Eurasian and Central European New Media*, 2014, No. 12, pp. 1-24.
7. McLuhan H.M., *Understanding Media: The Extensions of Man*, New York, Mentor, 1964, 318 p.
8. Shilina M.G., Mediakommunikacija: tendencii transformacii. Novye paradigmy issledovanij massovyh kommunikacij, *Mediascope*, 2009, No. 3, available at: <http://www.mediascope.ru/node/404> (accessed: 09.10.2016). (in Russian)
9. Losev A.F., "Antichnyj kosmos i sovremennaja nauka", in: Losev A.F., *Bytie – imja – kosmos*, Moscow, Mysl, 1993, pp. 61-612. (in Russian)
10. Higgins D., *Intermedia, The Something Else Press Newsletter*, Volume 1, Number 1, February 1966.
11. Higgins D., *A Dialectic of Centuries: Notes Towards a Theory of the New Arts*, New York, Printed Editions, 1978, 178 p.
12. Levina L.A., *Avtorskaja pesnja kak javlenie russkoj poezii vtoroj poloviny XX veka. Jestetika. Pojetika. Zhanry, Extended abstract of ScD dissertation (Philology)*, Moscow, 2006, 44 p. (in Russian)

REFERENCES

1. *Kak vosprinimaet chelovecheskij mozg informaciju v digital media i pechatnyh izdanijah*, available at: <http://planetasmi.ru/izdatelskij-biznes/45610-kak-vosprinimaet-chelovecheskij-mozg-informatsiyu-v-digital-media-i-pechatnykh-izdaniyakh> (accessed: 09.10.2016). (in Russian)
2. Shherbinina Yu.V., *Vremja biblioskopov. Sovremennost v zerkale knizhnoj kultury* Moscow, Forum, Neolit, 2016, 416 p. (in Russian)
3. Soldatkina Ya.V., *Sovremennaja slovesnost: aktualnye tendencii v russkoj literature i zhurnalistike*, Moscow, 2015, pp. 132-142. (in Russian)
4. Denikin A.A., *Multimedia i iskusstvo: ot mifov k realijam, Hudozhestvennaja kultura*, 2013, No. 6, available at: <http://sias.ru/magazine/vypusk-6-2013/yazyki/843.html#14> (accessed: 09.10.2016). (in Russian)
5. Eliner I.G., *Multimedijnaja kultura, iskusstvo i tvorchestvo, Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta kultury i iskusstv*, 2013, No. 6, pp. 35-37. (in Russian)
6. Uffelmann D., The Issue of Genre in Digital Memory: What Literary Studies Can Offer to Internet and Memory Culture Research, *Digital Icons: Studies in Russian, Eurasian and Central European New Media*, 2014, No. 12, pp. 1-24.
7. McLuhan H.M., *Understanding Media: The Extensions of Man*, New York, Mentor, 1964, 318 p.
8. Shilina M.G., Mediakommunikacija: tendencii transformacii. Novye paradigmy issledovanij massovyh kommunikacij, *Mediascope*, 2009, No. 3, available at: <http://www.mediascope.ru/node/404> (accessed: 09.10.2016). (in Russian)
9. Losev A.F., "Antichnyj kosmos i sovremennaja nauka", in: Losev A.F., *Bytie – imja – kosmos*, Moscow, Mysl, 1993, pp. 61-612. (in Russian)
10. Higgins D., *Intermedia, The Something Else Press Newsletter*, Volume 1, Number 1, February 1966.
11. Higgins D., *A Dialectic of Centuries: Notes Towards a Theory of the New Arts*, New York, Printed Editions, 1978, 178 p.
12. Levina L.A., *Avtorskaja pesnja kak javlenie russkoj poezii vtoroj poloviny XX veka. Jestetika. Pojetika. Zhanry, Extended abstract of ScD dissertation (Philology)*, Moscow, 2006, 44 p. (in Russian)
13. Nesterov A.V., *Koleso fortuny. Reprezentacija cheloveka i mira v anglijskoj kulture nachala Novogo veka*, Moscow, Progress-Tradicija, 2015, 616 p. (in Russian)
14. Savinov K., Borisenko D., *Revizija "VKontakte": intellektualnye pabliki*, available at: <http://w-o-s.ru/article/2612> (accessed: 09.10.2016). (in Russian)
15. *Pabliki "VKontakte": pjat pablikov o literature*, available at: <http://www.be-in.ru/review/31252-pyat-pablikov-o-literature/> (accessed: 09.10.2016). (in Russian)
16. Ivanova M., Rodin M., *K voprosu o sovremennoj poezii v kontekste razvitiya informacionnyh tehnologij*, available at: URL: <http://litfront.ru/modern-poetry.html> (accessed: 27.09.2016) (in Russian)
17. Sheltjens V., *Seteratura: novoe literaturnoe dvizhenie*, available at: <http://www.netslova.ru/teoriya/werner.html> (accessed: 09.10.2016). (in Russian)

18. Miroshnichenko A., *Twitter-literatura – naslazhdajsja kusočkami*, available at: <http://www.colta.ru/articles/literature/3530> (accessed: 09.10.2016). (in Russian)
19. Popova N.A., *Osvobozhdenyj chitatel*, available at: http://litteratura.org/issue_criticism/1222-natalya-popova-osvobozhdenyy-chitatel.html (accessed: 09.10.2016). (in Russian)
20. Post v soobshhestve “Dom, v kotorom...”, available at: http://vk.com/public.php_dom_v_kotorom?w=wall-44709556_94068 (accessed: 09.10.2016). (in Russian)
21. Krasnojaroja O.V., *Tekst i mediatekst: problema differenciacii ponjatij, Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki*, 2015, No. 4, Vol. 1, pp. 85-100. (in Russian)

Солдаткина Янина Викторовна, доктор филологических наук, профессор, кафедра русской литературы Институт филологии, Московский педагогический государственный университет, jaseneva@yandex.ru

Soldatkina Ya.V., ScD in Philology, Professor, Russian Literature Department, Philology Institute, Moscow State University of Education, jaseneva@yandex.ru

УДК 82-1/-9
ББК 83.3(2РОС=РУЕ)6

БЛОГОЛИТЕРАТУРА КАК НОВАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ ФОРМА И ИЗДАТЕЛЬСКАЯ СТРАТЕГИЯ

Сарин Лина

Аннотация. В статье речь идет о блоголитературе как новой форме литературного процесса. Автор анализирует основные тенденции блоголитературы в сравнении с другими формами литературы, ее особенности, развитие и роль в медиaprостранстве. Автор доказывает, что блоголитература начинает активно публиковаться серьезными издательствами после того, как она добивается большого успеха в электронных СМИ и социальных сетях. Обзор художественных материалов на сайтах, посвященных блоголитературе, а также их печатные версии иллюстрируют ту трансформацию, которую претерпевает сетевой текст при дальнейших публикациях.

Ключевые слова: блоголитература, блоги в социальных сетях, жанры сетевой литературы, издательские стратегии.

BLOG LITERATURE AS A NEW LITERARY FORM AND PUBLISHING STRATEGY

Leena Sareen

369

Abstract. The article considers Blog-literature as a new form of literary process. The author analyzes main tendencies of blog-literature in comparison with other forms of literature, its specialties, development and present role in Media spaces. Subsequently the author describes that Blog literature is expanding its role in printing media after its great success in the media space on social sites. The review of literary materials on the sites dedicated to Blog literature as well its printing media which shows the transformation which undergoes internet texts during further publications.

Keywords: Blog-literature, blogs on social sites, genres of internet literature, printing strategy.

На сегодняшний день понятие «сетевой литературы» перестало быть новшеством. Авторы ищут читателей в Интернете, читатели знакомятся с новыми именами уже не в библиотеке, а за монитором компьютера. Глобальная сеть становится областью самиздата даже для известных писателей. В России сегодня совершенно естественно появление предназначенных для Сети произведений в печати. В книжных магазинах можно встретить изданные на бумаге интернет-дневники вполне обычных людей. Происходит рождение произведений нового формата и стиля – блоголитературы: «Можно смело утверждать, что мы являемся свидетелями рождения произведений нового формата и стиля – так называемой блоголитературы» [1].

В настоящее время процесс смешения блоггерства и традиционных форм литературы активно обсуждается и научной общественностью, и СМИ. Писатели с мировым именем заводят блоги с целью поэкспериментировать, а блоггеры приходят в традиционную литературу, обретая имя: «Некоторые известные мировые литераторы проводят эксперименты с блогами, а люди из числа блоггеров приходят в традиционную литературу» [2].

Тенденции современного литературного процесса

Быстротекущая современная действительность не может не менять и современное искусство, являющееся отражением той самой действительности. Стремительное движение времени предполагает постоянную смену картинок, которые заметны только при отдельном их рассмотрении.

Евгений Ермолин, профессор, журналист, литературный критик, указывает на кризис большой литературной формы, уход от романной культуры, вымысла, лирического «Я», ослабление чувства реальности в целом. Самым адекватным жанром современной литературы становится пост в блоге, комментарий в социальных сетях. Критик называет имена современных писателей, активно работающих в этом жанре: Александр Иличевский (посты в facebook), Дильяра Тасбулатова, Денис Драгунский, Валерий Зеленогорский, Сергей Чупринин («Вот жизнь моя» («Фейсбучный роман, или Подблюдные истории») – книга, изданная на основе постов), тем самым характеризуя творчество блоггеров в социальной сети как прогрессивную творческую форму: «...я бы призвал к другому: придумайте и творчески реализуйте себя в качестве блоггера в социальной сети. Это интересный опыт творчества и интерактива» [3].

Сетевая литература: к определению понятия

Поэт и журналист А. Андреев так определяет термин «сетевая литература»: «форма взаимодействия, с помощью которой люди делятся мыслями, впечатлениями, улыбками, фантазиями – то есть форма ненавязчивого общения». Блоггеров нередко называют существовавшим когда-то словом «графоман», которое достаточно точно передает суть описываемого явления. Их творчество безвозмездно, а значит, и независимо от рекламодателей и инвесторов [4].

Анонимность публикаций блоггера позволяет ему раскрыть все стороны своего таланта, а также получить

немедленную честную оценку читателя, причем не одну, много и разных (от людей разных возрастов и профессий): «Сеть – это возможность свободно публиковаться и не зависеть при этом от различных нелитературных аспектов материального мира, связанных с расходами на публикацию и распространение, со знакомствами и исповедуемой идеологией, и пр. Более того – автор может хранить полную анонимность, что позволяет ему раскрыть те стороны своего таланта, которые в реальной жизни человека часто подавляются (даже чисто психологически, самостоятельно) «рамками» и «ролями» материального мира. Это возможность – читателям – оценивать «чистый текст» независимо от имени автора и других его нелитературных атрибутов (возраста, пола, национальности, социального статуса)» [5]. Сетевой дневник (блог) можно наполнять любым содержимым, это подобие «книги о жизни» – новый литературный жанр, вызывающий множество споров [1].

В зависимости от потребностей, возможностей и целей самого владельца существуют разные формы ведения блогов:

- автономная (stand-alone-blog), где используются специализированные блог-платформы (“Blogservice.ru”, “WordPress” и мн. др.),
- на массовом блог-сервисе («Живой Журнал», «Ли.ру», «Blogger», «Я.ру» и др.),
- блог-раздел информационного сайта (например, специализированные блоги в онлайн-представительствах СМИ: «Московский комсомолец», «Эхо Москвы», «Радио Алла», «Труд», «Русский Newsweek», «Рус-

ское радио», «Спорт-экспресс», «Известия» и др.).

В Рунете распространены в основном автономные блоги. Преимущество такой формы – контроль над своим контентом, возможность безграничного технологического развития, использование в необходимых для владельца целях (например, блог журналиста Е.Л. Ющука «Блог о Блогах», блоги «Сплетник», «Болезненные зависимости» (“NarcoNet.ru”), “ScienceBlog”, «КнигоБлог», «Акватемия», блог О. Сатова «Психология» и др.) [6].

Кроме того, существуют сайты, представляющие собой своеобразную «блогоголовку», например, Bloglenta.ru – большой портал, где рецензируются лучшие посты силами редакции и читателей, к тому же сами читатели могут прислать обзор на интересные посты [7].

«Блук» как новая литературная форма

Публикацию сетевой литературы в «бумажном» виде спровоцировало новое явление – «блук». Блук (от англ. book – книга и blog – блог) – имитация книги, онлайн-книга или книга, основанная на записях из блога; производное от фразы “looks like a book” (англ. выглядеть как книга) [8]. Термин введен в употребление в 1990 г., библиотекарем Минделем Дубански (Mindell Dubansky). Первоначально он означал уникальное произведение, представляющее собрание книг.

Термин «блук» в его современной интерпретации – это литературные произведения, появляющиеся частями на страницах онлайн-дневников, публикуемые пост за постом. Так,

в 2002 г. Тони Пирс (Tony Pierce), популярный американский актер, решил опубликовать избранные посты своего блога и объявил конкурс на название книги – победил «Blook», предложенный журналистом Джеффом Джарвисом (Jeff Jarvis) из BuzzMachine.

Такой подход значительно упрощает творческий процесс: и физически, и психологически сложнее написать большой роман, нежели небольшие очерки на своем блоге: «Основной особенностью блоков является коллективный характер их написания, автор блога не делает всю работу сам, отдельными главами блогов-ниги могут стать очерки читателей блога» [2].

Д. Глуховский бесплатно опубликовал роман «Будущее» в социальной сети «ВКонтакте» с предложением читателям поучаствовать в создании книги: ««В Контакте» сегодня сидит вся онлайн-Россия. В то время как книгоиздатели посыпают голову пеплом, а Донцова, Устинова и Евтушенко пишут письмо Путину, чтобы тот защитил их от пиратов, я просто даю людям возможность читать мою книгу там и так, как им удобнее. «В Контакте» дает отличную возможность публиковать роман: присоединять PDF-файлы, сопровождать книгу оригинальным саундтреком, иллюстрациями, видео, распространять вирусно» [9].

Блог имеет существенное отличие от книги. В блоге «единицей литературы» является единичная запись, а «единица литературы» на бумаге – это «книга» (сборник и т.д.). Удачные единичные записи, пересылаемые читателями друг другу, становятся популярными. Блог – это

динамика, много интересного происходит в комментариях, где многое зависит от контекста, личных отношений участников и т.д. Перенести на бумагу не получится – выпадет из контекста [10].

Блок как формирующийся литературный жанр стал очень популярен не только среди читателей, но и среди издателей, он перспективен и для интернет-бизнеса.

Так, в октябре 2005 г. появилась идея о создании премии для англоговорящих авторов «Блукер» (по аналогии с известной литературной Букеровской премией), предложенная Бобом Янгом, основателем сайта Lulu, где авторы могут печатать свои произведения без всяких издательств за счет будущих читателей. «The Blooker Prize» – это первая международная литературная награда, которой удостоиваются самые лучшие блуки в нескольких номинациях [2].

Есть мнение, что блуки в будущем существенно потеснят книжную отрасль. Другие рассматривают подобные записи как отличный инструмент для продвижения традиционной литературы: «...людям нужны книги. Издание блогов будет развиваться и однажды станет мощной ветвью книгоиздания. Главная же проблема заключается в том, какую часть публикации уместно выкладывать в блоге без ущерба для будущих тиражей» (Антон Носик) [2].

Функционируют сетевые журналы и издательства, не хуже бумажных. Это перспективное направление интернет-бизнеса, еще лучше – совмещение Сети и бумаги, как это делают зарубежные издательства: «A Small Garlic Press» – издают бумажную версию своего электронного журнала, а

также книжки стихов «сетевых» поэтов; “National Library of Poetry” – проводит конкурсы поэзии и тут же издает антологии со стихами лауреатов; “Woodnotes” и “Frogpond” [5].

Издательские перспективы «сетевой литературы»

Несложные заметки «живых журналов» выросли в литературные произведения малого жанра, а их авторы – в популярных сетевых писателей. Однако Д. Горчев (один из первых тысячников в ЖЖ) отмечает разницу между текстом блога и текстом «бумажной» книги: сам текст обычно сочиняется в голове, потом при записи в компьютер он очень сильно трансформируется, а если после этого возникает необходимость напечатать его на бумаге, он еще раз трансформируется и от первого варианта сильно отличается: «Некоторые тексты вообще нельзя читать на бумаге, только с экрана» [11].

А. Подшибякин в своей книге о ЖЖ пишет, что «есть поэты сугубо сетевые, предпочитающие публикации и обсуждения в интернете, а есть поэты оффлайновые, «бумажные», для которых ЖЖ является важным средством коммуникации...», и исключения, которые выросли в поэтов (Вера Полозкова), став тысячником в ЖЖ и лидером продаж книжного магазина [12].

В России первой удачной печатной книгой, выросшей из блога, стал сборник Максима Кононенко «Владимир Владимирович» (М.: КоЛибри, 2005). До этого издательство Emergency Exit выпустило в серии «Внутренний голос» четыре книги по три тысячи экземпляров. Затем дневники-записи жж-юзеров публи-

ковались в издательствах Memories, «Геликон Плюс», «Снежный ком» – тоже обработанные редакторами отрывки, литературные эксперименты, однако заметного успеха кампания не имела [13].

Через год после «Владимира Владимировича» мистер Паркер (псевдоним автора) объявил премию для лучших блогов, в том числе и литературных. Победила девушка, пишущая в ЖЖ под псевдонимом Марта Кетро, которая стала первым сетевым автором, принятым в Союз писателей. После получения Паркерской премии записи из ее живого журнала дважды издавали («Хоп-хоп, улитка» и «Улыбайся всегда, любовь моя»).

Творчество блоггеров сподвигло московское издательство «Центрполиграф» на выпуск целой серии книг под названием «Письм@ моих друзей». Затем на прилавках книжных магазинов стали появляться произведения молодых авторов, популярных в Живом Журнале. Наивный и естественный дневниковый стиль повествования читателей привлекает читателей. Как правило, это женская проза (Мария Скатова, Анна Ривелотэ, Мура Мур).

Один из самых раскрученных на сей день ЖЖ-писателей – «человек без национальности» Алмат Малатов (Immoralist), у которого 7000 подписчиков (Сборник рассказов «Двоичный код», «Кризис полудня»). Малатов считает, что блоготворчество вполне вписано в современный литературный контекст, что подтверждает проекта Живого Журнала «ЖЖOuT»: по итогам конкурса на лучшую дневниковую запись издают печатный сборник с текстами-победителями [1].

Другой известный автор Д. Глуховский так оценивает труд сетевого писателя: «Для любого писателя, когда он берется за перо, за клавиатуру, изначальный стимул – это не желание заработать, а прежде всего желание быть прочтенным... Я хочу, чтобы люди читали то, что я пишу, и оценивали это... мне было совершенно все равно, будут ли люди покупать мою книгу, но мне важен факт издания на бумаге как признание, определенное подтверждение тому, что теперь я выступаю в роли писателя» [14].

Отечественные издатели в блогах ищут новых серьезных авторов, которые расширяют пространство литературы за счет новых форм.

Известный писатель, автор одного из самых популярных блогов, Сергей Лукьяненко отмечает: «Я не исключаю возникновения в интернет-пространстве новой литературы, хотя, вероятнее всего, это будут новые писательские имена, а не новая литературная форма. Но интересный электронный дневник не обязательно будет интересной книгой. Ведь главное в блогах – сиюминутность, то, что они живут живой жизнью, откликаются на конкретные события и ситуации. Именно поэтому многие дневники потеряют свое очарование на бумаге.

Хотя как форма они имеют право на существование, ведь публиковать можно даже квитанции из прачечной, но если это будет сиюминутно, то сиюминутно же и отомрет».

Блог позволяет молодым авторам оттачивать свое литературное мастерство, однако, по мнению Марии Скатовой (mariushka), книжка которой «Повесть о ненастоящей журна-

листке» стала одной из первых в блогерской серии издательства «Центрполиграф», дневниковые записи – «это не книги, и, если автор хочет большего, ему, скорее всего, придется перерасти интернет-писательство мозаичными кусочками».

Еще одна удачная публикация «КоЛибри» – пятидесятитысячный тираж выросшей из блога кулинарной книги Сталика Ханкишиева (stalic) «Казан, мангал и другие мужские удовольствия» [13].

Есть сегодня еще один вариант публикации – **электронный самиздат**. **Есть мнение, что** минимум три миллиона россиян хотят издавать свои книги сами.

Издавать собственные сочинения за свой счет хотят многие. Одни делают электронные и бумажные книги только для себя и близких, другие же нацелены на продажи. В России появились сервисы электронного самиздата – например, сервис Ridero.ru (2014 г., Александр Касьяненко). Услугами компании воспользовалось уже около 29 000 независимых авторов.

На сайте Ridero.ru любой человек, подписав соглашение о том, что в тексте нет оскорблений президента, пропаганды детских самоубийств и других запретных тем, может бесплатно и «в три шага», минут за 20, сделать свою книгу из текстового документа: автор выбирает макет, шаблон обложки (можно остановиться на стандартном или загрузить свою иллюстрацию), если хочет – добавляет аннотацию и эпиграф.

Возможен даже вариант выставления книги на продажу в интернет-магазинах «Литрес» и Amazon (электронный вариант), на Ozon (печатный).

Одни авторы создают книги для развлечения, вторые пробуют их продавать, есть «профессионалы», у которых книг несколько, и сервис помогает управлять продажами, кому-то собственная книга добавляет статуса.

Блоголитература в России становится одной из продуктивных литературных форм, которая пока не составляет конкуренции «печатной литературе», но отражает общемировые литературные и издательские тенденции. Краткость, мобильность, анонимность, простота контакта с аудиторией – все эти качества «блоголитературы» делают ее популярной как для массового читателя, так и для потенциальных писателей. Но, с другой стороны, при бумажной публикации «сетевая литература» теряет эти свои принципиальные свойства. Для исследователя сетевая литература представляет собой интерес в качестве одной из принципиальных площадок для творческой реализации, для появления новых авторов, но литературный статус «сетевых текстов» и их дальнейшие эстетические перспективы пока являются предметом для дискуссий.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Решетко, Д. Слава блогу. Виртуальная литература грозит затмить по популярности традиционные «бумажные» жанры [Текст] / Д. Решетко // Новые Известия [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.newizv.ru/culture/2007-08-17/74584-slava-blogu.html> (основана 17.08.2007).
2. Макарова, А. Формула появления Блуксов [Текст] / А. Макарова // SEOnews. Перевод [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.seonews.ru/analytics/formula-poyavleniya-blukov/> (основана 03.07.2007).
3. Подосокорский, Н. Евгений Ермолин: «Один из самых адекватных жанров современной литературы - это пост в блоге» [Текст] / Н. Подосокорский // LiveJournal [Электронный ресурс]. – URL: <http://philologist.livejournal.com/8346140.html> (основана 28.03.2016).
4. Васильев, А. Графоманы становятся блогерами [Текст] / А. Васильев // Русская служба BBC [Электронный ресурс]. – URL: http://news.bbc.co.uk/hi/russian/sci/tech/newsid_1644000/1644071.stm (основана 08.11.2001).
5. Андреев, А. Манифест Сетевой литературы, или Личного опыта поэтической независимости. 1997 г. [Текст] / А. Андреев [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.zhurnal.ru/slova/esse/manif.htm> (дата обращения 15.10.2016).
6. Лазуткина, Е.В. Особенности коммуникационной модели блогов: научная статья [Текст] / Е.В. Лазуткина // Вестник Ставропольского государственного университета. – 2010. – № 66. – С. 201-202.
7. Bloglenta.ru: «Мы сделаем самое интересное медиа Рунета» [Текст] // Веб-планета [Электронный ресурс]. – URL: <http://webplanet.ru/interview/service/2006/08/30/bloglenta.htm> (основана 30.08.2006).
8. Блог в виде книги [Текст] // Энциклопедия Knowledge [Электронный ресурс]. – URL: <http://ru.knowledgr.com/01444409/Blook> (дата обращения: 20.10.2016).
9. Глуховский, Д. Литература – это вирус, и моя задача им заразить [Текст] / Д. Глуховский [Электронный ресурс]. – URL: <http://izvestia.ru/news/552427> (дата обращения: 23.10.2016).
10. Губайловский, Б. Учреждена Блукерова премия – за лучшую книгу, написанную на основе интернет-журнала [Текст] / Б. Губайловский // Радио «Свобода» [Электронный ресурс]. – URL: <http://archive.svoboda.org/ll/cult/1005/ll.101305-5.asp> (основана 13.10.05).
11. Майзель, Е. Живой Журнал словами писателей. Дмитрий Горчев. Всенародно любимый мизантроп [Текст] / Е. Майзель // Русский журнал. – 2003. – 11 июля. – № 5. Интервью [Электронный ресурс]. – URL: http://old.russ.ru:8083/krug/20030711_dg.html (основана 11.06.03).

12. Подшибякин, А. По живому. 1999–2009: LiveJournal в России [Текст] / А. Подшибякин. – М.: Колибри, 2010. – 139 с.
13. Биргер, Л. «Кликни книжку» [Текст] / Л. Биргер // Ведомости [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.vedomosti.ru/newspaper/articles/2006/08/18/klikni-knizhku> (основана 18.08.2006).
14. Морозова, С. Дмитрий Глуховский [Текст] / С. Морозова // Chief Time Воронеж [Электронный ресурс]. – URL: <http://chief-time.su/blog/post/660> (основана 23.05.2015).

REFERENCES

1. Andreev A., *Manifest Setevoy literatury, ili Lichnogo opyta poeticheskoy nezavisimosti. 1997 g.*, available at: <http://www.zhurnal.ru/slova/esse/manif.htm> (accessed: 15.10.2016). (in Russian)
2. Birger L., *Klikni knizhku*, available at: <http://www.vedomosti.ru/newspaper/articles/2006/08/18/klikni-knizhku> (osnovana 18.08.2006). (in Russian)
3. *Blog v vide knigi*, available at: <http://ru.knowledgr.com/01444409/Blook> (accessed: 20.10.2016) (in Russian)
4. *Bloglenta.ru: "My sdelaem samoe interesnoe media Runeta"*, available at: <http://webplanet.ru/interview/service/2006/08/30/bloglenta.htm> (osnovana 30.08.2006). (in Russian)
5. Glukhovskiy D., *Literatura – eto virus, i moya zadacha im zarazit*, available at: <http://izvestia.ru/news/552427> (accessed: 23.10.2016) (in Russian)
6. Gubaylovskiy B., *Uchrezhdena Blukerovskaya premiya – za luchshuyu kni-gu, napisannuyu na osnove internet-zhurnalnala*, available at: <http://archive.svoboda.org/ll/cult/1005/ll.101305-5.asp> (osnovana 13.10.05). (in Russian)
7. Lazutkina E.V., *Osobnnosti kommunikatsionnoy modeli blogov: nauchnaya statya, Vestnik Stavropolskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2010, No. 66, pp. 201-202. (in Russian)
8. Makarova A., *Formula poyavleniya Blukov* [Electronic resource], SEOnews. Perevod, available at: <http://www.seonews.ru/analytics/formula-poyavleniya-blukov> (osnovana 3.07.2007). (in Russian)
9. Mayzel E., *Zhivoy Zhurnal slovami pisateley. Dmitriy Gorchev. Vse-narodno lyubimyy mizantrop, Russkiy zhurnal vypusk*, No. 5, Inter-vyu. 11 iyulya 2003 goda, available at: http://old.russ.ru:8083/krug/20030711_dg.html (osnovana 11.06.03). (in Russian)
10. Morozova S., Dmitriy Glukhovskiy, Chief Time Voronezh, available at: <http://chief-time.su/blog/post/660> (osnovana 23.05.2015). (in Russian)
11. Podosokorskiy N., *Evgeniy Ermolin: "Odin iz samykh adekvatnykh zhanrov sovremennoy literatury – eto post v bloge"*, available at: <http://philologist.livejournal.com/8346140.html> (osnovana 28.03.2016). (in Russian)
12. Podshibyakin A., *Po zhivomu. 1999–2009: LiveJournal v Rossii*, Moscow, Kolibri, 2010, 139 p. (in Russian)
13. Reshetko D., *Slava blogu. Virtualnaya literatura grozit zatmit po populyarnosti traditsionnye "bumazhnye" zhanry*, available at: <http://www.newizv.ru/culture/2007-08-17/74584-slava-blogu.html> (osnovana 17.08.2007). (in Russian)
14. Vasilev A., *Grafomany stanovyatsya blogerami*, available at: http://news.bbc.co.uk/hi/russian/sci/tech/newsid_1644000/1644071.stm (osnovana 8.11.2001). (in Russian)

Сарин Лина, аспирантка, Московский педагогический государственный университет, leenasareen1@gmail.com

Sareen Leena, Post-graduate Student, Moscow State University of Education, leenasareen1@gmail.com

УДК 070.15
ББК 070.4

PR-ЖУРНАЛИСТИКА КАК ПРОДУКТ ГИБРИДИЗАЦИИ ЖУРНАЛИСТСКОГО И PR-ТЕКСТА

З.А. Милославская

Аннотация. В статье рассматривается процесс формирования неофициальной пока гибридной специализации «PR-журналистика» в сфере современного медиатекста. Цель статьи – изучить теоретические и практические аспекты нового явления, обозначить плюсы и минусы PR-журналистики, риски развития данной тенденции, а также сформулировать отличительные особенности PR-журналистских текстов. Синтез журналистского и PR-текста сегодня выглядит органичным, так как гибридизация – один из актуальных трендов и в журналистике, и в современной культуре как таковой. Однако наряду с тем, что в целом PR-журналистика воспринимается как безвредное явление, фиксируются и потенциальные опасности, такие как виртуализация медийной персоны, превращение медиа в сегмент сферы услуг.

Ключевые слова: PR-журналистика, медиатекст, самопрезентация, гибридизация типов текста, PR-текст, журналистский текст.

PR-JOURNALISM AS A PRODUCT OF JOURNALISTIC AND PR-TEXT HYBRIDIZATION

377

Z.A. Miloslavskaya

Abstract. The article examines the process of formation in the context of contemporary media text of a not yet official hybrid discipline of «PR-Journalism». The aim of the article is to study the theoretical and practical aspects of this new phenomenon, determine the pros and cons of PR-journalism, any risks associated with the development of this tendency, as well as to define the distinguishing characteristics of PR-journalistic texts. The synthesis of journalistic and PR texts currently appears to be organic, since hybridization is one of the current trends not only in journalism but in contemporary culture as a whole. Although PR journalism as such is perceived as a harmless phenomenon, potential dangers are also detected, such as the virtualization of the media figure, and the danger of media becoming a part of the service sector.

Keywords: PR- journalism, media-text, self-presentation, hybridization of text types, PR text, journalistic text

Одной из ведущих и активно обсуждаемых в исследованиях тенденций в современном медиатексте и культуре в целом становится склонность к гибридизации: слияние стилей, жанров, типов творчества и текста. Остановимся непосредственно на медиатексте, который сегодня характеризуется многогранно: исследуется технология его создания, филологические трансформации, социальные процессы, связанные с самоопределением специалистов. Большое внимание уделяется гибридизации.

Гибридность представляет собой одну из ведущих характеристик медиатекста – продукта конвергентных СМИ. Гибридируются каналы передачи, превращаясь из монотехнологических медиаплощадок в мультимедийные платформы. Сливаются разные типы творчества: медиатекст содержит журналистский, литературный, рекламный, PR-текст и произведения изобразительного искусства, видео- и аудиофайлы, фото, анимацию, графику. Фиксируется, в частности, гибридизация журналистики, PR и рекламы [1].

Слияние этих творческих технологий ведет к гибридизации разных типов текста: теория медиатекста говорит о том, что все тексты, попадающие в медиасферу, приобретают общие черты и подчиняются сходным медийным требованиям [2, с. 90]. Изначально сугубо лингвистическое понятие «текст» расширено до масштаба объекта изучения семиотики и применяется как к цепочкам знаков (журналистский текст, рекламное объявление, инфографика, видеоролик, карикатура), так и к отдельным знакам (портретная фотография, эмблема). Исследуется транс-

формация классических журналистских жанров в условиях конвергентных СМИ – в частности, создание новых жанров периодики [3, с. 372-373, 379], переход от узкого понятия «жанр» к более широкому – «формат» [4, с. 107], получившему почти универсальное значение, а в журналистике заменившему еще и такие термины, как «тип СМИ» и «стиль» [5]. Новые гибридные жанры возникают, в том числе, и в процессе совмещения развлекательного и информационно-аналитического контента в рамках медиатекста, причем развлечения ощутимо теснят информацию и аналитику. Гибридным становится даже автор: новая диалоговая модель взаимодействия СМИ и аудитории создает «коллективного автора» – синтез профессионала, работающего в СМИ, и простого читателя, генерирующего свой контент. Некогда элитная журналистская профессия сегодня сегмент технологизированного медиаполя, где идут постоянные трансформации.

Интересно, что одному из примечательных аспектов этой глобальной гибридизации – сращиванию журналистского мастерства и реализации PR-компетенции – по мнению автора данной статьи, уделено скромное внимание, в то время как появляющийся гибридный медиатекст не только служит объектом споров о журналистской этике, но и формирует новый тип специалиста, негласно именуемый PR-журналистом. Российские исследователи размышляют о PR-журналистике, как минимум, с 2004 г.: уже тогда около 80 процентов публикаций в прессе выглядели как заказные, появился термин «пиарналистика» [6, с. 93]. С 2013 г. ги-

бридимуется «PR-журналистикой»: эту тему, в частности, разрабатывают исследователи А.П. Суходолов и М.П. Рачков [7, с. 170].

В таблице 1 (см. таб. 1) приведем анализ целей и задач медиатекста в PR и журналистике, показав, как две специализации работают вместе.

Вероятно, предварительно можно заключить, что гибридный текст по своим задачам ближе к PR, чем к журналистике, так как служит инструментом формирования имиджа.

Рассмотрим, какой медиатекст закономерно отнести к PR-журналистике. Согласно имеющемуся определению, PR-журналистика – феномен взаимодействия двух видов массовой коммуникации, выраженный в существовании категории журналистов (и целых СМИ), профессионально занимающихся PR: о PR-журналистике рекомендовано говорить, когда контент СМИ на 90% и более состоит из PR-материалов [8, с. 181]. По мнению исследователей, PR-журналистика есть «материалистическое порождение рыночной экономики» [7, с. 169-170], призванное создавать имидж субъекта PR (персоны, компании, идеи) средствами журналистики. Соответственно, основной ее инструмент – медиатекст. Если говорить о родстве PR-журналистики с классической, то подчеркнем, что первая близка к «журналистике мнений». Это обстоятельство, очевидно, диктует и форму: PR-журналистика тяготеет к аналитическим жанрам, активно используя интервью, комментарий, авторскую колонку. Здесь интересно вспомнить, что в теории журналистики в описании реальности принято выделять два вида информации: дескриптив-

ную (описательную) – факты и предскриптивную (предписательную) – представления журналиста о желаемом будущем. Сочетание этих двух видов дает оценочную информацию – валюативную: наличие оценки изначально роднит журналистский текст с PR-текстом. Однако оценка в тексте PR-журналиста работает, в первую очередь, на создание имиджа субъекта PR, а концентрацию на проблеме автор рассматривает как инструмент. Говоря о механизмах работы в PR-журналистике, автор данной статьи опирается на личный опыт в этом сегменте и анализ своих материалов, созданных в процессе работы пресс-секретарем философа и методолога П.Г. Щедровицкого [см., напр.: 9–10], а также работы с другими спикерами. Сразу оговоримся, что проблема авторства в PR-журналистике требует особого внимания: авторские колонки и комментарии пишутся от лица субъекта PR, а интервью, как правило, отдаются под чужую фамилию, что дает возможность опубликовать их бесплатно. Продукт PR-журналистики – материалы, созданные журналистами в интересах субъекта PR, но применение журналистских приемов вуалирует PR-составляющую.

Проведем черту между самопрезентацией – массово распространенной сегодня самостоятельной PR-деятельностью субъекта PR посредством инструментов СМК – и презентацией себя через работу с PR-журналистом (см. таб. 2). В исследовательской литературе фигурируют две категории презентации индивида: самопрезентация простого пользователя СМК в соцсетях и продвижение содержательного спикера через

Гибрид PR и журналистики

	Журналистика	PR	Гибрид
Функции	- коммуникативная - информационная - идеологическая - социальная - психологическая - организаторская - культуроформирующая - рекламно-справочная - рекреативная (+ эстетическая)	- коммуникативная - информационная - идеологическая - социальная - психологическая - управленческая - консалтинговая - прогностическая - социологическая - экономическая	- коммуникативная - информационная - идеологическая - социальная - психологическая - организаторская - культуроформирующая - рекламно-справочная - рекреативная, в том числе эстетическая - управленческая - консалтинговая - прогностическая - социологическая - экономическая
Характеристика текста	Для массовой аудитории Задача: информировать, предоставлять возможность диалога, развлекать Каналы: СМИ, социальные сети, интернет, мобильные сети	Для целевой аудитории Задача: создавать репутацию, убеждать Каналы: СМИ, социальные сети, интернет, лицом к лицу, почта, электронная почта, мобильные сети	Для массовой / целевой аудитории Задача: информировать, убеждать, развлекать, формировать лояльность, предоставлять возможность диалога Каналы: СМИ, социальные сети, интернет, мобильные сети
Требования к тексту	- информативность - небанальность (оригинальность) - декодируемость (очевидность замысла) - релевантность (значимость) - семантическая адекватность (отражение объективной реальности)	- информативность - связность и цельность - декодируемость - социальная сила (воздействие) - открытость или закрытость (возможность / невозможность интерпретаций) - наличие базисного субъекта (источника PR- текста)	- информативность - небанальность - декодируемость - релевантность - диалоговость - семантическая адекватность или неадекватность (в зависимости от задач автора) - социальная сила - наличие базисного субъекта - открытость / закрытость - связность и цельность - краткость - оригинальность - запоминаемость - способность воздействовать психологически - возможность мультимедийного использования

Таблица 2

Самопрезентация и PR-журналистика

	Самопрезентация (частное лицо)	Самопрезентация (публичная персона)	Презентация себя через работу с PR-журналистом
Субъект PR	Простой пользователь СМК	Публичная персона, самостоятельно создающая контент от своего имени	- Публичная персона, поддерживающая публичность - Непубличная персона – соискатель публичности
Аудитория	Сегментированная, массовая		
Цель	Привлечь внимание; получить подтверждение своей уникальности	Привлечь внимание; получить подтверждение своей уникальности; поддерживать статус эксперта; добиться политических / бизнес-целей	Привлечь внимание; получить подтверждение своей уникальности; получить / поддерживать статус эксперта; добиться политических / бизнес-целей; сэкономить свое время
Канал	СМК		
Автор	Сам субъект		PR-журналист: - самостоятельно - на основе тезисов субъекта
Основные жанры медиа-текста	Любительские: - комментарий (соцсети, сайты СМИ) - репортаж (например, присланное в СМИ видео)	- Журналистские: авторская колонка, комментарий - Полупрофессиональные	Журналистские: авторская колонка, аналитический комментарий, интервью, статья, пресс-релиз.
Признаки	- обилие фото и видео - провокационные комментарии - подробный отчет о личных/интимных событиях - часто несоблюдение правил русского языка	- как правило, четкое следование своей теме - стилистическое единство в печатном и аудио-визуальном медиатексте - как правило, фокус на общественной жизни - грамотный текст (не всегда выдержанный в едином жанре)	- явное продвижение субъекта или идеи, навязчивое описание опыта субъекта [11] - часто отсутствие конфликта в интервью - часто разбросанность субъекта между темами - стилистические расхождения между печатным и аудио-визуальным медиатекстом (часто женский стиль печатных материалов от лица мужчины-субъекта, реже – наоборот [12]) - фокус на роли субъекта в общественной жизни - грамотный текст, выдержанный в едином жанре
Формат	Текст, видео, аудио, фото, анимация, графика		

работу с нанятым PR-журналистом. Автор данной статьи считает важным обозначить третью категорию – содержательного спикера, продвигающего себя самостоятельно через создание профессионального или полупрофессионального медиатекста и тоже, таким образом, участвующего в создании PR-журналистского текста.

Перечисляя признаки материалов, созданных PR-журналистами, имеем в виду те тексты, качество которых позволило опубликовать их бесплатно, на правах редакционных. Что касается текстов менее качественных, часто производимых пресс-службами, профессионал отрасли отличит их без труда. Опрос, проведенный автором данной статьи среди медиа-менеджеров, редакторов, ведущих эфира и обозревателей федеральных и региональных СМИ (20 человек) осенью 2014 г., выявил целый ряд причин недовольства очевидным PR-текстом. Среди них ангажированность, избыточность оценочных суждений, отсутствие актуальности, композиции и драматургии, изобилие штампов и клише, слабая фактура, обилие иностранных слов, стилистические ошибки, скудный слог, интеллектуальная нищета. По мнению опрошенных, современный PR-специалист не выдерживает проверки на профессионализм в условиях взаимодействия с качественными медиа. Вывести же материал на профессиональный уровень, как правило, позволяет работа над ним автора с журналистским опытом.

Плюсы и минусы PR-журналистики

Некоторые плюсы уже отмечены профессорами Суходоловым и Рачко-

вым. Первый – PR-журналистика приносит доход СМИ. Расценки на рекламу в качественной прессе таковы, что плюс очевиден [13]. Отметим, что наряду с графикой и видео можно разместить пресс-релиз или статью: в качестве «статьи» может быть интервью, комментарий, колонка [14].

Фиксируется, что PR-журналистика дает возможность самореализации журналистам, которые уходят из СМИ. Добавим, что причин для ухода достаточно: исследования демонстрируют усталость журналистов от работы в условиях «двойного кризиса» – развития технологий и сокращения зарплат [15].

Кроме того, отмечается, что PR-журналистика сегодня, как правило, не выходит из «белого» поля и не причиняет вреда пользователю медиатекста «вбросами» негатива (уточним, что «черный PR» по-прежнему применяется в сфере политехнологий, но, как правило, в форме типографских агитматериалов). Признается и тот факт, что в PR-журналистике работают журналисты высокой квалификации [7, с. 172], так как высокая цена услуг не дает права на недобросовестный подход. От себя добавим, что это касается и штатных авторов СМИ, и тех, кто работает непосредственно с субъектом PR. Практик, главный редактор «Бизнес-Журнала» (Москва) Д.И. Денисов, в интервью автору данной статьи подтвердил это мнение: качественный PR-текст, созданный PR-журналистом, часто восполняет потребность редакции в тематических материалах, так как современные журналисты-универсалы не всегда в состоянии «вытянуть» узкоспециальный текст.

Добавим также, что основная задача PR-журналиста, нанятого непосредственно субъектом PR – сделать свое произведение неотличимым от редакционного: это единственный способ опубликовать его бесплатно. Если штатные PR-журналисты приносят своему СМИ очевидный доход (для чего и осваивают новые жанры), то внешние, в попытках сэкономить бюджет нанимателя, вынуждены постоянно доказывать свое право опубликоваться. Сегодня определяются две волны: PR-журналистикой занимаются и сотрудники редакций, и те, кто нанят персоной или компанией. У них разные возможности, навыки и сам продукт: работающий непосредственно с персоной может глубоко изучить узкую тематику и производить профессиональные по содержанию тексты, а редакционный PR-журналист, в силу специфики, остается универсалом и концентрируется на форме. Для полной ясности стоит также разделить пресс-секретаря от PR-журналиста: функционал первого часто сводится к обработке запросов СМИ и предоставлению фактуры, второй вынужден сам идти на контакт с медиа и производить конкурентный текст.

Ключевой минус PR-журналистики из уже констатированных – вытеснение массовой информации оплаченной [16, с. 6]. Использование казенного бюджета на личное продвижение – также социально значимая проблема, уже обратившая на себя внимание властей [17]. В контексте рассуждения о PR-журналистике проф. Суходолов говорит о возникновении зависимого поведения – «PR-аддикции» [18, с. 323], которой страдают не только простые

пользователи, публикующие десятки селфи в день, но и те, чьим продвижением занимается PR-журналист.

Опираясь на практический опыт, необходимо добавить, что субъект PR часто дает PR-журналисту карт-бланш на работу от его лица и устраняется от контроля: основным актором становится уже не реальный субъект PR, а тот, кто его «рисует». Точно так же PR-журналист может «нарисовать» кого угодно, пользуясь наработанным инструментарием, что формирует условия для внедрения виртуальных конструкций в информационное поле.

Еще одно серьезное обстоятельство, на котором хотелось бы остановиться – падение цены экспертного мнения: экспертом в медиаполе сегодня может быть тот, за кого напишут актуальный для той или иной редакции текст, или даже полностью виртуальный персонаж. И в этом тоже очевидный вред PR-журналистики.

Условия на современном медиарынке – технологизация СМИ, сокращения штата и заработной платы – провоцируют журналиста к уходу из так называемой «чистой журналистики» (существование которой, к слову, предмет бурных споров) в сферу PR, куда журналист приносит свой профессиональный опыт, что и становится причиной появления гибридного медиатекста. PR-журналистика использует журналистские жанры (чаще аналитические), приемы сбора информации, тоже движется в сторону все большей доли рейтинга и отказа от собственной информации (PR-журналист, пишущий текст за персону, вынужден пользоваться открытыми источниками).

Синтез журналистского и PR-текста настолько органичен в массиве современного медиатекста, что читатель не всегда способен отличить информацию от навязанного мнения. Несмотря на то, что добросовестная PR-журналистика как таковая не приносит очевидного вреда, опасен запущенный ею процесс: тенденция к виртуализации продвигаемых персон, чреватая засильем фейков в информационном поле и превращением СМИ в сегмент сферы услуг, где статус эксперта покупается через оплату текста, профессионально созданного PR-журналистом.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Зорин, К.А.* Медиасистема как совокупность «информационных торнадо» [Текст] / К.А. Зорин // Медиаскоп [Электронный ресурс] / URL: <http://www.mediascope.ru/node/1655> (дата обращения: 27.09.2016).
2. *Красноярова, О.В.* Текст и медиатекст: проблема дифференциации понятий [Текст] / О.В. Красноярова // Вопросы теории и практики журналистики. – 2015. – Т. 4. – № 1. – С. 85-100.
3. *Виноградский, В.С.* Конвергентные жанры в современной периодике [Текст] / В.С. Виноградский, Н.В. Куницына // Вопросы теории и практики журналистики. – 2016. – Т. 5. – № 3. – С. 370-381.
4. *Волкова, И.И.* Игровые форматы мультимедийной журналистики // Вестник Российского университета дружбы народов. Литературоведение. Журналистика. – 2014. – № 1. – С. 105-112.
5. *Сурикова, Т.И.* Смысловое поле понятия «формат» в массовой коммуникации [Текст] / Т.И. Сурикова // Материалы методического семинара «Динамика развития форматов и жанров в современных СМИ» / Медиаскоп [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.mediascope.ru/?q=node/416> (дата обращения: 27.09.2016).
6. *Короченский, А.П.* Пиарналистика как гибрид журналистики и пиар: аномалия или новый профессиональный норматив? [Текст] / А.П. Короченский // Всероссийская науч.-практ. конф. исследователей журналистики, рекламы и публичных отношений «Журналистика, реклама и СО: новые подходы: Коммуникация в современном мире». – Воронеж: Факультет журналистики ВГУ. – 2004. – С. 93.
7. *Рачков, М.П.* PR-журналистика: право на существование [Текст] / М.П. Рачков, А.П. Суходолов // Вопросы теории и практики журналистики. – 2013. – № 2. – С. 169-173.
8. *Суходолов, А.П.* PR как «наркотик», или еще раз о PR-журналистике и ее праве на существование [Текст] / А.П. Суходолов, М.П. Рачков // Вопросы теории и практики журналистики. – 2016. – Т. 5. – № 2. – С. 179-186.
9. *Щедровицкий П.* Образование сегодня: учиться или посещать // ТАСС [Электронный ресурс]. – URL: <http://tass.ru/opinions/1597154> (дата обращения: 27.09.2016).
10. Кластер: от деревни кузнецов до Силиконовой долины // Полит. Ру [Электронный ресурс]. – URL: <http://polit.ru/article/2012/12/10/claster/> (дата обращения: 27.09.2016).
11. *Кузнецов, Л.* Модернизация по-кавказски [Текст] / Л. Кузнецов [Электронный ресурс]. – URL: http://www.profile.ru/pryama_yarech/item/92902-modernizatsiya-po-kavkazski (дата обращения: 27.09.2016).
12. *Храмов, А.* Мы 20 лет разрушали систему подготовки людей технических специальностей [Текст] / А. Храмов // Взгляд [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.vz.ru/opinions/2015/7/23/757469.html> (дата обращения: 27.09.2016).
13. Тарифы размещения рекламы [Текст] // Коммерсантъ [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kommersant.ru/ad/server> (дата обращения: 27.09.2016).
14. Халтек готовит кадры завтрашнего дня [Текст] // Коммерсантъ [Электронный ресурс]. – URL: <http://kommersant.ru/doc/2773613> (дата обращения: 27.09.2016).
15. *Колесниченко, А.В.* Российский журналист и его работа: исследование мотивации и удовлетворенности [Текст] / А.В. Колесниченко, А.В. Вырковский, М.Ю. Галкина, А.Ю. Образцова, С.А. Варганов // Медиаскоп [Электронный ресурс]. – URL:

- <http://www.mediascope.ru/?q=node/2046> (дата обращения: 27.09.2016).
16. Дзялошинский, И.М. Медиапространство России: коммуникационные стратегии социальных институтов. Монография [Текст] / И.М. Дзялошинский. – М.: Издательство АПК и ППРО. – 2013. – 479 с.
 17. Выжutowич, В. Сэкономить на пиаре [Текст] / Выжutowич // Российская газета. – 2016. – 11 марта [Электронный ресурс]. – URL: <https://rg.ru/2016/03/10/vale-rij-vyzhutovich-ob-ogranicheniiiah-regionaln-uh-rashodov-na-piar.html> (дата обращения: 27.09.2016).
 18. Суходолов, А.П. «PR-аддикция» как новый вид поведенческой зависимости [Текст] / А.П. Суходолов, А.М. Бычкова // Вопросы теории и практики журналистики. – 2015. – Т. 4. – № 4. – С. 321-334.
 7. KrasnojaroVa O.V., Tekst i mediatekst: problema differenciacii ponjatij, *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki*, 2015, Vol. 4, No. 1, pp. 85-100. (in Russian)
 8. Kuznecov L., Modernizacija po-kavkazski, *Profil*, available at: <http://www.profil.ru/pryamayarech/item/92902-modernizatsiya-po-kavkazski> (accessed: 27.09.16). (in Russian)
 9. Rachkov M.P., Suhodolov A.P., PR-zhurnal-istika: pravo na sushhestvovanie, *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki*, 2013, No. 2, pp. 169-173. (in Russian)
 10. Shchedrovitskij P., Obrazovanie segodnya: uchitsya ili poseshchat? In: TASS, available at: <http://tass.ru/opinions/1597154> (accessed: 27.09.2016). (in Russian)
 11. Suhodolov A.P., Bychkova A. M., “PR-addik-cija” kak novyj vid povedencheskoj zavisimosti, *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki*, 2015, Vol. 4, No. 4. pp. 321-334. (in Russian)
 12. Suhodolov A.P., Rachkov M.P., PR kak “nar-kotik”, ili eshhe raz o PR-zhurnalistike i ee prave na sushhestvovanie, *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki*, 2016, Vol. 5, No. 2, pp. 179-186. (in Russian)
 13. Surikova T.I., Smyslovoe pole ponjatija “format” v massovoj kommunikacii, Abstracts of Papers, *Dinamika razvitiya formatov i zhanrov v sovremennyh SMI*, Moscow, May 20, 2009, *Medias-kop*, available at: <http://www.mediascope.ru/?q=node/416> (accessed: 27.09.2016). (in Russian)
 14. Tarifj razmeshhenija reklamy, *Kommersant*, available at: <http://www.kommersant.ru/ad/server> (accessed: 27.09.2016). (in Russian)
 15. Vinogradskij V.S., Kunicyna N.V., Konver-gentnye zhanry v sovremennoj periodike, *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki*, 2016, Vol. 5, No. 3, pp. 370-381. (in Russian)
 16. Volkova I.I., Igroye formaty multimedijnoj zhurnalistiki, *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Literaturovedenie. Zhurnal-istika*, 2014, No.1, pp. 105-112. (in Russian)
 17. Vyzhutovich V., Sjekonomit na piare, *Rossijs-kaja gazeta*, 11.05.2016., available at: <https://rg.ru/2016/03/10/valerij-vyzhutovich-ob-ogranicheniiiah-regionalnyh-rashodov-na-piar.html> (accessed: 27.09.2016). (in Russian)
 18. Zorin K.A., Mediasistema kak sovokupnost “informacionnyh tornado”, *Mediascope*, available at: <http://www.mediascope.ru/node/1655> (accessed: 27.09.2016). (in Russian)

REFERENCES

1. Dzialoshinskij I.M., *Mediaprostranstvo Ros-sii: kommunikacionnye strategii socialnyh institutov*, Moscow, Izdatelstvo APK i PPRO, 2013. (in Russian)
2. Haltek gotovit kadry zavtrashnego dnja, *Kommersant*, available at: <http://kommersant.ru/doc/2773613> (accessed: 27.09.2016). (in Russian)
3. Hramov A., My 20 let razrushali sistemu podgotovki ljudej tehničeskikh specialnostej, *Vzgljad*, available at: <http://www.vz.ru/opinions/2015/7/23/757469.html> (accessed: 27.09.2016). (in Russian)
4. Klaster: ot derevni kuznetsov do Silikonovoi doliny, in: Polit.Ru, available at: <http://polit.ru/article/2012/12/10/cluster/> (accessed: 27.09.2016). (in Russian)
5. Kolesnichenko A.V., Vyrkovskij A.V., Galkina M.Ju., Obrazcova A.Ju., Vartanov S.A. Rossijskij zhurnalist i ego rabota: issledovanie motivacii i udovletvorennosti, *Mediascope*, available at: <http://www.mediascope.ru/?q=node/2046> (accessed: 27.09.2016). (in Russian)
6. Korochenskij A.P., “Piarnalistika kak gibríd zhurnalistiki i piar: anomalija ili novyj professionalnyj normativ? Abstracts of Papers”, *Zhurnalistika, reklama i SO: novye podhody*, Voronezh, 2004, 25–26 May, 2004, p. 93. (in Russian)

«Какие изъяны очевидны в тексте, написанном PR-специалистом?»

Опрос медиа-менеджеров и журналистов (должности указаны на момент проведения опроса)

Петр Марченко, главный редактор радиостанции Сити-FM

- отсутствие глубины
- необъективность

Андрей Гулютин, заместитель главного редактора ИА Ридус

- ангажированность
- концентрация на предмете PR, а не на проблеме
- избыточность оценочных суждений

Александр Братерский, корреспондент Газеты.ру

- ангажированность
- неинтересность
- отсутствие актуальности

Дарья Соколова, редактор ГАУ МО «Ивантеевское информационное агентство Московской области»

- грамматические и стилистические ошибки

Георгий Бовт, главный редактор Русского журнала, ведущий Сити-FM

- отсутствие мысли
- избытие штампов, клише, казенщины
- отсутствие композиции и драматургии

Константин Голубенков, журналист, радиоведущий

- избытие штампов и клише
- желание выпендриться

Ольга Кубанцева, журналист, продюсер радиостанции Сити-FM

- слабая фактура
- ненужные иностранные слова

Илья Громов, редактор

- занудство

Алиса Агранат, журналист (Комсомольская правда, Собеседник)

- гламурная подача
- отсутствие фактуры и цифр
- избытие иностранных слов

Егор Серов, главный редактор «Радио-Книга»

- безграмотность (в широком смысле)
- скудный слог

Татьяна Викторова, редактор, продюсер информационного вещания ОТР

- скудность информации
- отсутствие фактуры
- безграмотный текст
- навязчивое предложение эксклюзива, которого нет

Максим Соколов, шеф-редактор «Итоговой программы на НТВ»

- непонимание технологической базы и формата
- отсутствие творческого подхода

Ольга Виноградова, редактор ТК «Москва 24»

- казенность стиля
- отсутствие желания заинтересовать
- отсутствие полезной информации для журналиста

Роман Григорьев, ведущий эфира радиостанции «Москва FM»

- шаблонность
- отсутствие эмоций
- отсутствие понимания темы

Илья Мисюченко, шеф-редактор бригады ТК «Москва 24»

- убогость стиля
- непопадание в тренд и в информационный повод

Айдер Муждабаев, зам. главного редактора «МК»

- убогость стиля
- нарочитая односторонность
- интеллектуальная нищета
- некачественные заголовки
- лобовые ходы

Антон Бильжо, журналист, режиссер

- непонимание темы
- отсутствие чувства языка

Глеб Жога, обозреватель, научный редактор «Эксперт-Урал»

- непрофессиональная подача вследствие незнания контекста
- ангажированность
- логические ошибки
- убогий стиль

Александр Марков, ведущий эфира ТК ТВ-Центр

- ангажированность
- отсутствие владения фактурой

Семен Чайка, журналист, главный редактор «Свое радио»

- убогий стиль
- поверхностность, идущая от неосведомленности автора

Приложение 2

Д.И. Денисов, главный редактор Бизнес-журнала (Москва).

Фрагмент интервью, данного автору; август 2014

— Есть процедура, которая в деловой журналистике принята. У меня большинство авторов — универсалы. Это значит, что они пишут на любые темы, у них нет прикормленных экспертов. Если они погружаются в тему — я их отправляю куда-то — нужно поработать с этим рынком. Ежемесячник позволяет: человек может за неделю изучить рынок, отчитаться, поработать с базами СМИ.

Поскольку человек не имеет «прикормленных» экспертов, он ори-

ентируется по публикациям коллег: кто круче всего высказался, кого можно привлечь. Если журналисту попадает придуманный эксперт, то у журналиста нет длительного опыта наблюдения за рынком, нет «прикормленных» экспертов, к которым постоянно ходит.

Есть такое понятие, как редакционный самотек: на дню я получаю штук 5 таких писем минимум. Как обычно PR-агентства пишут: мы внешняя PR-служба таких-то компаний, у нас есть такие-то эксперты, и они могут комментировать такие-то темы. Иногда грамотные пиарщики готовят текст, который начинают по очереди предлагать в разные места —

такого самотека тоже много. И у меня две возможности: либо я дорабатываю этот текст, и получается некая экспертная колонка, если тема интересная, либо я беру в разработку тему и в виде комментария мнение этого эксперта.

Сейчас многие редакции живут в состоянии, когда у них не хватает ресурсов: мало людей. Приветствуется во многих редакциях, как я знаю, наличие бесплатного колумниста: человек работает за «уважуху», а у

нас бесплатная полоса. Журналистов, специализирующихся на этой теме (урбанистике) в нормальных редакциях... Это должна быть очень большая редакция, чтобы был человек, специализирующийся на урбанистике. У нас, например, с 2009 года только универсалы. Поэтому когда появляется какой-то отраслевой специалист с нормальным взглядом, нормальное качество, почему бы и нет... <...>

Милославская Зоя Александровна, соискатель, кафедры русской литературы, Институт филологии и иностранных языков, Московский педагогический государственный университет, zmioslavskaya@gmail.com

Miloslavskaya Z.A., Post-graduate Student, Russian Literature Department, Institute of Philology and Foreign Languages, Moscow State University of Education, zmioslavskaya@gmail.com

УДК 81.43.24
ББК 811.112.2

РЕАЛИЗАЦИЯ ОСНОВНЫХ КОММУНИКАТИВНЫХ СТРАТЕГИЙ И ТАКТИК В ТЕКСТАХ ПЕЧАТНОЙ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОЙ РЕКЛАМЫ

А.Н. Мамедов

Аннотация. В статье представлена попытка классификации и анализа коммуникативных стратегий и тактик в текстах немецкоязычной рекламы на основе изучения используемых копирайтером языковых приемов (повторы и перечисления, причастные и аппозиционные конструкции, парцелляция и эллипсис). Рекламная коммуникация является той сферой, где присутствует сознательное и целенаправленное планирование коммуникативных действий адресантом. Создатель рекламного текста идет от четко поставленной коммуникативной задачи к ее реализации, то есть осуществляет стратегическое планирование коммуникации с целью оказать такое воздействие на потенциального потребителя, которое, по возможности, привело бы к запланированному результату. Актуальным представляется применение стратегического подхода при проведении лингвопрагматического анализа текстов печатной немецкоязычной рекламы, который состоит в выделении основных коммуникативных стратегий и номенклатуры типовых тактик, реализующих конкретную стратегию, выявлении языковых средств воздействия на адресата. Выбор коммуникативных стратегий и реализующих их тактик, а также частотность их использования имеет непосредственную зависимость от категории товара / услуги, от того какие потребности реципиента (реальные утилитарные или психологически значимые) удовлетворяет рекламируемый продукт.

Ключевые слова: тексты печатной немецкоязычной рекламы, коммуникативные стратегии и тактики, рациональная стратегия, эмоциональная стратегия, стилистико-синтаксические приемы экспансии.

389

IMPLEMENTATION OF THE MAIN COMMUNICATIVE STRATEGIES AND TACTICS IN THE GERMAN PRINT ADVERTISING TEXTS

A.N. Mamedov

Abstract. *The article presents an attempt to classify and to analyze communicative strategies and tactics in the German advertising texts based on examination of commonly used language techniques by copywriter (repetition and enumeration, participial and appositive constructions, parceling and elipsis). In the advertising communication there is a conscious and purposeful planning of communicative actions by the sender. The creator of the advertising text starts from a clearly defined communicative task to its implementation, i.e. strategic planning of communication aimed at influencing a potential consumer, which, possibly, would lead to the planned result. It is considered to be relevant the application of a strategic approach in conducting linguapragmatic analysis of the German print advertising texts, which includes the identifying of the main communicative strategies and list of standard tactics that implement a concrete strategy and identifying of the linguistic means of influence on the addressee. The choice of communicative strategy and tactics realizing them, as well as the rate of their use has a direct dependence on category of goods / service, on that what demands of the recipient (real utilitarian or psychologically significant) satisfies the advertised product.*

Keywords: *German print advertising, communication strategies and tactics, rational strategy, emotional strategy, stylistic and syntactic reduction / expansion.*

390

За последние десятилетия заметно возрос интерес отечественных и зарубежных исследователей к одному из актуальных направлений современной лингвистики – коммуникативным стратегиям и тактикам [1–7].

В связи с этим в коммуникативистике и лингвистической прагматике все более популярным становится так называемый «стратегический» подход, в рамках которого анализируются стратегии, обеспечивающие достижение субъектом воздействия коммуникативной цели. С точки зрения речевого воздействия, стратегию можно рассматривать только с помощью анализа тактик, поскольку

стратегия в переводе с греческого (stratos «войско» + ago «веду») – искусство планирования, основанного на правильных и далеко идущих прогнозах, а тактика (греч. «искусство построения войск») – это использование приемов, способов достижения какой-либо цели, линия поведения кого-либо [8, с. 21, 22]. По мнению О.С. Иссерс, понятие стратегия, заимствованное прагматикой из военного искусства, во главу угла ставит победу, которая понимается как результативное воздействие на слушателя, как трансформация его модели мира в желательном для говорящего направлении [6, с. 70].

Несомненно, что рекламная коммуникация является той сферой, где присутствует сознательное и целенаправленное планирование коммуникативных действий адресантом. Создатель рекламного текста идет от четко поставленной коммуникативной задачи к ее реализации, то есть осуществляет стратегическое планирование коммуникации с целью оказать такое воздействие на потенциального потребителя, которое, по возможности, привело бы к запланированному результату. Таким образом, именно в данной сфере более всего уместно применение терминов «стратегия» и «тактика» [9, с. 6, 47].

Актуальным, вероятно, представляется применение стратегического подхода при проведении лингвопрагматического анализа текстов печатной немецкоязычной рекламы, который состоит в выделении основных коммуникативных стратегий и номенклатуры типовых тактик, реализующих конкретную стратегию, выявлении языковых средств воздействия на адресата. Поскольку построение рекламного текста базируется на механизмах речевого воздействия, предметом целенаправленного рассмотрения является вербальный компонент – языковые приемы, стилистико-синтаксические конструкции экспансии / редукции, воплощающие коммуникативные стратегии и тактики в исследуемых нами текстах.

Итак, в данной статье представлена попытка классификации и анализа коммуникативных стратегий и тактик в текстах немецкоязычной рекламы, на основе изучения используемых копирайтером языковых приемов (повторы и перечисления,

причастные и аппозиционные конструкции, парцелляция и эллипсис).

На сегодняшний день имеется лишь небольшое количество исследований, анализирующих рекламное речевое воздействие в терминах коммуникативных стратегий и тактик. К наиболее заметным из них относятся работы Ю.К. Пироговой [2001], Е.С. Поповой [2005], А.А. Горячева [2010], О.В. Стрижковой [2012].

В настоящем исследовании коммуникативная стратегия, вслед за Е.С. Поповой, трактуется как сверхзадача, идущая от адресанта, направленная на достижение коммуникативной или практической цели, и рассчитанная на определенный перлокутивный эффект. Стратегия задает угол зрения на предмет речи, предполагает отбор фактов и их подачу в определенном освещении для воздействия на интеллектуальную, волевою и эмоциональную сферу адресата [11, с. 278-280].

Тактика определяется как «одно или несколько действий, которые способствуют реализации стратегии» [6, с. 110], или, что несколько точнее, как «некое речевое действие, направленное на решение одной задачи в рамках одной стратегической цели» [11]. Если стратегия реализуется с помощью одной или нескольких тактик, то тактика (план содержания), в свою очередь, манифестируется в приеме (плане выражения). Прием (речевой ход) определяет использование вербальных и невербальных средств, для выражения инвариантного тактического смысла [там же]. Под языковыми приемами подразумеваются отобранные и использованные адресантом языковые средства, реализующие тактический

и стратегический планы речевого воздействия [9, с. 50].

Так, стилистико-синтаксические приемы экспансии / редукции немецкоязычного рекламного предложения в их разнообразном лексическом наполнении, с одной стороны, участвуют в передаче информации модификацией своих значений, конденсируют идеи рекламодателя на определенном текстовом фрагменте. С другой стороны, интенционально маркированные единицы языка создают эмотивное предрасположение, синтаксические образы трансформируются в образы эмоциональные, вследствие чего у покупателя может возникнуть желание проверить соответствие языкового кода реально существующему рекламному продукту. Использование данных приемов связано с их полифункциональностью и представляется стратегическим выбором адресанта для реализации речевого воздействия с целью побудить реципиента-потребителя к покупке рекламируемого продукта [13, с. 4]. Таким образом, в актах рекламной коммуникации адресант преследует неречевые цели, достижение которых осуществляется под контролем «глобального намерения», или стратегии [6, с. 50].

Коммуникативные стратегии в рекламном сообщении можно классифицировать по типу воздействия. Воздействие коммуникативных стратегий основано на формировании мотивов и потребностей. Знание продукта важно для анализа рациональных или эмоциональных причин его покупки и последующего выбора рекламной мотивации. В зависимости от того на чем строится рекламная мотивация — на утилитарных свойствах продукта, или на его

психологически значимых (часто воображаемых) достоинствах, выделяются рациональный и эмоциональный (проекционный) типы рекламы, выступающие в качестве альтернативных каналов рекламного воздействия на реципиента-потребителя [14, с. 36; 15].

Встречается реклама, которая может сочетать утилитарную и психологическую мотивацию, предлагать, например инновационные технологии *BMW EfficientDynamics*, способные обеспечить удовольствие от вождения, минимальный расход топлива и низкий уровень выхлопа *CO2*. В следующем тексте рекламы косметического молочка из серии *“Zauber Zart”* эмоциональные и рациональные доводы акцентируются на важных для потребителя свойствах продукта: *Die pflegenden Milchbäder aus der “Zauber Zart” Serie schenken der Haut intensive Feuchtigkeit und machen sie wohltuend geschmeidig, ganz ohne öligen Film (Der Spiegel № 47/16.1.09: 49) – Пумательное молочко для ванны из серии «Волшебная нега» подарит Вашей коже интенсивную влажность и приятное ощущение упругости без эффекта жирной пленки* (пер. мой – А.М.). В обоих рассмотренных примерах используется смешанный (комбинированный) тип рекламирования, сочетающий как рациональное, так и эмоциональное воздействие.

Анализ корпуса текстов печатной коммерческой рекламы на немецком языке из журналов *“Der Spiegel”* и *“Stern”* (2009–2014 гг.) в количестве 300 единиц, для которых характерна высокая содержательная и эмоциональная насыщенность, показал, что спланированное воздействие на сознание реципиента-потребителя осу-

ществляется путем выстраивания рациональной аргументации и через эмоциональную сферу [10].

Итак, в зависимости от типа воздействия нами были выделены следующие базовые коммуникативные стратегии, используемые при продвижении немецкоязычных рекламных текстов товаров / услуг:

- рациональная стратегия, воздействующий потенциал которой реализуется в употреблении логических доводов о соответствии качества рекламируемого продукта определенным потребностям реципиента;
- эмоциональная стратегия, мотивационное воздействие которой достигается посредством создания привлекательного для потребителя образа, настроения, чувства;
- комбинированная (смешанная) стратегия, использующая как рациональный, так и эмоциональный способы воздействия.

Перечисленные стратегии реализуются посредством коммуникативных тактик. Названия наиболее часто встречающимся тактикам присваивались согласно «семантическим биркам», в которых обобщенно представлено значение того или иного коммуникативного приема, выступающего в качестве инструмента реализации той или иной речевой тактики [6, с. 117, 130].

Актуализация рациональной стратегии, связанной с конструированием информационного ядра сообщения, происходит посредством тактики презентации и тактики апелляции к авторитету. Эмоциональная стратегия, оказывающая более сильное мотивационное воздействие на покупательское поведение, нежели «разумные» доводы, реализуется при

помощи тактики апелляции к удовольствию / наслаждению, тактики восхваления, тактики апелляции к чувствам любви к близким.

Анализируемый материал – тексты печатной немецкоязычной рекламы в количестве 300 единиц – был систематизирован в двенадцать групп в зависимости от назначения и вида товаров / услуг. К числу наиболее рекламируемых товаров относятся автомобили и аксессуары (104), бытовая техника (58), компьютерная техника (16), часы (20), галантерейная продукция (14), предметы косметики и парфюмерии (7), продукты питания (бакалейная и гастрономическая продукция) (22), лекарственные препараты (9). В качестве основных объектов рекламы услуг выступают следующие группы услуг: финансовые (22), страховые (19), юридические (1), услуги авиаперевозок (8).

Выбор типа стратегии, а также частотность употребления в значительной степени зависит от того, какие потребности реципиента (реальные утилитарные или психологически значимые) удовлетворяет рекламируемый продукт [14, с. 34, 36]. Мы зафиксировали 256 случаев употребления (85,3 %) рациональной стратегии и реализующих ее тактик в текстах товаров / услуг.

Высокой частотностью в немецкоязычных рекламных текстах рационалистического типа характеризуется тактика презентации (238 из 256), основной целью которой является донесение до потенциального потребителя аргументированной информации о рекламируемом продукте, его свойствах, преимуществах и достоинствах. Реклама технически сложных товаров (автомобили, бытовая и

компьютерная техника, часы), лекарственных препаратов, финансовых и страховых услуг построена в большей степени на рациональных аргументах. *Тактика презентации* направлена на демонстрацию конечному потребителю практической пользы товаров / услуг, их свойств, преимуществ, особенностей. Информационная составляющая текста рекламы немецкого производителя бытовой техники премиум-класса актуализируется, например, детальным описанием интеллектуальных функций стиральной машинки:

<...> *die neue Miele mit AutoDos-Modul dosiert automatisch die richtige Menge an Flüssig- oder Pulverwaschmittel — und spart so bis zu 30% Waschmittel. Nach dem Waschvorgang glättet SteamCare Ihre Wäsche mit drei verschiedenen Bedampfungsarten und reduziert den Bügelaufwand um bis zu 50%. So erhalten Sie ein perfektes Waschergebnis – Tag für Tag (Der Spiegel № 48/29.11.10: 107).*

<...> *новая стиральная машинка Miele с системой AutoDos автоматически дозирует необходимое количество воды или стирального порошка – и экономит до 30% моющих средств. После окончания стирки система SteamCare обеспечивает выбор одной из трех программ для разглаживания Вашего белья паром и позволяет сократить время на глажку белья до 50%. Таким образом, Вы получаете превосходный результат стирки – каждый день (пер. мой – А.М.).*

Частота употребления *тактики апелляции к авторитету* составляет 7,1% (18 из 256). Тактика апелляции к авторитету, обладает большой убедительностью и актуализируется в употреблении прецедентных имен, цитат, ссылок на авторитетный источник, рейтинги и опросы общественности, ссылок на основателя компании по производству данной категории товара. Приведем примеры:

ROLAND Rechtsschutz ist Ihr starker Partner in Sachen Recht (Stern № 21/20.5.2010: 73).

Roland¹ Правовая защита — Ваш надежный партнер по правовым вопросам.

„Unser großes Ziel ist eine Null Null Unfälle“.

Der Leitsatz Gottlieb Daimlers, «Das Beste oder nichts», spornt jeden Mitarbeiter bei Mercedes-Benz an (Stern № 33 12.8.2010: 27).

«Наша главная цель — снизить аварийность. До нуля».

Лозунг Готлиба Даймлера «Лучшее или ничего» мотивирует каждого сотрудника компании «Мерседес-Бенц» (пер. мой. — А.М.).

Как известно, наиболее авторитетные в глобальной авиа отрасли рейтинги качества услуг составляет британское консалтинговое агентство Skytrax. По итогам исследования удовлетворенности авиапассажиров компания Skytrax присуждает лучшей авиакомпании престижную премию World Airline Awards. В качестве примера рассмотрим два

¹ Роланд — знаменитейший из героев французских эпических сказаний цикла Карла Великого. Роланд является не только образцом христианского рыцаря и лучшим витязем Карла, но и родным его племянником <http://ru.wikipedia.org/wiki/>

рекламных текста услуг авиакомпании “*Turkish Airlines*” (Турецкие авиалинии), которая стала победительницей конкурса *World Airline Awards* в номинации «Лучшая компания Южной Европы»:

Europas Beste Airline.

2012 aufs Neue.

Über 18 Millionen Passagiere wurden 2011 bei den Skytrax World Airline Awards befragt — die größte Erhebung zur Zufriedenheit von Fluggästen weltweit. Wir wurden „Europas Beste Airline“

Die Auszeichnung hat uns beflügelt...

Unsere Sitze sind noch bequemer, unsere Bordmahlzeiten sind noch köstlicher, unser Streckennetz ist noch größer geworden.

Deshalb sind wir auch 2012 „Europas Beste Airline“.

Globally Yours / TURKISH AIRLINES (Der Spiegel № 37/10.9.12: 4).

Снова лучшая авиакомпания Европы в 2012.

В 2011 году компания Skytrax провела конкурс World Airline Awards («Премии выбора пассажиров») – крупнейшее в мире исследование удовлетворенности авиапассажиров, в ходе которого было опрошено более 18 миллионов человек. Мы стали «Лучшей авиакомпанией Европы».

Награда нас окрылила...

Наши кресла стали еще удобнее, наше бортовое питание стало еще вкуснее, маршрутная сеть нашей компании расширилась.

Поэтому мы стали «Лучшей авиакомпанией Европы» и в 2012 году.

Глобально Ваши / Турецкие авиалинии

17,9 Millionen Vielflieger haben entschieden: Türkisch Airlines ist die beste Airline in Südeuropa (Stern № 36 2.9.2010: 14).

17,9 миллионов часто летающих пассажиров сделали свой выбор: Турецкие авиалинии – лучшие авиалинии Южной Европы (пер. мой – А.М.).

Средствами реализации тактики апелляции к разуму в рассмотренных выше рекламных текстах выступают отобранные адресантом языковые приемы, стилистико-синтаксические приемы экспансии. Дистантный повтор словосочетания “*Europas Beste Airline*” помогает усилить восприятие положительных свойств рекламируемого продукта и выделить его в ряду конкурирующих. Синтаксический параллелизм “*Unsere Sitze sind noch bequemer, unsere Bordmahlzeiten sind noch köstlicher, unser Streckennetz ist noch größer geworden*” способствует ритмизации рекламного текста и более четкому его восприятию. Повтор притяжательного местоимения “*unsere*” в анафорической позиции имеет целью удержать, закрепить в памяти реципиента устойчиво подчеркиваемый повторением элемент, установить ассоциативную связь между предметами изображения, которые связаны и тематически. Формы сравнительной степени “*bequemer, köstlicher, größer*” используются для сравнительного позиционирования, то есть сравнения объекта рекламирования с альтернативными объектами. В приведенных текстах присутствуют аппозиционные конструкции с субстантивным определяющим в постпозиции. Функция субстантивного определяющего “*die größte Erhebung zur*

Zufriedenheit von Fluggästen weltweit – «крупнейшее в мире исследование удовлетворенности авиапассажиров» сводится к краткому пояснению названия престижного конкурса *World Airline Awards*, традиционно проводимого среди мировых авиакомпаний.

Аппозиционная конструкция *“Turkisch Airlines ist die beste Airline in Südeuropa”* – «*Турецкие авиалинии – лучшие авиалинии Южной Европы*» информирует потенциальных авиапассажиров о самом высоком рейтинге Турецких авиалиний среди авиакомпаний Южной Европы.

Как уже было отмечено ранее, выбор коммуникативной стратегии, как правило, определяется видом рекламируемого товара / услуги. Тексты рекламы предметов косметики и парфюмерии, продуктов питания, финансовых и страховых услуг построены в рамках эмоциональной стратегии. Составители рекламных сообщений стараются вызвать сильные эмоции, которые, как известно, тормозят сознательную интеллектуальную деятельность [16, с. 470] и снижают вероятность критического осмысления сообщения.

Нами зафиксировано 36 случаев употребления (12,1%) эмоциональной стратегии и реализующих ее тактик в текстах товаров / услуг. Обратимся к одной из основных тактик, реализующих стратегию эмоционального типа, тактике апелляции к удовольствию / наслаждению (18 из 36).

В немецкоязычных текстах рекламы предметов косметики и парфюмерии, продуктов питания используются гедонистические мотивы, адресант апеллирует к потребностям адресата, связанным с получе-

нием удовольствия, наслаждением вкусом и ароматом продукта: *Fürst von Metternich. Fürstlich genießen (Der Spiegel № 49/6.12.10: 45) – Буно изгустое Fürst von Metternich. Наслаждаться по-королевски* (пер. мой. – А.М.). Гедонистические выгоды – эстетические характеристики, осязаемые при физическом контакте и связанные с удовольствием и радостью [17, с. 278], являются основным мотивационным фактором, определяющим решение потребителя при покупке, например, ароматической пены для ванны *“Seelentröster”* от компании *Kneipp*:

Schokolade macht glücklich.

Baden Sie darin.

Das neue Aroma-Pflegeschaumbad «Seelentröster» mit Schokoladenduft.

Gegen einen schlechten Tag ist kein Kraut gewachsen. Aber jetzt kann er zumindest ein süßes Ende nehmen: mit Kneipp „Seelentröster“.

Schokoladenbraune Farbe, süßer Kakaoduft und pflegendes Mandelöl entspannen Körper, Geist und Seele. Und wecken, wonach Sie sich nach einem langen Tag gesehnt haben: echte Glücksgefühle. Die können Sie dank des lang anhaltenden weißen Schaums übrigens voll auskosten. www.kneipp.de (Der Spiegel № 49/6.12.10: 192).

Шоколад делает счастливым.

Искупайтесь в нем.

Новая ухаживающая ароматическая пена для ванны «Успокаивающая с какао».

От плохого дня никто не застрахован. Но теперь его окончание может быть, по меньшей мере, приятным: вместе с пеной для ванны «Успокаивающая с какао» от Kneipp.

Шоколадно-коричневый цвет, сладкий запах какао и питательное

масло миндаля расслабит Ваше тело, ум и душу. И пробудит в Вас то, чего Вы жаждали после длинного дня: ощущения настоящего счастья. Кстати, ими Вы можете насладиться в полной мере благодаря белой пене, которая долго держится (пер. мой – А.М.).

К языковым приемам реализации тактики апелляции к удовольствию / наслаждению в рассматриваемом нами тексте следует отнести императивную конструкцию *“Baden Sie darin”*, а также инфинитивную конструкцию с модальным значением *“können <...> auskosten”*. Аппозиционные конструкции с субстантивным определяющим в постпозиции *“mit Kneipp ‘Seelentröster’, echte ‘Glücksgefühle’”*, активизируют внимание адресата на эмоциональных аргументах, относящихся к названию продукта компании Kneipp и его психологически значимых достоинствах. Употребление лексических единиц с семантикой «счастье / Glück» способствует созданию благоприятного эмоционального настроения. Причастная конструкция с атрибутивным значением, включающая распространенное причастие I в препозитивном определении *“dank des lang anhaltenden weißen Schaums”*, служит подчеркиванию качественных характеристик описываемого продукта. Причастие I *“anhaltend”* формирует семантическое значение фазовости, незавершенности процесса без какого-либо указания на его предел (прямая интерпретация — длительное сохранение свойств и качеств товара).

Коммуникативная тактика восхваления товара / услуги (12 из 36)

основывается на эмоциональных механизмах воздействия и характерна для текстов рекламы автомобилей, продуктов питания. Данная тактика предполагает восхваление рекламируемого товара путем подчеркивания его уникальности, принципиальных отличий от аналогичных товаров конкурентов или просто путем прямого восхваления обычных его качеств.

При реализации тактики восхваления используются такие атрибутивные единицы, как «уникальный / einzigartig, вне конкуренции / konkurrenzlos, особенный / besonders». Нередко встречаются и конструкции с отрицанием *“noch nie da gewesen”*, которые акцентируют уникальность рекламируемого продукта, способствуя оптимальному воздействию на адресата. Например:

Auch beim Begeistern bleibt der neue BMW X3 konkurrenzlos (Der Spiegel № 47/22.11.10: 2).

Восторг от BMW X3 также ни с чем не сравним (пер. мой – А.М.).

Das einzig wahre Warsteiner (Stern № 32 5.8.2010: 119).

Единственно верный Warsteiner (пер. мой – А.М.).

Erlesene Weine prägen seinen besonderen Geschmack (Stern № 21/20.5.2010: 53).

Изысканные вина отличаются особым вкусом (пер. мой – А.М.).

В текстах рекламы финансовых и страховых услуг используется тактика апелляции к чувствам любви к близким адресата. Данная тактика осуществляется за счет демонстрации искренней заботы о родных и близких клиента, апелляции к значимым для него понятиям, а также

конструирования ситуации после потребления объекта рекламирования. Адресант предлагает инвестиционные накопительные программы, привлекательные варианты страховых программ, которые позволят обеспечить финансовое благополучие ребенка, экстренную помощь при серьезных заболеваниях или наступлении несчастного случая: *Union Investment. Treten Sie ein und sichern Sie Ihrem Kind jetzt gute Chancen. Mit dem neuen Sparplan UniNachWuchs von Union Investment (Stern № 38 13.09.2012: 67) – Инвестиционный фонд Union Investment. Вступайте в инвестиционный фонд и обеспечьте Вашему ребенку хорошие шансы уже сейчас. С помощью нового накопительного плана для ребенка от Union Investment. Mit dem Kinderschutzpaket von AXA sichern Sie sich und Ihren Kindern bei schwerwiegenden Krankheiten oder Unfallfolgen unsere sofortige Unterstützung. – С помощью пакета программ страховой защиты ребенка от компании AXA Вы гарантируете себе и Вашим детям экстренную помощь при серьезных заболеваниях или наступлении несчастного случая. Machen Sie den Kindern ein noch größeres Geschenk – mit Ihrer Pflege-Zusatzversicherung (Der Spiegel № 51/17.12.12: 89). – Сделайте Вашим детям более весомый подарок – Ваш договор дополнительного страхования по уходу. Среди стилистико-синтаксических приемов, которые в силу своего построения привлекают внимание реципиента-потребителя и вызывают его ответную положительную реакцию можно выделить: парцелляцию косвенных дополнений, уточняющих содержательную сторону базовой части*

“Mit dem neuen Sparplan UniNachWuchs von Union Investment”, аппозиционную конструкцию с субстантивным определяющим в постпозиции “mit Ihrer Pflege-Zusatzversicherung”.

Комбинированная стратегия в немецкоязычных текстах рекламы лекарственных препаратов, финансовых и страховых услуг представлена тактикой показа проблемной ситуации и способа выхода из нее (8 из 8). Например:

Halskratzen? Reizhusten? Stimme weg?

GeloRivoice Hydrogel Komplex. Lindert Reizungen im Mund- und Rachenraum effektiv. Schnell spürbar und langanhaltend www.gelorivoice.de (Der Spiegel № 17/22.4.13: 45).

Першение в горле? Кашель? Пропал голос?

Препарат GeloRivoice Hydrogel Komplex. Эффективно снимает раздражение в полости рта и глотке. Обеспечивает быстрый, ощутимый результат и пролонгированное действие (пер. мой – А.М.).

Тактика показа проблемной ситуации и способа выхода из нее осуществляется посредством употребления в зачине сообщения вопросительных предложений, которые выполняют функцию постановки проблемы перед адресатом. Далее следует аргументативный блок, представляющий способы решения проблемы. Парцеллированная конструкция в рекламном предложении препарата от кашля *“GeloRivoice Hydrogel Komplex. Lindert Reizungen <...>. Schnell spürbar und langanhaltend”* призвана детализировать сообщение, увеличить его информатив-

ность, что, безусловно, способствует успешному позиционированию продукта известного бренда *GeloRevoice*. Уместно и психологически оправданно применение аппозиционной конструкции с субстантивным определяющим в постпозиции “*aufs Gesundwerden*”, служащей для привлечения внимания адресата при подаче важной информации в рекламе программы страхования от несчастных случаев *ERGO*.

Таким образом, в ходе анализа текстов печатной рекламы в немецкоязычных журналах “*Der Spiegel*” и “*Stern*” в количестве 300 единиц было установлено, что исследуемые стратегии реализуются посредством тактик, выделенных нами согласно основным мотивам данных стратегий. Выбор коммуникативных стратегий и реализующих их тактик, а также частотность их использования имеет непосредственную зависимость от категории товара / услуги, от того какие потребности реципиента (реальные утилитарные или психологически значимые) удовлетворяет рекламируемый продукт.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Демьянков, В.З. Конвенции, правила и стратегии общения: (Интерпретирующий подход к аргументации) [Текст] / В.З. Демьянков // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – 1982. – Т. 41. – № 4. – С. 327-337.
2. Dijk, T. A. van. Strategies of Discourse Comprehension [Text] / T.A. van Dijk, W. Kintsch. – New York: Academic Press, 1983. – 418 p.
3. Койт М.Э. Понятие коммуникативной стратегии в модели общения [Текст] / М. Койт, Х.Я. Ыйм // Ученые записки Тартуского университета. Вып. 793. Психологические проблемы познания действительности. – Тарту, 1988. – С. 97-111.
4. Дейк Т.А. ван. Стратегия понимания связного текста [Текст] / Т.А. ван Дейк, В. Кинч // Новое в зарубежной лингвистике. – 1988. – Вып. 23. – С. 153-211.
5. Почепцов, Г.Г. Коммуникативная стратегия и тактика [Текст] / Г.Г. Почепцов // Диалог глазами лингвиста: Межвузовский сборник научных трудов. – Краснодар, 1994. – С. 33-43.
6. Иссерс, О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи [Текст] / О.С. Иссерс. – Изд. 5-е. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 288 с.
7. Янко, Т.Е. Коммуникативные стратегии русской речи [Текст] / Т.Е. Янко. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 387 с.
8. Паршина, О.Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России: Дис. ... д-ра филол. наук [Текст] / О.Н. Паршина. – Саратов, 2005. – 332 с.
9. Горячев, А.А. Моделирование речевого воздействия в рекламной коммуникации: Дис. ... канд. филол. наук [Текст] / А.А. Горячев. – СПб., 2010. – 296 с.
10. Пирогова, Ю.К. Стратегии коммуникативного воздействия в рекламе: опыт типологизации [Текст] / Ю.К. Пирогова // Труды Международного семинара Диалог-2001 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. Том 1. – Аксаково, РосНИИ ИИ – ИПИ РАН, 2001. – С. 209-227.
11. Попова, Е.С. Рекламный текст и проблемы манипуляции: Дис. ... канд. филол. наук [Текст] / Е.С. Попова. – Екатеринбург, 2005. – 256 с.
12. Стрижкова, О.В. Специфика реализации коммуникативных стратегий в рекламном дискурсе: Дис. ... канд. филол. наук [Текст] / О.В. Стрижкова. – Челябинск, 2012. – 174 с.
13. Мамедов, А.Н. Стилистико-синтаксические приемы экспансии немецкоязычного рекламного предложения при переводе на русский язык: Монография [Текст] / А.Н. Мамедов. – М.: МПГУ, 2011. – 136 с.
14. Назайкин, А.Н. Рекламный текст в современных СМИ: практическое пособие [Текст] / А.Н. Назайкин. – М.: Эксмо, 2007. – 352 с.

15. Чаудхури, А. Эмоции и рассудок: Их влияние на поведение потребителя [Текст] / А. Чаудхури. – М.: Изд-во «Группа ИДТ», 2007. – 256 с.
16. Рубинштейн, С.Л. Основы общей психологии [Текст] / С.Л. Рубинштейн. – М.: Госучпедгиз РСФСР, 1946. – 704 с.
17. Радущинский, Д.А. Формирование доверия потребителей к собственной торговой марке розничной сети [Текст] / Д.А. Радущинский, О.А. Шарапова // Проблемы современной экономики. – 2009. – № 4. – С. 277-280.

REFERENCES

1. Chaudhuri A., *Emocii i rassudok: ix vliyanie na povedenie potrebitelya*, Moscow, gruppa idt, 2007, 256 p. (in Russian)
2. Dejk T.A. van, Kinch V., “Strategiya ponimaniya svyaznogo teksta”, in: *Novoe v zarubezhnoj lingvistike*, 1988, vyp. 23, pp. 153-211. (in Russian)
3. Dejk T.A. van, Kintsch V., *Strategies of discourse comprehension*, New York, academic press, 1983, 418 p. (in Russian)
4. Demyankov V.Z., Konvencii, pravila i strategii obshheniya: (interpretiruyushij podkhod k argumentacii), *Izvestiya Akademii nauk USSR, Ser. literatury i yazyka*, 1982, Vol. 41, No. 4, pp. 327-337. (in Russian)
5. Goryachev A.A., *Modelirovanie rechevogo vozdejstviya v reklamnoj kommunikacii, Extended abstract of PhD dissertation (Philology)*, St. Petersburg, 2010, 296 p. (in Russian)
6. Issers O.S., *Kommunikativnye strategii i taktiki russkoj rechi*, 5nd., Moscow, izdatelstvo lki, 2008, 288 p. (in Russian)
7. Kojt M.E., Yjm X.Ya., “Ponyatie kommunikativnoj strategii v modeli obshheniya”, in: *Uchenie zapiski tartusskogo universiteta, Vyp. 793, Psixologicheskie problemy poznaniya dejstvitelnosti*, Tartu, 1988, pp. 97-111. (in Russian)
8. Mamedov A.N., *Stilistiko-sintaksicheskie priyomy ekspansii nemeckoyazychnogo reklamnogo predlozheniya pri perevode na russkij yazyk: monografiya*, Moscow, 2011, 136 p. (in Russian)
9. Nazajkin A.N., *Reklamnyj tekst v sovremennyx smi: prakticheskoe posobie*, Moscow, eksmo, 2007, 352 p. (in Russian)
10. Parshina O.N., *Strategii i taktiki rechevogo povedeniya sovremennoj politicheskoy elity rossii, ScD dissertation (Philology)*, Saratov, 2005, 332 p. (in Russian)
11. Pirogova Yu.K., “Strategii kommunikativnogo vozdejstviya v reklame: opyt tipologizacii”, in: *Proceedings of the International seminar Dialog–2001 po kompyuternoj lingvistike i ee prilozheniyam*, Vol. 1, Aksakovo, rosnii ii – Ipi ran, 2001, pp. 209-227. (in Russian)
12. Pochepcov G.G., “Kommunikativnaya strategiya i taktika”, in: *Dialog glazami lingvista: mezhvuzovskij Collection of scientific papers*, Krasnodar, 1994, pp. 33-43. (in Russian)
13. Popova E.S., *Reklamnyj tekst i problemy manipulyacii, Phd dissertation (Philology)*, Ekaterinburg, 2005, 256 p. (in Russian)
14. Radushinskij D.A., Sharapova O.A., *Formirovanie doveriya potrebitel'ev k sobstvennoj trgovoj marke roznichnoj seti, Problemy sovremennoj ekonomiki*, 2009, No. 4, pp. 277-280. (in Russian)
15. Rubinshtejn S.I., *Osnovy obshhej psixologii*, Moscow, 1946, 704 p. (in Russian)
16. Strizhkova O.V., *Specifika realizacii kommunikativnyx strategij v reklamnom diskurse, Phd dissertation (Philology)*, Chelyabinsk, 2012, 174 p. (in Russian)
17. Yanko T.E., *Kommunikativnye strategii russkoj rechi*, Moscow, yazyki slavyanskoj kultury, 2001, 387 p. (in Russian)

Мамедов Артур Нарманович, кандидат филологических наук, доцент, кафедра контрастивной лингвистики, Институт иностранных языков, Московский педагогический государственный университет, arturnm@yandex.ru

Mamedov A.N., PhD in Philology, Associate Professor, Contrastive Linguistics Department, Institute of Foreign Languages, Moscow State University of Education, arturnm@yandex.ru

УДК 821.111

ББК 83.3(4)

АНТИЧНАЯ ТРАДИЦИЯ В ЦИКЛЕ «ПОРТУГАЛЬСКИЕ СОНЕТЫ» ЭЛИЗАБЕТ БАРРЕТТ БРАУНИНГ

К.А. Нагайцева

Аннотация. Статья посвящена античной традиции в цикле «Португальские сонеты» английской поэтессы XIX века Элизабет Барретт Браунинг. Обращение к античности является характерным не только для поэтики цикла, но для всего творчества поэтессы. Изучаются причины ее обращения к античной традиции, которые связаны как с культурной атмосферой в викторианской Англии, так и с творческой индивидуальностью Э. Барретт Браунинг. Автор статьи приходит к выводу, что для цикла «Португальские сонеты», прежде всего, античная традиция «Диалогов» Платона стала основным организующим принципом.

Ключевые слова: Элизабет Барретт Браунинг, сонетный цикл, античные мотивы, Платон, диалектика, альтер эго автора.

ANTIQUE TRADITION IN THE CYCLE “SONNETS FROM THE PORTUGUESE” BY ELIZABETH BARRETT BROWNING

401

K.A. Nagaytseva

Abstract. The article focuses on the antique tradition in the cycle «Sonnets from the Portuguese» by Elizabeth Barrett Browning, an English poetess of the XIX century. The appeal to Antiquity is characteristic not only for the poetics of the cycle, but for the entire work of the poet. Attention is drawn to the reasons of this appeal that are associated with both the cultural atmosphere of Victorian England and the creative individuality of Elizabeth Barrett Browning. The author of the article concludes that for the cycle, first of all, the antique tradition of Plato's «Dialogues» is the main structural principle.

Keywords: Elizabeth Barrett Browning, a sonnet cycle, antique motives, Plato, dialectics, alter ego of the author.

Исследование творчества одной из наиболее ярких представительниц литературы викторианской Англии Элизабет Барретт Браунинг (1806–1861) стало актуальной проблемой для современного российского литературоведения в связи с активизацией интереса к ее творчеству в начале XXI века. Именно тогда русский читатель получил возможность познакомиться с новым прочтением сонетного цикла «Португальские сонеты» в переводе поэтов-эмигрантов М.О. Цетлина (Амари) и И. Астрова. Знаковым событием стала републикация цикла в том же переводе в 2011 г. издательством «Водолей», что говорит о заметном читательском интересе к творчеству английской поэтессы, в частности, к циклу «Португальские сонеты». Сорок четыре сонета цикла представляют собой поэтическую трансформацию реальных событий и переживаний поэтессы с момента первой встречи с Робертом Браунингом до заключения брака. Эволюция чувств передана настолько точно и последовательно, что цикл можно охарактеризовать как своеобразный поэтический дневник поэтессы или, по определению Г.В. Адамовича, «человеческий документ» [1, с. 3]. Поэтическое воплощение небольшого романтического отрезка жизни поэтессы обусловило автобиографическую структура цикла, однако, в нем также нашли свое переосмысление античные мотивы.

Цикл «Португальские сонеты» создавался в 1845–1846 гг.; первая публикация состоялась в 1847 г., затем последовала вторая публикация в 1850 г. Середину XIX века в Англии, как, впрочем, и всю викторианскую эпоху можно охарактеризовать

как напряженное время слома традиционных представлений о мироздании и природе человека. Рационализм и развитие науки, индустриальная революция, вызвавшая рост урбанизации и начало экономического роста, спровоцировали то напряжение, которое ощущалось на протяжении всей викторианской эпохи. В 1830–1833 гг. создаются «Основы геологии» Чарльза Лайелла, доказавшего, что изменения в животных и растительных организмах не происходят вследствие катастроф, как признавалось ранее, но являются результатом непрерывного развития. Роберт Чемберс в «Рудиментах творения» (1844) утверждал, что органические существа не были созданы изначально, но прошли сложный путь эволюции. В 1859 г. вышла в свет знаменитая книга Дарвина «О происхождении видов», которая ставила под сомнение достоверность библейской Книги Бытия, и разрушала традиционное представление о нравственном облике природы [2, с. 4]. Подобные открытия и перевороты в общественном сознании явились своеобразным потрясением. Как и любая ломка устоявшихся традиций и представлений вызывает желание обернуться назад, обратить свой взгляд на «лучшее» прошлое, так и революционные научные, промышленные и социальные события подтолкнули англичан к неосознанной ответной реакции, выражением которой явилось, в частности, явление Викторианского эллинизма (Victorian Hellenism). Причиной возрождения интереса поэтов, художников, романистов XIX века к античной культуре явилось не только стремление осмыслить ис-

токи и пути развития западноевропейской цивилизации, но и заново определить свое место в истории, свой взгляд на мир. Цель археологических раскопок, исследований памятников классических древностей заключалась также в стремлении дать иллюстративный материал к историческим или поэтическим произведениям античности [3, с. 9].

Феномен неозллизинизма в Викторианской Англии можно разделить на два направления: идеалистическое и практическое. В идеалистическом аспекте столь серьезное увлечение историей и искусством Древней Греции представляло собой эскапизм; позволило найти в античности тот ушедший идеал прошлого, поэтического и философского восприятия мира, который вытеснялся современными реалиями. Так, например, наиболее важной чертой греческого возрождения стало возобновленное влияние Платона [4]. Идея философа о сосуществовании двух миров, где «входящие в нее и выходящие из нее вещи – это подражания вечносущему, отпечатки по его образцам, снятые удивительным и неизъяснимым способом» [5, с. 534], оказались близки викторианцам в условиях кризиса веры, религиозных ценностей и роста научных открытий. С начала XIX века эллинизм представлял собой один из самых влиятельных культурных дискурсов в Англии, который более всего проявился в литературе. Романтическое искусство, достаточно качественное в первый момент встречи лицом к лицу с индустриальной цивилизацией, желало очистить себя, насколько возможно, от разрушающего и разъедающего влияния реальной жизни

[4]. Античная культура стала неким «убежищем воображения» для людей искусства; они устремлялись в античность, противопоставляя ей реальную жизнь с ее достижениями, как зло. Так, в 1820 г., в эссе «Четыре века поэзии» (“The Four Ages of Poetry”) Томас Лав Пикок делает характерное утверждение об античных образах как синониме свободы поэтической фантазии: «Мы также знаем, что нет Дриад в Гайд-парке и Наяд в Риджентс-Канале. Но варварские манеры и сверхъестественные вмешательства необходимы для поэзии. Она должна быть удалена от банального восприятия, не важно, в какое время или место. Пока историки или философы продвигаются вперед, ускоряя прогресс знания, поэт остается в мусоре оставленного невежества» [6, р. 12]. Так, в ранней лирике Дж.Г. Байрона звучат анакреонтические и эпикурейские мотивы («Подражание Тибуллу», 1806; «Подражание Катуллу», 1806). Предисловием к «Английским бардам и шотландским обозревателям» должен был стать по замыслу Байрона стихотворный трактат «Заметки из Горация» (“Hints from Horace”, 1809–1811), построенный на античных аллюзиях и цитатах. Об интересе П.Б. Шелли к классическим древностям в Италии свидетельствуют «Заметки о скульптуре Рима и Флоренции» (1819), представляющие ряд очерков, посвященных античным памятникам. Основой философско-эстетической системы С.Т. Кольриджа стали теории Платона и неоплатонизм [3, с. 10]. Античный дискурс настолько глубоко проник в общественные процессы, что, по мнению Джона Стюарта Милла, «битва при

Марафоне, даже как событие Британской истории, намного важнее битвы при Гастингсе» [7, р. 283]. Имея в виду древних греков, он замечает, что «настоящими предками европейских наций являются не их предки по крови, но те, от кого унаследована богатейшая часть их культурного наследия» [Ibid]. Действительно, культура Древней Греции оказалась чрезвычайно значимой для формирования как эстетических установок в поэзии, так и культурных ценностей в обществе. В своей книге «Викторианская культура и классическая античность: живопись, опера, литература и провозглашение современности» (“Victorian Culture and Classical Antiquity: Art, Opera, Fiction and the Proclamation of Modernity”) Саймон Голдхилл характеризует классическое наследие как глобальный идеологический пласт, необходимый для самовыражения английского общества в рассматриваемый период: «Викторианская культура была одержима классическим прошлым, как будто самосознание девятнадцатого века, сосредоточенное на своем собственном месте в истории, объединялось с идеализмом, фокус которого был направлен на славу Греции и величие Рима с целью сделать античность глубоко привилегированной и серьезно обоснованной ареной для культурного самовыражения» [8, р. 11]. Однако несмотря на одержимость античностью, викторианское восприятие древнегреческого культурного наследия было в некоторой мере ограничено. Например, обращение к античным мотивам в поэзии не всегда означало усвоение духа греческой поэзии в античном понимании. Это происходило

частично из-за формы и структуры греческого языка, его ритма, разница которого в сравнении с английским языком так велика, что устанавливала узкие границы для возможности имитации [4]. Географическая удаленность Греции, как и лингвистическая дистанция, стали определенной проблемой для викторианцев. Как результат, когда королева Виктория взошла на трон, рецепция античной Греции в Британии была в переходном состоянии: в движении от широкого общественно-го дискурса к элитарному [9].

В аспекте практической направленности «античной традиции» знание древнегреческого языка считалось признаком принадлежности к элите и способствовало карьере. Например, в «Реминисценциях Оксфорда» (“Reminiscences of Oxford”) Уильям Таквелл приводит цитату настоятеля церкви Христа в Оксфорде Томаса Гейсфорда из его проповеди о том, что знание греческой литературы «не только возвышает над толпой, но и зачастую ведет к должности со значительным вознаграждением [10, р. 124]. Основным локусом Викторианского неоэллинизма стали элитные школы и университеты Оксфорда и Кембриджа, где изучение греческого языка стало важнейшей частью учебной программы. Это стало специфическим брендом, «средством социальной исключительности» (“a means of social exclusion”) [9]. Приобщение элит к античному дискурсу сформировало их отношение к эллинизму как к «культурному стандарту, который мог бы использоваться английской элитой для управления и защиты внутренней культуры» [Ibid]. Практические выгоды владе-

ния греческим языком и достаточных знаний об античности не только понимали социальный статус: «античный маркер» принадлежности к высшим эшелонам викторианского общества автоматически означал приобщение и к политической сфере. Саймон Голдхилл замечает: «Так как обучение классическим языкам сменило курс от сухого филологического образования к политической философии, ориентируясь на центральную фигуру Платона, то занятия подготавливали молодежь высшего класса становиться управленцами Британской власти [8, р. 11-12]. Иными словами, знание наследия древности играло ключевую роль для элит не только как способ поддержания своего статуса, но и приобретения политического веса в высших кругах. Это происходило потому, что античность служила средством увековечивания современных структур власти путем проведения некой параллели между античной цивилизацией и британской империей. Викторианская Англия желала видеть себя если не преемницей античного духа, то, по крайней мере, его наследницей, основной задачей которой являлось сохранение античного наследия и мировоззрения. Так, в предисловии к лирической драме «Эллада» Шелли пишет: «Мы все греки... Наши законы, наша литература, наша религия, наше искусство уходит корнями в Грецию...» [11, р. VIII-IX]. Изучение классического наследия формировало разум человека не только как джентльмена, но и авторитетной фигуры. Обучение учило тому, как управлять. Классические языки имели репутацию совершенного имперского предмета [8, р. 12].

Элизабет Барретт Браунинг (Моултон) была дочерью зажиточного плантатора, который стремился дать ей достойное образование. Поэтессу обучали латинскому и греческому языкам с детства. Сама она вспоминает об этом времени так: «Греки были полубогами для меня, будоража из переводов Поупа произведений Гомера, в то время как я мечтала об Агамемноне больше, чем о черном пони» [12, р. 7]. Закономерно, что первым литературным произведением, которое поэтесса написала в одиннадцать лет, стала «эпическая» поэма «Битва при Марафоне», посвященная знаменитой битве между древними греками и персами в 490 году до нашей эры. Первый поэтический опыт, вдохновленный историей Древней Греции, положил начало непреходящей любви к истории и литературе античности, находившей своеобразное отражение в творчестве поэтессы. Например, уже в более зрелый период творчества Элизабет Барретт Браунинг включает в сборник «Серафим и другие стихотворения» (“The Seraphim and Other Poems”) поэму «Гектор в саду» (“Hector in the Garden”), главным лирическим героем которой становится троянский герой «Илиады» Гектор, сын Приама; в стихотворении «Вино Кипра» (“Wine of Cypress”) из того же сборника поэтесса признается в том, насколько глубоко увлечена греческой литературой.

Заинтересованность античной тематикой подтолкнула поэтессу к опыту художественного перевода, в частности, она перевела трагедию Эсхила «Прометей прикованный» (“Prometheus Bound”). Первый вариант перевода был опубликован в 1838 г.; вто-

рой вариант 1850 г. был несколько переработан с целью избавиться от литературных тенденций елизаветинского стиля. Еще одним значительным переводом поэтессы можно назвать «Плач об Адонисе» (“A Lament for Adonis”) древнегреческого поэта Биона, также опубликованный в сборнике «Серафим и другие стихотворения» (“The Seraphim and Other Poems”) в 1838 г.

Интерес к античности достаточно четко проявился также и в эссеистике Элизабет Барретт Браунинг. В первом сборнике стихотворений «Эссе о разуме и другие стихотворения» (“An Essay on Mind, with Other Poems”), в поэтическом эссе, предваряющем основное содержание сборника, Элизабет Барретт Браунинг рассуждает о смысле творчества, о мироздании и его возникновении, а также о других экзистенциальных проблемах. К размышлениям над подобными вопросами в качестве собеседников или исторических фигур она привлекает древнегреческих философов и поэтов, например, Платона или Гомера: «Даже когда торжествующий Разум говорил /...и Дух Платона пробудился / Почему не я муза песен Гомера / Или, почему, он, в самом деле, пел?» (Evn then hath Minds triumphant influence spoke / ... and Platos spirit woke/ Why do not I the muse of Homer call, / Or why, indeed, did Homer sing at all?) [13, p. 63-64]. В 1842 г. Элизабет Барретт Браунинг публикует объемное эссе «Мнение о греческих христианских поэтах» (“Some Account of the Greek Christian Poets”), в котором дает оценку творчеству мыслителей, поэтов и прозаиков, писавших на греческом языке. Сама поэтесса в самом

начале «обзора» акцентирует внимание читателя на главной теме эссе – греческом языке, совершенно четко определив к нему свое отношение: «Греческий язык жил глубокой интеллектуальной жизнью; удивительно жизнеспособным оказался он. Первые христиане слышали в нем Божье откровение, и молились своему Христу на этом языке, преклонив колени...» [14, p. 119]. Это литературное эссе стало попыткой реконструировать модель мировосприятия первых греческих христиан-поэтов сквозь призму их творчества, особенности которой были обусловлены именно системой греческого языка, на котором и создавались их произведения. Греческий язык становится, в некоторой степени, главным объектом ее художественного исследования, изначально воплощая в себе самом поэзию: «Кажется, будто сама природа не могла расстаться со своей любимой мелодией, будто все еще напевая ее у себя в голове или бормоча под нос...» [Ibid, p. 121].

Благодаря блестящему знанию античной истории и древних языков, Элизабет Барретт Браунинг считали одним из главных эллинистов Викторианской эпохи [9]. Однако существенной мотивацией к изучению древнегреческого языка и античной истории была возможность позиционирования себя женщиной-классицистом. Так, «выдающиеся эллинисты Элизабет Барретт Браунинг, Джордж Элиот и Джейн Эллен Харрисон заслуживали исключительного статуса как женщины-классицисты в XIX веке» [15, p. 9]. По мнению независимого исследователя Ровены Фоулер, литературный отклик на античное наследие гарантировал

женщинам-писательницам возможность занять свое место в литературном процессе: опираясь на античную традицию, женщины могли стать рядом с мужчинами-писателями. Любопытно, что целостное понимание греческой культуры и владение древними языками воспринималось привилегией, в основном, мужчин. Так, Вирджиния Вульф писала, что «с одной стороны, греческий язык воспринимается ею как олицетворение чистого интеллекта, но с другой стороны, он ассоциируется у нее с запрежденным знанием и сексуальным насилием» [16, р. 265]. В условиях отсутствия формального классического образования для женщин изучение древних языков было сродни «путешествию на чужую территорию» (“a journey into alien territory”) [17, р. 337]. Однако Элизабет Барретт Браунинг была «превосходным примером викторианской рецепции греческой культуры» (“pre-eminent in the Victorian reception of Greek literature”), что гарантировало ей значительный статус в литературном мире, позволяло быть «на равных» с мужчинами-писателями, а также могло восприниматься как своеобразный личный протест против ограничений в образовании для женщин, что коррелировало с ее симпатией к движению эмансипации женщин, начинающем стремительно развиваться в Англии со второй половины XIX века [18].

Античные мотивы цикла «Португальские сонеты» прослеживаются на протяжении всех сорока четырех сонетов. Однако стоит сразу оговориться, что непосредственные античные образы используются поэтессой только в первом, третьем, пятом и

девятнадцатом сонетах. В первом сонете поэтесса упоминает имя древнегреческого поэта Феокрита: “I thought once how Theocritus had sung / Of sweet years, the dear and wished-for years, / Who each one in a gracious hand appears / To bear a gift for mortals” [1, с. 8-9]. С именем Феокрита ассоциируются идиллии, которые представляют жанр пасторали, которые, в своем воздействии «окружают нас атмосферой очарования; прославляют моменты ненапряженного существования; призывают к бурной свежести чувств» [19, р. 583]. Образ безмятежной жизни, возникающий при упоминании имени древнегреческого поэта, усиливает контраст с жизнью лирической героини, которую она воспринимает, как «ряд горьких лет» (...sad years, the melancholy years) [1, с. 8-9]. Воспоминания о собственной жизни приносят ей только разочарования. Подобная атмосфера отчаяния нагнетается с целью градации резкой смены тональности сонета из-за появления в ее жизни любви, внезапно нарушившей привычный ритм и совершенно переменившей жизненный уклад: «вдруг чувствую – похолодела кровь» (...Straightway I was ware) [там же, с. 8-9]. Кроме того, образ мистической тени (a mystic Shape / a shadow), испугавшей лирическую героиню, создает ассоциацию с подземным миром теней Аида: “A shadow across me. Straightway I was ware, / So weeping, how a mystic Shape did move / Behind me, and drew me backward by the hair” [там же]. Царство мертвых относится к области потустороннего, и момент встречи с любовью происходит в сфере необъяснимого и мистического царства Аида; таким

способом поэтессы указывает на сверхъестественную природу любви. Данный образ обусловлен растерянностью самой поэтессы: знакомство с Робертом Браунингом в реальной жизни было, по ее мнению, настолько неожиданным, а также (из-за многочисленных социальных и семейных обстоятельств) невозможным, что поэтессы не могла воспринять это событие иначе как опасную и необъяснимую случайность. В третьем сонете Элизабет Барретт Браунинг использует образ «кипарисового дерева» в качестве символа скорби: “A poor, tired, wandering singer?... singing through / The dark, and leaning up a cypress tree?” [1, с. 12-13]. Согласно древнегреческому преданию, юноша по имени Кипарис на охоте случайно убил своего любимца-оленья, посвященного нимфам. Горе Кипариса было неутешно, он молил Аполлона, чтобы бог дал ему грустить вечно. Внял ему Аполлон. Юноша превратился в дерево, которое и стало впоследствии символом скорби [20]. Однако образ «кипарисового дерева» приобретает еще одно метафорическое значение в контексте цикла. Из-за несчастливых семейных обстоятельств, неуверенности, разницы в возрасте с возлюбленным и вызванных этими обстоятельствами множеством сомнений Элизабет Барретт Браунинг долго не решалась признать самой себе в серьезности возникшего чувства и намеренно пыталась разорвать общение с Робертом Браунингом, (при этом уже понимая, насколько сильно влюблена в своего избранника). Подобно юноше Кипарису, убивающему любимого прекрасного зверя, лирическая героиня пытается убить свое

трепетное чувство, неосознанно лишая себя тем самым личного счастья. Дерево «кипарис» становится многоуровневой метафорой в пространстве сонета: не только символом абстрактной скорби, но и неизбывной тоски по собственной воле, самостоятельного отказа от того, что делает лирическую героиню счастливой. В пятом сонете лирическая героиня сопротивляется любви из-за сомнений и неуверенности, но все же допускает, что возникшее чувство окрепнет. Символически эта внутренняя борьба передана образом «урны Электры»: “I lift my heavy heart up solemnly, / As once Electra her sepulchral urn” [1, с.16-17]. В трагедии Софокла «Электра» урна, якобы, с прахом любимого брата героини (Ореста) повергла Электру в отчаяние, так как означала еще и крушение всех надежд. Однако впоследствии оказалось, что брат жив [21]. Таким образом, «урна с пеплом» символизирует горе от безысходности и разочарования в своих ожиданиях; однако, это горе напрасно, так же, как и горе лирической героини – от временно-кажущейся невозможности любви. В девятнадцатом сонете сложный образ древнегреческого поэта Пиндара используется для гиперболизации талантов возлюбленного лирической героини. Пиндар является одним из девяти канонических лирических поэтов Древней Греции [22]. В сонете его образ передан иносказательно. Во-первых, это «двойник» (this counterpart) и «тень в лавровом венке» (bay-crowns shade) [1, с. 44-45], которая сопутствует возлюбленному, что говорит о некотором покровительстве. Во-вторых, темные локоны (“purpureal tresses”) [там же,

с.44-45] Пиндара также «совершенно черны» (“as purple black”) [там же], что создает параллель между возлюбленным лирической героини и поэтом, но уже не только в плане внешности, но и величины таланта.

Однако уверенно говорить о наличии связи «Португальских сонетов» с античными мотивами позволяют, в первую очередь, не только образы из мифологии и древнегреческой культуры, но концептуальная структура всего цикла, воплощающая собой принцип диалектики. Само понятие «диалектики» берет свое начало именно в культуре античной эпохи. За определение диалектики примем следующее: диалектика (от греч. *dialektike* (*techne*) – искусство вести беседу, спор) – философская теория, утверждающая внутреннюю противоречивость всего существующего и мыслимого и считающая эту противоречивость основным или даже единственным источником всякого движения и развития [23, с. 921]. Диалектика, как высшая форма мыслительной деятельности человека, уходит своими корнями в античную теорию диалога [24, с. 24]. Диалоги Платона не являются случайной формой философии, а призваны актуализировать диалогическую сущность, диалектическую природу самого мышления. Иными словами, на вопрос «что значит мыслить?» ответ греков предполагал не монолог владельца «абсолютной истины», а диалог разума с самим собой. Именно такое понимание диалога скрывается в знаменитом изречении, приписываемом Сократу: «познай самого себя», которое предполагает и странное, на первый взгляд, самораздвоение мыслящего субъекта

(на того, кто познает, и того, кто познается), и не менее странное – как результат самопознания – воссоединение с тем загадочным незнакомцем, который внутри меня вступает со мной в спор [25, с. 2]. По замечанию Д.В. Джохадзе, «диалогическая форма получает свою методическую разработку только у Платона. В своих диалогах в подавляющем большинстве случаев Платон использует прием диалогической пары собеседников <...>. Можно сказать, что диалоги Платона позднее легли в основу всех последующих диалогических произведений как в художественной литературе, так и в философии. Все диалоги Платона... написаны прежде всего с целью выявления диалектической природы человеческого мышления» [24, с. 31-32]. Отдельно стоит сказать о «равноправности собеседников», как основной характеристике диалогов Платона: «Ведь, конечно, мы сейчас вовсе не соперничаем из-за того, чтобы одержало верх мое или твое положение, но нам обоим следует дружно сражаться за истину» [26, с. 10]. Таким образом, многие диалоги Платона несут в себе принцип разнополярности взглядов собеседников, обусловленной равноправностью мнений собеседников; сам диалог имеет своей целью диалектическое развертывание мысли.

Элизабет Барретт Браунинг следует этому принципу в своем любовном цикле. Автобиографическая основа «Португальских сонетов» подразумевает собой не только поэтически осмысленное фиксирование событий реальной жизни, но и напряженную работу мысли. Любовь являлась стимулом для размышлений, малейшие изменения которых пере-

даны с первого по последний, сорок четвертый сонет цикла. В реальной жизни на пути счастливой любовной истории Элизабет Барретт Браунинг и Роберта Браунинга стояли определенные препятствия, такие как: болезнь поэтессы, деспотичный отец, не допускавший ее знакомств с кем-либо, разница в возрасте с возлюбленным (она была на шесть лет старше), различная степень известности в литературных кругах. Любовь, вспыхнувшая внезапно и сильно, стала потрясением для поэтессы, но была неприемлема для нее, (как отмечала сама Э.Б. Браунинг). Возникшая конфронтация разума с чувством представлена в цикле через самораздвоение лирической героини: она вступает в спор сама с собой. Особенность данного спора в том, что на протяжении всего цикла лирическая героиня обозначает присутствие и третьего собеседника – своего возлюбленного. Само наличие этого третьего собеседника, пожалуй, можно считать попыткой самообмана, так как образ возлюбленного представляет собой независимую фигуру, не имеющую своего мнения. Двадцать три обращения к возлюбленному, таких как, “beloved” (любимый), “my friend” (мой друг), “princely heart” (благородное сердце), “my soul” (моя душа), “dearest” (дорогой) в совокупности с устаревшими личными местоимениями “thee” (ты) и “thy” (твой), встречающимися в каждом сонете цикла, создают иллюзию диалога с *возлюбленным*, а не с *alter ego* лирической героини. Тот факт, что эти обращения зачастую появляются после фраз, обозначающих «магистральную» линию рассуждений, наталкивает на мысль: лирическая

героиня, чувствуя неустойчивость той или иной точки зрения, использует образ возлюбленного в качестве поддержки, аргумента «за»; собственного мнения у возлюбленного нет, и, следовательно, на ход рассуждений он повлиять не может! Например, в третьем сонете мнение возлюбленного не передано никоим образом, несмотря на его символическое присутствие, переданное обращением, в пространстве сонета: “Unlike are we, unlike, O princely Heart! / Unlike our uses, and our destinies” [1, с. 12-13]. Вопросы к возлюбленному также не требуют его ответов, так как лирическая героиня уже все решила сама для себя: “What can I give thee back, O liberal / And princely giver...” [1, с. 22-23].

Таким образом, единственными собеседниками в цикле являются лирическая героиня и ее «второе я» (обозначим как “alter ego”). Лирическая героиня представляет точку зрения, которую можно условно назвать «любовь возможна», (или «да»), соответственно, противоположная точка зрения – «любовь невозможна», (или «нет»). Столкновение двух точек зрения породило диалектику цикла, к концу которого лирическая героиня не приходит к какому-либо выводу, хотя уже и не столь категорично выражает свое мнение о невозможности любви. Некоторые строки сонетов можно обозначить «магистральными», как уже было сказано выше: они определяют тональность того или иного сонета. Наличие таких строк позволяет составить примерную схему развития мысли в цикле, представленную в таблице ниже. Как видно из этой таблицы, цикл представляет собой диалектическую борьбу

двух разнополярных мнений, что в основе своей уподобляется принципу «Диалогов» Платона. Спор лирической героини со своим вторым «я» весьма интенсивен. Двенадцать сонетов передают абсолютный отказ от любви, двадцать пять сонетов «аргументируют» за возможность чувства, и девять сонетов являются «переходными», так как в них одновременно выражены две противоположные точки зрения (см. табл. 1):

Как и в любом диалоге, обсуждение какого-либо вопроса сопровождается открытием новых сторон проблемы. В цикле «Португальские сонеты» необходимо выделить ряд сонетов, в которых лирическая героиня (или ее «внутреннее» alter ego) предлагает новое видение вопроса «возможности или неприемлемости» любовного чувства. Шестой сонет является, пожалуй, сонетом «первого признания». Альтер эго героини продолжает отрицать любовь, с сожалением сознавая, что после знакомства с возлюбленным жизнь уже не будет прежней. Тем не менее, это – важное признание, пусть и выраженное в форме сожаления! Именно осознание того, что все изменилось, обуславливает серьезность чувства. Словно в продолжение концепции шестого сонета, однако, с более позитивным звучанием, следует седьмой сонет, в котором ключевыми являются метафоры «обновленного облика мира» (“The face of all the world is changed”) и «новый ритм» (“a new rhythm”) [1, с. 20-21]. Двенадцатый сонет особенно интересен с точки зрения развития диалога. Альтер эго лирической героини, будто не находя больше аргументов против любви, прибегает к логической

уловке. Эта второе «я» лирической героини настолько боится любви и не уверено в себе самой, что перекладывает ответственность на возлюбленного: “Hadst set me an example, shown me how” [1, с. 46-47]. Сомнения заставляют отказаться от любви, как от своего чувства, позиционируя себя пассивным объектом в любовных отношениях: “And thus, I cannot speak / Of love even, as a good thing of my own” [там же, с. 46-47]. «Магистральная» фраза из тринадцатого сонета требует пояснения. Дело в том, что в английском языке глагол “to bear” (нести, терпеть, выносить) имеет негативную коннотацию. Например, более приемлемо сказать “to bear burden” (нести ношу) или “to bear torture” (терпеть муки). Использование данного глагола в сочетании со словом любовь может быть расценено как удачный стилистический прием: лирическая героиня объективно признает чувство, однако, alter ego тут же намекает на его тяжесть и невыносимость. Накал противоречия передан в весьма сжатой форме (всего в одной фразе), что усиливает эмоциональное воздействие на читателя. Подобная строка, как «квинтэссенция противоречия», заканчивает одиннадцатый сонет: «Но отрицать в глаза любовь мою, любя» (“To bless thee yet renounce thee to thy face”) [1, с. 28-29]. Осознание одновременного принятия и отказа от любви достигает своего пика именно в этом сонете (впервые в цикле). По мере дальнейшего развития цикла лирическая героиня становится все более уверенной. Например, в четырнадцатом сонете она уже рассуждает о любви и как об абсолютном, объективном чувстве, провозглашая

Диалектическое развитие мысли в цикле «Португальские сонеты»

№ сонета	Основная идея/идеи	Мнение лирической героини	Мнение альтер эго
I	нет	–	Guess now who holds thee? Death, I said. But, there, / The silver answer rang, – Not Death, but Love. («Кто я?» Он спрашивает. – «Смерть», шепчу, – «Пустое», / Звенит ответ, «не Смерть я, а Любовь»)
II	нет	–	Nay is worse / From God than from all others (Какая сила в Божьем есть запрете!)
III	нет	–	Unlike are we, unlike, O princely Heart! / Unlike our uses and our destinies (О сердце, что горишь во мраке бессердечий, / Ничем не схожи мы: ни даром, ни судьбой)
IV	нет	–	And dost thou lift this houses latch too poor / For hand of thine? (Зачем приходишь ты поднимать засов / Жилища мрачного, приюта скуки?) Hush, call no echo up in further proof (К чему тут лира звонкая? Молчи!)
V	нет	–	If thy foot in scorn / Could tread them out to darkness utterly, / It might be well perhaps (С презреньем растопчи мой пепел, друг суровый!)
VI	нет	–	Go from me. Yet I feel that I shall stand / Henceforward in thy shadow (Уходи прочь, хотя я чувствую, что останусь / В твоей тени надолго) – буквальный перевод
VII	да	The face of all the world is changed (Лик мира словно изменился весь) Betwixt me and the dreadful outer brink / Of obvious death, where I, who thought to sink, / Was caught up into love, and taught the whole / Of life in a new rhythm (Из бездны смерти силой херувима / Меня исторг. И я, оставшись здесь, / На новый лад любви начавши песнь)	–
VIII	нет	–	What can I give thee back, O liberal / And princely giver (Что дам взамен? Ужели ничего?) Go farther! (Уйди!)

IX	нет	–	Can it be right to give what I can give? (Что дать тебе могу?) We are not peers (Мы не ровня) – буквальный перевод Nor give thee any love which were unjust. / Belovèd, I love only thee! let it pass (К чему тебе? Тебя люблю я. Пусть / Любовь пройдет. Останется лишь грусть)
X	да	Yet, love, mere love, is beautiful indeed And worthy of acceptance (Но каждая любовь ведь хороша)	–
XI	нет/да	And therefore if to love can be desert, / I am not all unworthy (И если любить может быть наградой / Я не совсем не недостойна) – буквальный перевод	I am not of thy worth nor for thy place! (Не стою я тебя)
XII	нет/да	Indeed this very love which is my boast (Любовь, которой я горжусь глубинно)	And thus, I cannot speak / Of love even, as a good thing of my own (И потому о чувстве я своим / Не говорю, как мне принадлежащем)
XIII	нет/да	The love I bear (Любовь, которую я терплю) – буквальный перевод	The love I bear (Любовь, которую я терплю) – буквальный перевод
XIV	да	But love me for loves sake, that evermore / Thou mayst love on, through loves eternity (Люби лишь для любви, чтоб чувство удержалось / На дивной высоте, где пребывает Бог)	–
XV	нет	–	But I look on thee...on thee... / Beholding, besides love, the end of love (Предвижу я в любви – конец твоей любви)
XVI	да	And as a vanquished soldier yields his sword / To one who lifts him from the bloody earth, / Even so, Belovèd, I at last record, / Here ends my strife (Как побежденный воин слагает меч / Перед тем, кто поднимает его с окровавленной земли / Так и я, любимый, в этой последней битве / Здесь заканчиваю спор) – буквальный перевод	–
XVII	нет/да	How, Dearest, wilt thou have me for most use? / A hope, to sing by gladly? or a fine / Sad memory, with	A grave, on which to rest from singing? Choose! (Или молчанье смерти? – Выбирай!)

		thy songs to interfuse? / A shade, in which to sing...of palm or pine? (Скажи, чем я могу тебе помочь? / Надеждой радостной быть, звонко вторя, / Стараясь подражать тебе точь-в-точь? / Иль скорбной памятью людского горя? / Быть песней, где поется дивный край?)	
XVIII	да	I never gave a lock of hair away To a man, Dearest, except this to thee (Я никому еще своих волос / Не подарила пряди. Видишь? эта / Тебе, мой друг)	–
XIX	да	And lay the gift where nothing hindereth; / Here on my heart, as on thy brow, to lack / No natural heat till mine grows cold in death (И будет долго твой бесценный дар / В тепле уютном спать на сердце сладко, / Пока не оскудеет жизни жар)	–
XX	да	Went counting all my chains as if that so / They never could fall off at any blow / Struck by thy possible hand (Цепей считала звенья; но в мозгу / Твой образ не возник еще)	–
XXI	нет/да	Comes the fresh Spring in all her green completed (Весна пришла. Усталый мир, воскресни!)	Belovèd, I, amid the darkness greeted / By a doubtful spirit-voice, in that doubts pain (Но в глубине души звучит – болезнен / Сомненья голос, гложащий внутри)
XXII	нет/да	When our two souls stand up erect and strong, / Face to face, silent, drawing nigh and nigher (Когда лицом к лицу, исполненные силы, / Друг с другом наши две сближаются души)	Let us stay / Rather on earth, Belovèd (Побудем на земле)
XXIII	да	I yield the grave for thy sake, and exchange / My near sweet view of Heaven, for earth with thee! (Так я и смерть и небо отдаю, / Чтоб на земле с тобою быть в раю)	–
XXIV	да	In this close hand of Love, now soft and warm, / And let us hear no sound of human strife / After the click of the shutting. Life to life /	–

		I lean upon thee, Dear, without alarm, / And feel as safe as guarded by a charm (В руке Любви / Мой дух больной твоею властью ожил / Тобой храним, он больше не встревожен / Угрозами. Судьба моя светла. / И тьмы людей, их темные дела / С тобой – жизнь в жизнь – мы вместе превозможем)	
XXV	да	...till Gods own grace / Could scarcely lift above the world forlorn / My heavy heart. Then thou didst bid me bring / And let it drop adown thy calmly great / Deep being! (И Божия десница бы могла / Поднять груз сердца. Но тогда его / В глубокое свое ты существо / Спокойно погрузил)	–
XXVI	да	My soul with satisfaction of all wants: / Because Gods gifts put mans best dreams to shame (Ведь как бы греза ни была смела, / Еще необычайней Божья милость)	–
XXVII	да	My own Belovèd, who hast lifted me / From this drear flat of earth where I was thrown (Любимый мой, тобою дух мой поднят / Над этой мрачной плоскостью земной)	–
XXVIII	да	I am thine...and so its ink has paled / With lying at my heart that beat too fast (А вот слова – «я твой»... бледны чернила, / Так часто прижимала к сердцу их)	–
XXIX	да	...in this deep joy to see and hear thee (Так радостно, лишь на тебя взгляни!)	–
XXX	нет	–	Belovèd, is it thou / Or I, who makes me sad? (Почему / Я так грустна? Сама я не пойму...) ...did I see all / The glory as I dreamed (Быть может, мне привиделся лишь сон)
XXXI	да	Behold, I erred / In that last doubt! (Последнее сомненье поборов)	–
XXXII	нет	–	And, looking on myself, I seemed not one / For such mans love! (Я знала, что душа твоя / Достойна лучшего)

XXXIII	да	And catch the early love up in the late (И упоительней последней нет любви)	–
XXXIV	да	Yet still my heart goes to thee (Мое сердце бежит к тебе) – буквальный перевод	–
XXXV	нет/да	Open thine heart wide, / And fold within, the wet wings of thy dove (Дай мне приют в душе, всех необъятней / Голубку в нем свою укрой как в голубятне!)	If I leave all for thee, wilt thou exchange / And be all to me? (Коль все покину для тебя, взамен / Себя вполне отдашь ли?)
XXXVI	нет	–	...if he, to keep one oath, / Must lose one joy, by his lifes star foretold (Коль, вопреки своим счастливым звездам, / Избрал он путь, для коего не создан)
XXXVII	нет	–	Pardon, oh, pardon, that my soul should make / Of all that strong divineness which I know / For thine and thee, an image only so / Formed of the sand, and fit to shift and break (Прости, что я божественного сходства / Твоей души не в силах передать. / В мир красоты вошла я словно тать, / Не отрешась житейского уродства)
XXXVIII	да	I have been proud and said, My love, my own. (Я была горда и сказала: «Мой родной, единственный...») – буквальный перевод	–
XXXIX	да	Dearest, teach me so / To pour out gratitude, as thou dost, good! (Хочу, чтобы признательность моя / Была, как доброта твоя, безмерна)	–
XL	да	Oh, yes! they love through all this world of ours! (О да! Речь о любви разносится повсюду)	–
XLI	да	Instruct me how to thank thee! (Как мне тебя благодарить, скажи?)	–
XLII	да	And write me new my futures epigraph (К роману новому я новый дам эпиграф)	–
XLIII	да	How do I love thee? Let me count the ways (Как я люблю тебя? Все глубже, шире, выше)	–
XLIV	нет/да	Love of ours (наша любовь) Their roots are left in mine (их корни во мне) – буквальный перевод	Indeed, those beds and bowers / Be overgrown with bitter weeds and rue (Быть может, много лишнего вросло в них / И плевелом, и сорною травой)

принцип «любви ради любви». Практически в самой середине цикла, в шестнадцатом сонете, спор о любви передан в ярком образе битвы, ожесточенного сражения. Стоит отметить, что этот «образ боя» является скорее некой концептуальной метафорой — для противоречия лирической героини и ее alter ego, как организуемый концептуальный принцип цикла. Метафорическую битву не стоит рассматривать как аргумент alter ego в конкретном сонете, скорее наоборот: лирическая героиня сдается «завоеванию» (“conquering”) возлюбленного; несмотря на поражение, она рада этому окончанию спора и признает любовь. Тридцать пятый сонет любопытен идеей «торга». Если до этого основным аргументом для отказа от любви была неуверенность в своих силах, переданная с помощью многочисленных вопросов “What hast thou to do at me?” [там же, с. 12-13], “I am thine / But so much to thee?” [там же, с. 52-53], “Can it be right to give what I can give?” [там же, с. 24-25], “How, Dearest, wilt thou have me for most use?” [там же, с. 40-41], то в этом сонете сомнения в себе отходят на задний план, но возникают сомнения в возлюбленном: “If I leave all for thee, wilt thou exchange / And be all to me?” [1, с. 76-77]. Ключевым словом в данном вопросе является «обмен» (“exchange”). Второе «я» лирической героини на этот раз трактует любовь с практической стороны, как некую сделку; будет ли выгоден обмен родственников, семьи и всей прежней спокойной жизни (со всеми своими «плюсами») — на неизвестную, рискованную перспективу семейной жизни с возлюбленным? Во всех сонетах любовь представлена как часть боже-

ственного замысла, вечное и идеальное чувство, «божественное искусство» (“divinest Art”), и только в тридцать пятом сонете любовь низведена до приземленного понятия «рискованного вложения». Alter ego пугает лирическую героиню, апеллируя к реальному земному ущербу, с которым можно столкнуться в случае ошибочной оценки силы и искренности чувств возлюбленного.

Несмотря на утонченную лирику и романтичность «Португальских сонетов», цикл представляет собой сложный диалог, в процессе разворачивания которого лирическая героиня и ее подсознание, внутренний голос, или как мы обозначили — “alter ego”, представляют две стороны одного явления. Становится возможным количественно определить, что в итоге точка зрения «любовь возможна» оказалась той самой «истинной», которую лирическая героиня и alter ego настойчиво пытались найти. Но однозначно утверждать этого нельзя. Было бы правильнее воспринимать цикл не как спор с конечной победой той или иной стороны, но как диалектическую рефлекссию постоянных колебаний и четкую поэтическую фиксацию разнополярных мнений. Прообразом подобной системы изложения мысли возможно рассматривать традицию «Диалогов» Платона. Если принцип «Диалогов» Платона стал концептуально-образующим базисом в «Португальских сонетах», то использование образов из античной мифологии и отсылки к древнегреческим поэтам (Феокрит, Пиндар) воспринимаются в известной мере как дань популярности античного дискурса в викторианскую эпоху.

Античные мотивы не только углубили и обогатили поэтическое пространство цикла «Португальские сонеты», но и утвердили, в соответствии с культурными установками той эпохи, позиции этого произведения (а также его автора, Элизабет Барретт Браунинг) во внелитературном пространстве.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Браунинг, Э.Б. Португальские сонеты [Текст] / Элизабет Барретт Браунинг / Пер. М. Цетлин и И. Астров; предисл. Г. Адамовича. – Нью-Йорк, 1956. – 96 с.
2. Соколова, Н.И. Творчество Данте Габриэля Россетти в контексте «средневекового возрождения» в викторианской Англии: Монография [Текст] / Н.И. Соколова. – М.: МПГУ, 1995. – 169 с.
3. Сомова, Е.В. Античный мир в английском историческом романе XIX века: Автореф. дис. ... д-ра фил. наук [Текст] / Е.В. Сомова. – М.: МПГУ, 2009. – 36 с.
4. Lloyd-Jones, Hugh. Feet on the mantelpiece [Text] / Hugh Lloyd-Jones // London Review of Books. – 1980. – Vol. 2. – No. 16. – P. 14-15 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.lrb.co.uk/v02/n16/hugh-lloyd-jones/feet-on-the-mantelpiece> (дата обращения: 24.12.2016).
5. Платон. Тимей [Текст] / Платон // Платон. Соч.: в 4 т. / Под общ. ред. А.Ф. Лосева и В.Ф. Асмуса; пер. с древнегреч. С.С. Аверинцева. – СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та: «Изд-во Олега Абышко», 2007. – Т. 3, Ч. 1. – С. 495-587.
6. Peacock, Thomas Love. The Four Ages of Poetry [Text] // Peacock Thomas Love, Shelley Percy Bysshe, Browning Robert. Essays. – Whitefish MT: Kessinger Publishing, 2010. – P. 2-15.
7. Mill, J.S. Dissertations and Discussions [Text] / J.S. Mill. – London. – 1867. – Vol. 2. – 568 p.
8. Goldhill, Simon. Victorian Culture and Classical Antiquity: Art, Opera, Fiction and the Proclamation of Modernity [Text] / Simon Goldhill. – Princeton, NJ, Princeton University Press. – 2011. – 360 p.
9. Beyond the Hoi Polloi? Ancient Greece and the Victorians [Text] // The Victorianist: Bavs Postgraduates. – 2015 [Электронный ресурс]. – URL: <https://victorianist.wordpress.com/2015/06/22/beyond-the-hoi-polloi-ancient-greece-and-the-victorians/> (дата обращения: 24.12.2016).
10. Tuckwell, W. Reminiscences of Oxford [Text] / W. Tuckwell. – New York.: E.P. Dutton & Company. – Second Edition. – 1908. – 348 p.
11. Shelley, Percy Bysshe. Hellas, a Lyrical Drama [Text] / Percy Bysshe Shelley. – London.: Charles and James Ollier Vere Street. – 1821. – LXIV p.
12. Ingram, John J. Elizabeth Barrett Browning [Text] / John J. Ingram. – London: W. H. Allen & Co., 1889. – 204 p.
13. Browning, Elizabeth Barrett. Complete Works of Elizabeth Barrett Browning [Text] / Elizabeth Barrett Browning. – Kindle Edition, Delphi Poets Series. 2013. – 2385 p.
14. Browning, Elizabeth Barrett. Life, Letters and Essays of Elizabeth Barrett Browning. Vol. II. Essays on the English Poets and the Greek Christian Poets [Text] / Elizabeth Barrett Browning. – John W. Lovell Co., New York 1877. – 224 p.
15. Hurst, Isobel. Victorian Literature and the Reception of Greece and Rome [Text] / Isobel Hurst // Literature Compass by. Stuart Christie. John Wiley & Sons Ltd., – Vol. 7, Issue 6. – 2010. – Pp. 484-495.
16. Phyllis, Pose. Woman of Letters: The Life of Victoria Woolf [Text] / Pose Phyllis. – London: Harcourt; 1 edition. – 1987. – 298 p.
17. Fowler, Rowena. “On Not Knowing Greek”: The Classics and the Woman of Letters [Text] / Rowena Fowler // Classical Journal. The Classical Association of the Middle West and South, Inc. – 1983. – Vol. 78, No. 4. – P. 337-349.
18. Эмансипация женщин [Текст] // Энциклопедический Словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. – СПб., 1890–1907 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.vehi.net/brokgauz/all/118/118838.shtml> (дата обращения: 25.12.2016).
19. Shackford Martha Hale. A Definition of the Pastoral Idyll [Text] // PMLA. Modern

- Language Association. – 1904. – Vol. 19. – No. 4. – P. 583-592.
20. Кун, Н.А. Мифы и легенды Древней Греции [Текст] / Н.А. Кун [Электронный ресурс]. – URL: http://greece.diera.ru/legends/gods_heroes/heroes/kiparis.html (дата обращения: 26.12.2016).
 21. Гиленсон, Б.А. «Электра» [Текст] // Гиленсон Б.А. История античной литературы. Книга 1. Древняя Греция [Электронный ресурс]. – URL.: http://oldevrasia.ru/library/Boris-Aleksandrovich-Gilenson_Istoriya-antichnoy-literatury--Kniga-1--Drevnyaya-Gretsiya/62 (дата обращения: 26.12.2016).
 22. Armenti, Peter. Pindar, Poetry, and the Olympics [Text] / Peter Armenti // Library of Congress. – 2012 [Электронный ресурс]. – URL: <https://blogs.loc.gov/catbird/2012/07/pindar-poetry-and-the-olympics/> (обращения: 27.12.2016).
 23. Ивин, А.А. Диалектика [Текст] // Ивин А.А. Философия: Энциклопедический словарь. – М.: Гардарики, 2004. – 1072 с.
 24. Джохадзе, Д.В. Античный диалог и диалектика [Текст] / Д.В. Джохадзе // Философия и общество. – 2012. – № 2. – С. 23-45.
 25. Баранов, С.А. Античный образ человека: исторический смысл и судьба в диалоге культур: Автореф. дис. ... канд. филос. наук [Текст] / С.А. Баранов. – Великий Новгород, 2009. – 26 с.
 26. Платон. Филеб [Текст] / Платон // Платон. Собр. соч. в 4-х томах / Перевод Н. В. Самсонова. – М.: «Мысль», Том 3. – 1994. – С. 7-77.
 - victorianist.wordpress.com/2015/06/22/beyond-the-hoi-polloi-ancient-greece-and-the-victorians/ (accessed: 24.12.2016).
 4. Brauning Elizabeth Barrett, *Portugalskie sonety*, trans. M. Tsetlin, I. Astrov, G. Adamovi-cha”, New York, 1956, 96 p. (in Russian)
 5. Browning Elizabeth Barrett, *Complete Works of Elizabeth Barrett Browning*, Kindle Edition, Delphi Poets Series, 2013, 2385 p.
 6. Browning Elizabeth Barrett, *Life, Letters and Essays of Elizabeth Barrett Browning, Vol. II. Essays on the English Poets and the Greek Christian Poets*, John W. Lovell Co., New York 1877, 224 p.
 7. Dzhokhadze D.V., *Antichnyi dialog i dialektika, Filosofiya i obshchestvo*, 2012, No. 2, pp. 23-45. (in Russian)
 8. “Emansipatsiya zhenshchin”, in: *Entsiklopedicheskii Slovar F.A. Brokgauza i I.A. Efrona*, St. Petersburg, 1890–1907, available at: <http://www.vehi.net/brokgauz/all/118/118838.shtml> (accessed: 25.12.2016). (in Russian)
 9. Fowler Rowena, “On Not Knowing Greek”: The Classics and the Woman of Letters, *Classical Journal. The Classical Association of the Middle West and South*, Inc, 1983, Vol. 78, No. 4, pp. 337-349.
 10. Gilenson B.A., “Elektra”, in: Gilenson B.A., *Istoriya antichnoi literatury. Kniga 1. Drevnyaya Gretsiya*, available at: http://oldevrasia.ru/library/Boris-Aleksandrovich-Gilenson_Istoriya-antichnoy-literatury--Kniga-1--Drevnyaya-Gretsiya/62 (accessed: 26.12.2016). (in Russian)
 11. Goldhill Simon, *Victorian Culture and Classical Antiquity: Art, Opera, Fiction and the Proclamation of Modernity*, Princeton, NJ, Princeton University Press, 2011, 360 p.
 12. Hurst Isobel, Victorian Literature and the Reception of Greece and Rome, in: *Literature Compass by. Stuart Christie. John Wiley & Sons Ltd.*, Vol. 7, Issue 6, 2010, pp. 484-495.
 13. Ingram John J., *Elizabeth Barrett Browning*, London, W. H. Allen & Co., 1889, 204 p.
 14. Ivin A.A., “Dialektika”, in: Ivin A.A., *Filosofiya: Entsiklopedicheskii slovar*, Moscow, Gardariki, 2004, 1072 p. (in Russian)
 15. Kun N.A., *Mify i legendy Drevnei Gretsii*, available at: <http://greece.diera.ru/legends/>

REFERENCES

1. Armenti Peter, Pindar, Poetry, and the Olympics, in: *Library of Congress*, 2012, available at: <https://blogs.loc.gov/catbird/2012/07/pindar-poetry-and-the-olympics/> (accessed: 27.12.2016).
2. Baranov S.A., *Antichnyi obraz cheloveka: istoricheskii smysl i sudba v dialoge kultur, Extended abstract of PhD dissertation (Philosophy)*, Velikii Novgorod, 2009, 26 p. (in Russian)
3. “Beyond the Hoi Polloi? Ancient Greece and the Victorians”, in: *The Victorianist: Bavs Postgraduates*, 2015, available at: <https://>

- gods_heroes/heroes/kiparis.html (accessed: 26.12.2016). (in Russian)
16. Lloyd-Jones Hugh, Feet on the mantelpiece, *London Review of Books*, 1980, Vol. 2, No. 16, pp. 14-15, available at: <http://www.lrb.co.uk/v02/n16/hugh-lloyd-jones/feet-on-the-mantelpiece> (accessed: 24.12.2016).
17. Mill J.S., *Dissertations and Discussions*, London, 1867, Vol. 2, 568 p.
18. Peacock Thomas Love, The Four Ages of Poetry, in: Peacock Thomas Love, Shelley Percy Bysshe, Browning Robert, *Essays, Whitefish MT*, United States, Kessinger Publishing, 2010, pp. 2-15.
19. Phyllis Pose, *Woman of Letters: The Life of Victoria Woolf*, London: Harcourt; 1 edition, 1987, 298 p.
20. Platon, "Fileb", in: Platon, *Sobranie sochinenii v 4 vols.*, trans. H.V. Samsonova, Moscow, Mysl, Vol. 3, 1994, pp. 7-77.
21. Platon, "Timei", in: Platon, *Sochineniya: v 4 vols.*, St. Petersburg, Izdatelstvo Olega Abyshko, 2007, Vol. 3, Part 1, pp. 495-587. (in Russian)
22. Shackford Martha Hale. A Definition of the Pastoral Idyll, in: *PMLA. Modern Language Association*, 1904, Vol. 19, No. 4, pp. 583-592.
23. Shelley Percy Bysshe, *Hellas, a Lyrical Drama*, London, Charles and James Ollier Vere Street, 1821, LXIV p.
24. Sokolova N.I., *Tvorchestvo Dante Gabrielya Rossetti v kontekste "srednevekovogo vrozhdeniya" v viktorskoj Anglii, Monografiya*, Moscow, 1995, 169 p. (in Russian)
25. Somova E.V., *Antichnyi mir v angliiskom istoricheskom romane XIX veka Extended abstract of ScD dissertation (Philology)*, Moscow, 2009, 36 p. (in Russian)
26. Tuckwell W., *Reminiscences of Oxford*, New York, E.P.Dutton & Company, Second Edition, 1908, 348 p.

Нагайцева Ксения Анатольевна, преподаватель, кафедра Л-3 (Английский язык для машиностроительных специальностей), факультет лингвистики, Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана, owner3333@mail.ru

Nagaytseva K.A., Lecturer, L-3 English Language for Machine-Building Specialities Department, Linguistics Faculty, Bauman Moscow State Technical University, owner3333@mail.ru

УДК 27(09)
ББК 86.372

КРАТКАЯ АВТОБИОГРАФИЯ ЭРАЗМА РОТТЕРДАМСКОГО

Л.В. Софронова, М.В. Романова

Аннотация. Предлагается русский перевод краткой автобиографии Эразма Роттердамского, составленной им в 1524 г. (за двенадцать лет до смерти) и отправленной в виде послания его близкому другу Конраду Гоклению, преподавателю классических языков Лувенского университета. Анализируются стилистические особенности текста, обусловленные, по мнению авторов, целью и спецификой исторического контекста. Компендиум содержит описание жизни Роттердамца до 1516 г., включая сведения о семье, об отношениях родителей, романтическую историю его появления на свет, о школьном образовании, удалении в монастырь и уходе из него. Автор упоминает свои отношения с покровителями, с другими гуманистами и реформаторами, описывает свой характер. По замыслу Эразма автобиографический набросок следовало использовать как основу для развернутого жизнеописания, которое должны были написать уже после смерти гуманиста его друзья.

Ключевые слова: Эразм Роттердамский, эпистолярное наследие, автобиография, Конрад Гоклений, саморефлексия, Реформация.

421

BRIEF AUTOBIOGRAPHY OF ERASMUS OF ROTTERDAM

L.V. Sofronova, M.V. Romanova

Abstract. The article presents a Russian translation of the short autobiography of Erasmus written in early 1524, twelve years before his death. It was sent from Basel to a very close friend, Conrad Goclen, a professor of Latin at Louvain. The stylistic features of this sketch are deeply connected with the purpose and specificity of the historical context. The *Compendium vitae* contains a description of his life up to 1516, including information about the family, relationship of parents, the romantic story of his birth, schooling, retirement to a cloister and leaving after a while. Erasmus mentions his relations with the patrons and other humanists and reformers, and describes his character. According to Erasmus's plan, the autobiographical sketch had been supposed to be used as a basis for the detailed biography. He expected his friends to write it after his death.

Keywords: *Erasmus of Rotterdam, epistolary heritage, autobiography, Conrad Goclen, self-reflection, Reformation.*

Настоящая публикация представляет собой русский перевод краткой автобиографии нидерландского гуманиста Эразма Роттердамского (1466–1535), составленной им за двенадцать лет до своей смерти. 2 апреля 1524 г. “Compendium vitae” [1, vol. 1, p. 46-52] был отправлен автором из Базеля в Лувен Конраду Гоклению (1489–1539) с сопроводительным письмом [1, vol. 5, p. 431-438]. В эпистоле гуманист, описав новости, сообщает о направляемом адресату жизнеописании и дает распоряжения на случай его смерти.

Оба текста – автобиографии и письма – не были известны при жизни гуманиста и опубликованы только в XVII веке [1, p. 538-578]. Данное обстоятельство стало одним из поводов оспаривать их аутентичность [2, vol. 1, p. xlvii-lix, 1-4]. Оставив за рамками данного исследования дискуссии ученых о подлинности Эразмова Компендиума, отметим, что авторство Роттердамца не вызывает у нас сомнений [3].

“Compendium vitae” служит источником уникальной информации о семье и жизни гуманиста до 1516 г. В этом качестве он издавна использовался в зарубежной эразмиане [4; 5], но до сих пор еще не привлекал специального внимания отечественных ученых. Одно это обстоятельство может стимулировать интерес к ней современного исследователя. Однако содержащийся в источнике фактический материал, актуальный для создания «внешней биографии» ренессансного ученого, может быть кор-

ректно интерпретирован только в неразрывной связи с его «внутренней биографией». Необходимо обращение к интеллектуальному и эмоционально-психическому жизненному опыту автора, его мотивации, саморефлексии и способов репрезентации «себя». Компендиум предоставляет возможности для такого историко-биографического исследования.

Что побудило Эразма к составлению жизнеописания? Из письма К. Гоклению можно понять мотивы. Во-первых, без того слабое здоровье серьезно пошатнулось в начале 1524 г.: Эразм пережил настолько длительный и мучительный приступ мочекаменной болезни, что по его словам, боялся, как бы «камень в скором времени не отправил его на тот свет» [1, vol. 5, p. 382]. В такой ситуации мыслитель озабочился тем, какая память о нем останется будущим поколениям. Во-вторых, к созданию автобиографии его также подталкивало двойственное отношение к нему и его трудам многих современников. В начале 1520-х гг. Эразм являлся признанным главой «республики ученых». В условиях реформационной борьбы как католики, так и лютеране пытались привлечь его в свой лагерь, но гуманист стремился сохранить нейтралитет и независимость, вызывая тем самым с обеих сторон упреки и обвинения, порой переходившие в личные оскорбления. В письме он описывает себя больным, окруженным врагами и предателями [1, vol. 5, p. 435]. Много неприятностей и переживаний принесла ему история с

Хейнрихом Эппендорфом¹, который, став одним из ближайших друзей гуманиста, оказался «мошенником, способным на всяческое притворство и коварство» [1, vol. 5, p. 431-432]. По словам Эразма, Эппендорф за его спиной распространял клевету, настраивая против Роттердамца даже его сторонников. В частности, именно Эппендорф, полагал гуманист, повинен в его конфликте с прибывшим в Базель Ульрихом фон Гуттеном, объявившим его предателем их общего дела [1, vol. 5, p. 432-433; 7]. После смерти мятежного немецкого поэта Эппендорф угрожал Эразму обвинением в клевете, ссылаясь на имеющееся у него письмо Роттердамца против Гуттена. Гуманист допускал, что цель интриг Эппендорфа состояла в получении денег за молчание. В такой сложной ситуации, полагал Эразм, его противники могли воспользоваться любой неоднозначной информацией о нем, дав ей соответствующую их замыслам интерпретацию. А биография Роттердамца включала ряд таких аспектов, как незаконнорожденность, уход из монастыря, отказ туда вернуться, нарушения церковных правил в отношении постов и монашеского одеяния, которые Эразм желал если не скрыть, то хотя бы истолковать в нужном ему ключе.

Наконец, третье обстоятельство, побудившее его взяться за Компендиум, связано с известием о намере-

нии неких людей написать его биографию в стихах и прозе. Вероятно, Эразм написал Компендиум своей жизни для того, чтобы в будущем на его основе приверженцы гуманиста создали полное жизнеописание².

Человеком, которому Эразм доверил Компендиум, сопроводив призывами соблюдать высшую степень секретности, был Конрад Гоклений, декан артистического факультета Лувенского университета, друг Эразма еще по школе св. Либуина в Девентере. После переезда Эразма в Базель, К. Гоклений занимался изданием его трудов, вел дела гуманиста. Взаимное доверие и помощь на протяжении многих лет, по-видимому, и обусловили то, что именно Гоклению Эразм, вновь оказавшийся в сложной ситуации, отправляет свою «тайную» автобиографию, вверяет распоряжение наследством и, что особенно показатель-но, в 1536 г. напишет свое последнее в жизни письмо [6, vol. 1, p. 108-109].

Несколько слов о стилистике Компендиума. Значительная часть текста – около 100 строк из 167 – состоит из кратких и очень кратких, из 2-3 слов, предложений; отсутствуют вводные слова, эмотивные выражения, сложные синтаксические конструкции. Подобная лаконичность стиля в свое время смутила некоторых исследователей, считавших ее нехарактерной для гуманиста и увидевших в ней доказательство подложности “Compen-

¹ Хейнрих Эппендорф (1496–после 1551) – немецкий гуманист, учился в университетах Лейпцига, Фрейбурга; пользовался покровительством Саксонского герцога Георга и в качестве его посланника навещал Эразма в Лувене в 1520 г. С 1522 г. жил в Базеле. Друг Ульриха фон Гуттена. Подробнее о роли Эппендорфа в конфликте Эразма и Гуттена см.: [6, vol. 1, p. 439-441].

² Эразм сам написал несколько биографий своих друзей. Литературный портрет Т. Мора см. в письме Эразма У. фон Гуттену от 23 июля 1519 г.: [1, vol. 3, p. 12-23; 8, с. 317-332]. Параллельное жизнеописание Дж. Колета и Ж. Витрие см. в письме Юстусу Йонасу от 13 июня 1521 г.: [1, vol. 4, p. 507-527; 9, с. 317-332; 10, с. 388-423].

dium vitae" [11, р. XI; 2, р. XLVI-LII, 1-4]. Однако утверждения о несвойственности Эразму такого слога не совсем корректны. Аналогичным языком написан Эразмов трактат «О способе обучения и толкования авторов» (De ratione studii ac legendi interpretandique auctores, 1512), где автор также предельно конкретен и экономен как в средствах украшения речи, так и в лексике [12]. Гуманист ведет рассказ о своей жизни в третьем лице, называя себя puer, adolescens, senex, либо (как правило) имперсонально. Использует формы исторических времен: erat, fuit, scripsit, poterat, delectabatur, vixit etc. Исключение составляет пассаж, описывающий драматический момент жизни, когда опекуны понуждали его уйти в монастырь. Только здесь автор позволяет себе применить элементы риторики: переход к прямой речи (решающий разговор с Питером Винке-

лом, строки 72-75) и к настоящему времени (описание различных способов воздействия на него со стороны опекунов, строки 77-78). Наличие именно в данной части текста этих оживляющих повествование приемов, вероятно, является результатом (возможно, неосознанным) вербализации сильных эмоций автора. Не следует также исключать и сознательное стремление Эразма эмоционально воздействовать на читателя в этом, столь чувствительном для гуманиста вопросе.

Последняя часть (строки 154-167) отличается от всего текста по стилю и содержанию. Автор пишет от первого лица, непосредственно обращается к адресату, использует будущее время. Он сообщает последние новости и передает наставления их общим знакомым. По сути, это уже не Компендиум, а постскрипtum, предназначавшийся К. Гоклению.

Эразм Роттердамский – Конраду Гоклению шлет самый большой привет!

Узнай один и сохрани в тайне³

424

Остался последний акт этой пьесы, для исполнения которого необходим Пилад⁴, то есть кто-то, подобный тебе. Поэтому на тебя я возложил всё упование и нисколько не сомневаюсь, что ты проявишь тот характер, который вызывал до сих пор. Но здесь обязательно полное молчание, так что, как бы ни был кто-то близок тебе, ты не доверишь ему эту тайну. Мне самому следовало приехать, но путь долог и недостаточно безопасен, а этот посланник⁵, я надеюсь, достаточно надежный. <...>

Поскольку моя жизнь часто подвергается опасности⁶, остается только верить тебе, вернейшему из друзей, самое дорогое, что у меня есть, – память обо мне, которую, я подозреваю, будут подвергать многим наветам. Поэтому

³ В оригинале – Αναγίνωσκε μόνοις καὶ λάθρα.

⁴ Пилад в греческой мифологии – верный друг Ореста.

⁵ Ливинус Алготиус (Livinus Algotius, Leiven Algoet, Omnibonus, Panagathus, ум. 1547 г.) – письмоносец Эразма с 1519 г., уроженец Гента.

⁶ Приступы почечной колики из-за мочекаменной болезни в 1524 г. участились; в первые месяцы года Эразм дважды был на пороге смерти: в январе и мае, см.: [1, vol. 5, р. 380-381, 475].

посылаю тебе краткое описание всей моей жизни, а это – Илиада скорбей⁷, ибо никто не был рожден несчастнее меня. Но, возможно, в будущем найдутся те, кто многое присочинят <...> Знаю, насколько трудно будет сохранить тайну, однако одному тебе я всё вверяю <...>.

КОМПЕНДИУМ ЖИЗНИ ЭРАЗМА РОТТЕРДАМСКОГО, который он сам упоминает в письме-предисловии

Жизнь должна оставаться в тайне⁸

Родился в Роттердаме в канун праздника святых апостола Симеона и Иуды⁹. Достиг почти пятидесяти семи лет. Мать звали Маргарита, она дочь врача, некоего Петра. Она была из Семигорья, [называемого] обычно Зевенберген¹⁰; в Дордрехте он видел двоих ее братьев в возрасте почти девяноста лет [1, vol. 1, p. 203]. Отца звали Герхард [1, vol. 1, p. 577-578]. В надежде на брак он втайне сошелся с названной Маргаритой. Есть, однако, [люди], которые говорят, что они были помолвлены. Бесчестьем сочли это дело и братья, и родители Герхарда. Отец был Элиас, мать – Катарина. Оба дожили до глубокой старости; Катарина – почти до девяноста пяти лет. Братьев было десять¹¹, сестер – ни одной, от одних и тех же отца и матери; все были женаты. Герхард был самым младшим и, в отличие от остальных, одиноким. Всем казалось, что из такого числа [детей] одного следует посвятить Богу. Ты знаешь настроения стариков. И братья не желали, чтоб уменьшилось их наследство, но чтоб был кто-то, у кого они сами могли бы найти приют. Герхард, видя, что по общему решению он совершенно отрезан от брака, сделал то, что обычно делают, лишившись надежды: он тайно бежал и с дороги послал родителям и братьям письмо с [изображением] соединенных рук, добавив изречение: «Прощайте, я никогда вас не увижу».

Меж тем, возлюбленная невеста осталась беременной. Мальчик воспитывался у бабушки. Герхард направился в Рим. Там он немало накопил переписыванием, ибо тогда еще не было искусства книгопечатания. У него была весьма искусная рука. И он вел жизнь молодого человека. Затем он увлекся благородными науками. Имел прекрасные познания в греческом языке и латыни. Также необычно преуспел в области права. Ведь Рим тогда удивительно славился учеными мужами. Слушал Гуарино¹². Собственноручно переписывал

425

⁷ В оригинале – ἰλιάδα κακῶν.

⁸ В оригинале – ὁ βίος λάθρα.

⁹ В ночь с 27 на 28 октября. Год рождения Эразма, как известно, является предметом научных споров. «Годом Эразма» в Голландии был объявлен 1969 год. На наш взгляд, есть убедительное свидетельство в пользу 1466 года. Сам Эразм в биографии Дж. Колета писал, что его английский друг был на два или три месяца младше его самого [10, с. 404]. Установлено, что Колет родился во второй половине января 1467 г., следовательно, Эразм родился в 1466 г., см.: [13].

¹⁰ Зевенберген – населенный пункт недалеко от г. Бреды в северо-западной части Северного Брабанта. Буквальный перевод – «семь гор».

¹¹ Один из них, по имени Теобальд, упомянут в письме 1498 г.: [1, vol. 1, p. 203].

¹² Гуарино Гуарини да Верона, Гварино Веронезе (1374–1460) – итальянский поэт, переводчик, педагог; разработал гуманистическую программу образования, основанную на

сал всех авторов. Родители, узнав, что он в Риме, написали ему, что девушка, о браке с которой он их умолял, ушла из жизни. Он поверил в это и от отчаяния стал пресвитером и всей душой устремился к религии. Вернувшись домой, узнал об обмане. Однако как она не пожелала когда-либо после выйти замуж, так и он не касался ее.

О мальчике же он позаботился, дабы дать ему достойное образование, и едва только ему исполнилось четыре года, отправил [его] в грамматическую школу¹³. И в течение первых лет¹⁴ [учебы] он добился очень малого в тех неприятных науках, для которых рожден не был. Когда он достиг девяти лет, отец отослал его в Девентер¹⁵, мать последовала за ним, став блюстителем и защитницей [его] нежного возраста. Эта школа тогда была совершенно варварской (начинали преподавать с *Pater meus*, заканчивали временами¹⁶; комментировали Эберхарда¹⁷ и Иоганна де Гарландиа¹⁸), за исключением того, что Хегий и Зинтий¹⁹ начали привозить кое-что из лучшей литературы.

идеях Квинтилиана; основал публичную школу в Ферраре (впоследствии ставшую университетом), где получали гуманистическое образование выходцы из многих европейских университетов. Преподавал также в Вероне, Венеции и Флоренции. Отец Эразма не мог слушать его лекции, поскольку ко времени приезда Герарда в Италию – весне 1466 года – Гуарино уже умер. Возможно, речь идет об одном из сыновей Гуарино – Лионелло или Баптисте.

¹³ Учителем школы в Гауде был Питер Винкел, вероятно, родственник, Эразма.

¹⁴ Вероятно, период пребывания в школе Гауды – 1470–1475 гг.

¹⁵ Девентер – город в провинции Оверэйссел (Нидерланды), где с XII в. существовала латинская грамматическая школа при соборной церкви св. Лебуина. С XIV в. школа принадлежала «братству новой жизни» движения «нового благочестия» и стала известна за пределами Голландии. В 80-е гг. XV в. превратилась в центр гуманистического образования; численность учеников превышала 2000 человек. Эразм обучался в школе Девентера с 1475 по 1484 гг.

¹⁶ Возможно, речь идет о склонении латинского словосочетания (*Pater meus*, *Patris mei* etc.) и о временах глагола.

¹⁷ Эберхард (Эвард) (ум. 1212 г.) – фламандский ученый-грамматист, автор популярной латинской грамматики “*Graecismus*” («Правила фигур и восьми частей предложения, или Грамматики, изложенные латинскими стихами»). Название учебника произошло от главы 8, посвященной основам греческого языка.

¹⁸ Иоганн де Гарландиа (ок. 1190 – ок. 1272) – филолог, преподаватель Парижского и Тулузского университетов, англичанин по происхождению (*John Garland*); автор многих грамматических трудов, в том числе, латинского словаря «*Dictionarius*» (1220). Эразм имеет в виду учебник “*Compendium totius grammaticae*” (1234), он был напечатан в Девентере в 1489 г. В школах использовали стихотворные произведения: “*De triumphis ecclesiae*” и “*Epithalamium beatae Mariae Virginis*”.

¹⁹ Александр Хегий (Гегий, Хегиус, 1433 – 1498 г.) – немецкий гуманист-педагог, друг Родольфа Агриколы, вместе с которым изучал древнегреческий язык, член братства Общей жизни. Был ректором школы св. Лебуина с 1483 г. до самой смерти в 1498 г. Иоханнес Зинтий (Синтеймиус, Ян Синтен, Сейнтен, 1450?–1533 гг.) – учитель школы св. Лебуина, также из Братства Общей жизни. Составил (в соавторстве с Хегием) комментарий на средневековый учебник “*Doctrinale puerorum*” Александра де Вилла Деи. В биографии Эразма Беат Ренан сообщал, что «<...>Иоанн Синтеймиус, человек хорошо образованный, <...>восхищенный успехами Эразма <...>однажды обнял мальчика и сказал: “Хвала тебе, Эразм, за твой талант, когда-нибудь ты достигнешь вершины учености!”, тут же поцеловал его и отпустил». См.: [1, vol. 1, p. 57].

В конце концов, от мальчиков-сотоварищей, которые были старше по возрасту и [уже] слышали Зинтия, он впервые вкусил аромат лучшего учения²⁰; впоследствии не раз слушал Хегия, но только по праздничным дням, когда тот читал для всех²¹. Здесь он дошел до третьего класса²²; тогда чума, жестоко свирепствовавшая там, унесла его мать, оставив теперь уже тринадцатилетнего сына²³. Поскольку чума с каждым днем все больше и больше усиливалась, и весь дом, в котором он жил, обезлюдел, мальчик вернулся на родину²⁴. Герард, получив скорбное известие, начал болеть и вскоре умер. Обоим [родителям] было немногим более сорока лет. Отец назначил троих опекунов, которых счел очень надежными. Главным из них был Питер Винкел, бывший тогда учителем грамматической школы в Гауде. Герард оставил скромное наследство, дабы опекуны добросовестно управляли им. А потому мальчик был отослан в Хертогенбос, хотя был уже достаточно взрослым для поступления в университет²⁵. Однако они опасались университета, ибо уже решили посвятить мальчика религии.

Там он прожил, а вернее, напрасно потратил²⁶, три года в так называемых братских покоех; в них тогда учил Ромбольд. Подобный род людей уже широко распространился в мире, и это причина порчи добрых дарований и источник монашества. Ромбольд, который чрезвычайно полюбил дарование мальчика, начал уговаривать его присоединиться к его Братству. [Отказываясь], мальчик приводил в оправдание неопытный возраст²⁷. Когда здесь вновь началась чума, он, к тому же давно страдая от четырехдневной перемежающейся лихорадки, вернулся к опекунам, будучи к этому моменту уже был достаточно подготовленным в стиле, усвоенном у некоторых хороших авторов. Один

²⁰ Беат Ренан сообщал, что «комедии Теренция мальчик знал почти как свои пять пальцев»: [1, vol. 1, p. 55].

²¹ Эразм мог слушать лекции Хегия в последний год своего пребывания в школе – в 1483–1484 гг.

²² Первый класс – самый старший. Всего в школе св. Лебуина было 8 классов и один подготовительный.

²³ Эпидемия чумы разразилась в Девентере в 1483 г. Если в тот момент ему было тринадцать лет, годом его рождения следует считать 1470 г. Как заметил Й. Хейзинга, «хронологические представления Эразма никогда не были на высоте», см.: [4, с. 213].

²⁴ Вероятно, не сразу после смерти матери в конце 1483 г., а спустя почти год в декабре 1484 г. О хронологии первых лет жизни Эразма см.: [1, vol. 1, p. 578–584].

²⁵ Возраст для поступления в университет – 13–16 лет, возраст новичиев в августинском монашеском ордене – 14 лет. Не желая отпускать Эразма за границу в университет, но и не убедив его уйти в монастырь, опекуны нашли компромиссное решение – школу в Хертогенбосе (провинция Брабант), которая также принадлежала Братству Общей жизни и даже располагалась в братском общежитии. По замыслу опекунов, школа должна была стать промежуточной ступенью и привести Эразма в монастырь или к принятию сана.

²⁶ Пребывание в Хертогенбосе – 1484–1487 гг. Критическая оценка данной школы в определенной мере справедлива, т.к. в ней не было старших – второго и первого – классов. В течение трех лет Эразм занимался самообразованием, используя богатую библиотеку Братства: [14, vol. 3, p. 327–328].

²⁷ Здесь Эразм искажает свой возраст. Вероятно, тогда ему было не менее 18 лет. Впоследствии Эразм сожалел об отказе Ромбольду, т.к. в отличие от монастыря из братства можно было вернуться в мир.

из опекунов умер от чумы; двое остальных, поскольку не совсем хорошо вели его дела, начали разговор с ним о монастыре. Юноша, ослабевший от лихорадки, которая длилась у него более года, не испытывая отвращения к благочестию, в остальном был не расположен к монастырю. Таким образом, они дали [ему] день на размышление. Все это время опекун посылал [людей], чтобы те, то соблазнами, то угрозами, то уговорами пытались повлиять на его ослабленную волю. Меж тем опекун узнал о месте в монастыре регулярных каноников, как их обычно называют, в обители Сион около Делфта; это главный монастырь данного капитула²⁸. Когда наступил день для ответа, юноша ответил мудро: что он еще не знает, ни каков мир, ни каков монастырь, ни каков он сам; соответственно, было бы разумнее провести несколько лет, занимаясь учебой, пока не узнает себя лучше. Когда Питер увидел, что юноша твердо стоит на этом, он тотчас завопил: «Так я напрасно старался приобрести для тебя с великими усилиями такое место! Ты бездельник, в тебе нет ничего хорошего! Я отказываюсь от опеки над тобой, отныне заботься о себе сам». Юноша ответил, что принял его отказ, и что он в том возрасте, когда нет надобности в опекунах. Когда опекун увидел, что угрозами ничего не может достичь, то он подсылает брата, который тоже был опекуном, торговца. Тот действует лестью. Со всех сторон обступают подстрекатели. У юноши был товарищ, который предал друга²⁹. И лихорадка мучила; но все же монастырь всё-таки [ему] претил, пока по счастливой случайности он не посетил обитель того же ордена в Еммаусе или Стейне, в окрестностях Гауды³⁰. Там он нашел Корнелия, с которым делил одну комнату в Девентере³¹. Тот еще не был пострижен в монашество, бывал в Италии, но вернулся плохо образованным. Преследуя тут свою выгоду, он начал с удивительным красноречием живописать благочестивейший образ жизни, обилие книг, досуг, покой, ангельское содружество. Почему нет? Влекомый детской привязанностью, он потянулся к старому товарищу. Одни завлекали, другие вынуждали. Изнуряла лихорадка. И он выбрал это место, отвратившись от другого; и его³² продолжали обольщать до тех пор, пока он не был облачен в монашескую рясу³³. Меж тем, хотя он и был юн, он понял, до

²⁸ Капитул Сиона, возникший в 1444 г. из объединения трех монастырей: св. Девы Марии или Сион, близ Делфта, св. Мартина в Хеме близ Схоонховена, и монастырь св. Георгия близ Гауды, более известный как Стейн или Еммаус. Впоследствии в него вошли другие конвенты, как мужские, так и женские. Капитул Сиона не принадлежал к Виндесхеймской конгрегации монастырей августинских регулярных каноников, но жил по сходному Уставу – более строгому, чем в ордене св. Августина в целом.

²⁹ Намек на старшего брата Питера, который первым сдался на уговоры опекунов и принял монашество в обители Сион.

³⁰ Можно предположить, что название Еммаус проистекает от близости монастыря к Гауде по подобию евангельского селения, расположенного близ Иерусалима (Лк. 24: 13-35).

³¹ Корнелий Герард из Гауды (1460–1530?) – нидерландский гуманист, друг Эразма, вероятно, со времени обучения того в школе в Гауде. Взял себе латинизированное имя Аурелиус, производное от названия родного города – *goud* по-датски соответствует латинскому *aurum*. Вступил в орден августинских каноников в монастыре св. Мартина в Хеме.

³² В тексте глагол стоит в 1 лице – *lactabar*.

³³ Низшая степень монашества (без произнесения обетов), право ношения неполного монашеского одеяния (рясофор).

какой степени не было там истинного благочестия. И всё же он побудил всю монастырскую братию к занятиям. Он готовился убежать перед принесением обетов, но отчасти простой человеческий стыд, отчасти угрызения совести и нужда удержали его.

Принял монашеский постриг³⁴. Наконец, при случае был представлен епископу Камбре Хендрику ванн Бергену³⁵; тот надеялся на кардинальскую шапку и получил бы, если б не недостаток наличных денег. Для этого путешествия в [Рим] он хотел иметь человека, сведущего в латыни. Таким образом, [Эразм] был вызван им с разрешения епископа Утрехтского³⁶, его одного было достаточно, хотя он добавил разрешение приора и генерала [ордена]. Он вступил в дом епископа, оставшись, однако, в [монашеской] рясе. Когда епископ оставил надежду на [кардинальскую] шапку, [Эразм], почувствовав, как непостоянен тот в любви к окружающим, задумал отправиться в Париж учиться. Ему была обещана годовая стипендия, но ничего не было прислано. Так обычно поступают правители. Там в коллегии Монтегю из-за гнилых яиц и зловонной зараженной комнаты он подхватил заболевание, и оно стало причиной болезненности прежде очень крепкого организма. Ввиду этого он вернулся к епископу. Был принят с почтением и в Бергене излечился от болезни. Возвратился в Голландию с намерением остаться среди своих. Но по их же непредубежденным увещаниям вновь вернулся в Париж. Там, лишенный помощи мецената, скорее выживал, чем учился; и из-за чумы, которая продолжалась в течение многих лет, должен был каждый год возвращаться на родину. К занятиям теологией он питал отвращение, поскольку осознавал, что по натуре он не склонен опровергать все основы, но из-за этого в будущем мог быть заклеимен именем еретика. Наконец, когда чума свирепствовала на протяжении всего года, он был вынужден переселиться в Лувен³⁷. До этого он посетил Англию по милости Маунтджоя, сначала ученика, а теперь мецената; но более дружелюбного, чем щедрого³⁸. В это время он снискал к себе расположение всех добрых людей у англичан³⁹, в особенности, тем, что ограбленный на берегу Дув-

³⁴ Сопровождается принесением обетов.

³⁵ Хендрик ван Берген (1449–1502) – епископ Камбре, канцлер ордена Золотого Руна, патрон Эразма. Гуманист сетовал [1, vol. 1, p. 395]. на скупость покровителя, даже после смерти последнего в 1502 г.: «Епископа Камбре восхвалили тремя латинскими эпитафиями и одной греческой; мне послали только шесть гульденов: даже мертвый он был верен себе». Эпитафии в переводе Ю.Ф. Шульца см.: [15, с. 139–141].

³⁶ Давид Бургундский (1427–1496), который рукоположил Эразма в сан священника в 1492 г.

³⁷ В конце лета 1502 г.

³⁸ Уильям Блаунт, четвертый барон Маунтджой (1478–1534) – английский государственный деятель времен Генриха VII и Генриха VIII Тюдоров. Будучи студентом Парижского университета в 1498 г., стал учеником Эразма. Визит в Англию длился с весны 1499 до начала 1500 гг. Об одном из даров Маунтджоя Эразм писал позже [1, vol. 1, p. 569]: «Господин Маунтджой, барон этого королевства, некогда мой ученик, дал мне годовой пенсион в сто крон». Речь идет об английской кроне с розой, которая равнялась 5 ш., пенсион Эразма составлял 20 ф.ст.

³⁹ За время этого визита Эразм познакомился с Томасом Мором (1478–1535) и Джоном Колетом (1466–1519), ставшими его друзьями и покровителями, а также с юным принцем, будущим королем Генрихом VIII, для которого сочинил оду в похвалу Британии, см.: [15, с. 126–131].

ра⁴⁰ не только не стал мстить за эту обиду, но вскоре выпустил книгу в похвалу королю и всей Англии⁴¹. В конце концов, из Франции был призван в Англию великими посулами⁴²; именно в это время он обрел дружбу архиепископа Кентерберийского⁴³. Когда обещанное так и не было сделано, направился в Италию⁴⁴; он всегда горел желанием посетить ее. Немногим больше года провел в Болонье⁴⁵, будучи уже в зрелом возрасте, почти сорокалетним. Оттуда перебрался в Венецию и опубликовал «Адагии»⁴⁶; оттуда – в Падую, где перезимовал⁴⁷; позднее – в Рим, куда уже добралась [о нем] быстрая и похвальная молва. Он был большим другом Рафаэля, кардинала св. Георгия⁴⁸. Не был бы обделен там милостями фортуны, если б со смертью короля Генриха VII и [возцарением] его преемника [Генриха] VIII был приглашен в Англию письмами друзей, переполненными величайшими обещаниями⁴⁹. Решил провести там

⁴⁰ Незадолго до Эразмова отъезда из Англии был возрожден меркантилистский закон Эдуарда III, запрещающий вывоз золота и серебра из королевства. Таможенники в Дувре конфисковали почти все сбережения гуманиста – 20 ливров, пожертвованных ему покровителями. Виновниками этого несчастья он считал Маунтджоя и Мора, уверявших его в том, что данный закон не распространяется на иностранную валюту. Эту несправедливость Эразм пережил с большим трудом (см. серию писем: [1, vol. 1, ep. 119, 120, 123, 135], не мог забыть и спустя годы писал [1, vol. 1, p. 279]: «Пятнадцать лет назад, когда я собирался вернуться в Галлию, на берегу Дувра я потерял 20 ливров и потерпел крушение, еще не вступив на корабль».

⁴¹ Дабы сохранить расположение Маунтджоя, Эразм посвятил ему первое издание «*Adagiorum collectanea*». Подробное описание до этого казуса см.: [1, vol. 1, p. 16; 4, c. 246-247].

⁴² О причинах своего второго приезда в Англию (1505-1506 гг.) Эразм писал [1, vol. 1, p. 414], что «лорд Маунтджой с великим усердием звал его, не без согласия всех благоразумных людей»; о напрасных посулах см.: [1, vol. 1, p. 421]: «Король Англии обещал приход; но вынужден отложить это дело из-за прибытия в Англию герцога». Речь идет о визите Филиппа, герцога Бургундского в январе-апреле 1506 г.

⁴³ Уильям Уорем (1450?–1532) – английский государственный деятель, с 1503 г. – архиепископ Кентерберийский, один из наиболее щедрых патронов Эразма. В 1514 г. Эразм писал [1, vol. 1, p. 569]: «Архиепископ Кентерберийский, примас всей Англии и канцлер этого королевства, муж ученый и честный, меня настолько ценит, что будь он моим отцом или братом, невозможно любить больше.< ...> Он дал мне в держание церковную должность, почти в сто ноблей дохода (Нобль составлял треть фунта стерлингов, доход от должности равнялся 33 ф.ст. 6 ш. 8 п. – Л.С.), которая потом, после моей отставки, по моему желанию была заменена на пенсioen в сто крон; сверх того он дал за эти несколько лет в качестве подарков свыше четырехсот ноблей, при том, что я никогда ничего не просил. Однажды в один день дал сто сорок ноблей».

⁴⁴ В качестве учителя сыновей Джованни Баттиста Боэрио (ум. ок. 1530), лейб-медика короля Генриха VII.

⁴⁵ Приблизительно с осени 1506 до конца 1507 гг.

⁴⁶ В Венеции с конца 1507 до конца 1508 гг. Эразм переиздал у Альдо Мануцио драмы Еврипида, второй, расширенный вариант «Адагий», выпустил сочинения Плавта, Теренция, Сенеки.

⁴⁷ В Падуге учился новый ученик Эразма – Александр Стюарт, незаконный сын шотландского короля Иакова IV, архиепископ Сен-Эндрюса.

⁴⁸ Сансони Риарио, Раффаэлле (1461–1521) – итальянский церковный деятель из семьи Риарио, давшей Риму нескольких пап; будучи внучатым племянником Сикста IV, в 1477 г. стал кардиналом-диаконом в церкви св. Георгия в Велабро (Рим); покровитель искусств и учености.

остаток жизни, но когда обещания не были исполнены вновь⁵⁰, удалился в Брабант, приглашенный ко двору Карла, нынешнего императора, советником которого был сделан трудами Иоанна де Соважа, великого канцлера⁵¹. Остальное тебе известно. Причину перемены одеяния он изложил в первом памфлете, которым он ответил на нападки Ли⁵². Наружность сами опишите. Здоровье его всегда было слабым, отчего его часто мучила лихорадка, в особенности во время Великого поста от рыбы, даже запах ее был ему неприятен. Характера он был простого; и настолько испытывал отвращение ото лжи, что ребенком ненавидел мальчиков-обманщиков, а старцем он содрогался от одного вида таких людей. Среди друзей был достаточно откровенен, иногда больше, чем нужно; и часто обманываемый, так и не смог научиться не доверять друзьям. Был довольно привередлив и никогда не написал что-либо, что ему самому понравилось бы; также он не был доволен своей внешностью, и едва согласился на уговоры друзей позволить нарисовать себя⁵³. Всю жизнь презирал звания и богатство, и ничто не ценил выше досуга и свободы. Был снисходительным критиком чужой учености и, если предоставлялся случай, чрезвычайный покровитель дарований. В возвышении «добрых наук» никто не сделал больше и из-за этого он вызывал сильную зависть у варваров и монахов. Вплоть до пятидесяти лет сам не нападал ни на кого, и ничье перо не обвиняло его. Такое он взял для себя правило: его перо никогда не должно служить кровопро-

⁴⁹ По словам Эразма [1, vol. 1, p. 569], «сам король вскоре после похорон отца <...> написал мне собственноручно очень любезное письмо»; лорд Маунтджой сообщал [1, vol. 1, p. 451], что «архиепископ Кентерберийский обещал тебе пребенду, если вернешься, и передал нам 5 фунтов, чтобы переслать тебе на дорожные расходы; к ним я добавил столько же <...>, чтобы ты к нам поспешил».

⁵⁰ Однако в письме Серватию Рогеру (от 8 июля 1514 г.) Эразм описывал свою популярность в Англии и перечислял щедрые дары благотворителей [1, vol. 1, p. 569]: «Во всей Англии нет ни одного епископа, который не радовался бы моему приветствию, не стремился бы стать моим сотрапезником, не желал бы принять у себя дома <...> Если б я захотел провести хоть немного месяцев при королевском дворе, я накопил бы сколько угодно бенефициев; но эти мои литературные труды и научные штудии я предпочитаю всему на свете. От других епископов я получил свыше ста ноблей, пожертвованных безвозмездно. <...> Король и епископ Линкольна, который через короля теперь может всё, великодушно предлагают многое. Здесь есть два университета: Оксфордский и Кембриджский, каждый из них жаждет заполучить меня».

⁵¹ Жан де Соваж (1455–1518) – нидерландский государственный деятель при дворе Карла Габсбурга; канцлер Брабанта (1509), Великий канцлер Бургундии (1515), канцлер Кастилии (1516). Содействовал назначению Эразма на должность советника Карла в 1515 г.; он платил Эразму жалованье из собственного кармана; добился для него бенефиция в Куртре; позже хлопотал о получении Эразмом сана епископа *in absentia* в Сицилии, но безуспешно. С именем Соважа связано происхождение политических трудов Эразма: диалога «Юлий, не допущенный на небеса», «Воспитание христианского государя», «Жалоба мира».

⁵² Эдуард Ли (1482–1544) – английский церковный деятель, с 1531 г. – архиепископ Йоркский; изучал греческий язык и теологию в Лувенском университете; в 1518 г. начал полемику с Эразмом по поводу издания им исправленного текста Нового Завета. Подробнее о полемике см.: [16, с. 59–67]. Упомянутый здесь пассаж касается Эразмова отказа носить традиционное полотняное одеяние августинских каноников. Гуманист проясняет ситуацию с одеждой в «Апологии» (1520), указывая на обычай, бытующий среди английского духовенства в паломничестве носить одежду священника поверх монашеской без папской диспенсации, подробнее см.: [17, p. 57].

⁵³ О портретах Эразма подробнее см.: [4, с. 419–425].

литию. Сначала против него выступил Фабер⁵⁴, ибо нападки Дорпа были пресечены⁵⁵. В ответах всегда был учтив. Лютеранская трагедия принесла ему бремя нестерпимой ненависти; его поносили обе партии, в то время как он стремился щадить и ту и другую.

Я увеличу⁵⁶ каталог моих трудов⁵⁷; из него тоже многое можно будет взять. Герард Новиомагус⁵⁸ написал мне, что некие люди намереваются [описать] жизнь Эразма, частью в стихах, частью прозой. Он сам очень просил, чтоб его тайно наставили; но я не решился что-либо послать. Если случится поговорить с ним, ты сможешь передать ему. Однако не стоит ничего предпринимать относительно биографии, если обстоятельства сами того не требуют. Но об этих вещах, пожалуй, в другой раз или даже при встрече.

Пока я это писал, прибыл Беркман⁵⁹, нагруженный лживыми сплетнями. Знаю, насколько трудно будет сохранить тайну, всё же я всё вверяю тебе одному. Я поздравил нашего Виандала⁶⁰; Ливинус доставит книжечку. Побуждай Кератина⁶¹, чтоб, читая автора, он делал примечания. Фробена⁶² следует всячески поддерживать; я не всегда могу помочь ему. И из-за него мне очень многие сильно завидуют. Ты знаешь, каковы бывают гончары⁶³. И снова прощай.

⁵⁴ Якоб Фабер Стапуленсис (латиниз.) или Жак Лефевр д'Этапль (1450–1536) – французский теолог-реформатор, философ, математик, переводчик на французский язык Нового Завета и Псалтири; комментировал Послания апостола Павла (1512 и 1515). Спор касался Эразмовой интерпретации ряда мест Послания к евреям в издании Нового Завета 1516 г.

⁵⁵ Мартин (Маартен) Дорп (1485–1525) – нидерландский гуманист и теолог Лувенского университета; предметом его критики в 1514 г. стали «Похвала глупости» и Эразмово издание Нового Завета. О полемике с Дорпом см.: [16, с. 46–58].

⁵⁶ Отсюда начинается употребление первого лица и будущего времени; вероятно, начинающаяся здесь часть письма не входила в Compendium, а служила припиской, с указаниями для адресата по написанию биографии.

⁵⁷ Каталог трудов Эразма впервые был издан в виде письма Йоханнесу фон Боцхайму (ок. 1480–1536) в 1523 г.; расширенный вариант, о котором говорит гуманист, – в сентябре 1424 г. см.: [1, vol. 1, p. 1–46].

⁵⁸ Новиомагус (латиниз.) или Герхард Гелденхауер (1482–1542) – нидерландский гуманист, близкий друг Эразма, секретарь епископа Утрехтского

⁵⁹ Франц Беркман (ок. 1504–1530) – торговый агент из Антверпена, посредник между Эразмом и издателями Фробеном, Бадиом, крупный книготорговец, действовавший в Нидерландах, Франции, Англии.

⁶⁰ Мельхиор Виандал (ок. 1490–1535) – нидерландский гуманист, преподаватель классических языков в Лувене и Турне. Эразм посвятил ему небольшое сочинение «Парафраз на третий псалом» (1524), изданное в Базеле у И. Фробена с посвящением М. Виандалу, см.: [1, vol. 5, p. 412–415]. Ливинус – письмоносец Эразма, который должен был доставить Гоклейну письмо, Compendium и издание «Парафраза»; см. выше, сн. 5.

⁶¹ Якоб Кератин (ум. 1530) – нидерландский гуманист, знаток древних языков, по рекомендации Эразма занял должность преподавателя греческого в университете Лейпцига; в июле 1524 г. издал у И. Фробена греко-латинский словарь (Dictionarius Graecus ingenti vocabulorum numero locupletatus per uiriusque literaturae non vulgariter peritum Iacobum Ceratinum) с письмом Эразма в качестве предисловия: [1, vol. 5, p. 412–415].

⁶² Иоганн Фробен (ок. 1460–1527) – базельский издатель и книгопечатник, друг Эразма.

⁶³ Ср.: Гесиод. Труды и дни. 24–26: «Зависть питает гончар к гончару и плотнику плотник. Нищему нищий, певцу же певец соревнует усердно». См.: [18, с. 51].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Erasmus, Desiderius. Opus epistolarum Des. Erasmi Roterodami. – Rec. per P.S. et H.M. Allen. – 12 vol. [Text] / Erasmus. – Oxonii. – 1906-1958.*
2. *Erasmus, Desiderius. The Epistles of Erasmus. From his earliest letters to his fifty-first year / Ed. and trans. F.M. Nichols. 3 vols. [Text] / Erasmus. – L.: Longman, Green & Co, 1962.*
3. *Софронова, Л.В. «Compendium vitae» Эразма Роттердамского: автобиография ренессансного ученого [Текст] / Л.В. Софронова, Е.А. Григорьева // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия История, экономика, политология, информатика – Вып. 15 (31). – Белгород, 2014. – С. 60-67.*
4. *Хейзинга, Й. Культура Нидерландов в XVII в. Эразм. Избранные письма. Рисунки [Текст] / Й. Хейзинга. – СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2009. – 677 с.*
5. *Huma, A. The Youth of Erasmus [Text] / A. Huma. – Ann Arbor: The University of Michigan Press, 1930. – 400 p.*
6. *Contemporaries of Erasmus: A biographical register of the Renaissance and Reformation. 3 vols. [Text]. – Toronto: The University of Toronto Press, 1985–1987.*
7. *Володарский, В.М. Спор Эразма и Гуттена [Текст] / В.М. Володарский // Эразм Роттердамский и его время. – М.: Наука, 1991. – С. 137-148.*
8. *Мор, Т. Утопия / Пер. с лат. Ю. М. Каган. Вступит. статья И.Н. Осинового [Текст] / Т. Мор. – М.: Наука, 1978. – 173 с.*
9. *Софронова, Л.В. Эразм о Джоне Колете и Жане Витрие: собирательный образ «христианского гуманиста» [Текст] / Л.В. Софронова // Средние века. Вып. 71 (1-2). – М.: Наука, 2010. – С. 242-266.*
10. *Софронова, Л.В. Джон Колет. Опыт ретаврации образа христианского мыслителя ренессансной эпохи [Текст] / Л.В. Софронова. – Н. Новгород: Изд-во НГПУ, 2009. – 450 с.*
11. *Erasmiani Gymnasii Programma Litterarium / Ed. Dr. J.B. Kan [Text] / J.B. Kan. – Rotterdam, 1881. – 28 p.*
12. *Эразм, Роттердамский. О способе обучения, а также чтения и толкования авто-
ров / Пер. и комм. Л.В. Софроновой [Текст] / Эразм // Textum Historiae: исследование по теоретическим и эмпирическим проблемам всеобщей истории. Вып. 2. – Н. Новгород: Изд-во НГПУ, 2007. – С. 106-119.*
13. *Gleason, J.B. The Birth Dates of John Colet and Erasmus of Rotterdam: Fresh Documentary Evidence [Text] / J.B. Gleason // Renaissance Quarterly. – 1979. – Vol. 32. – № 1. – Pp. 73-76.*
14. *Northen Humanism in European Context, 1469–1625: from «Adwert Academy» to Ubbo Emmius [Text] / Ed. by F. Akkerman etc. – Leiden-Boston-Köln: Brill, 1999. – 373 p.*
15. *Эразм, Роттердамский. Стихотворения. Иоанн Секунд. Поцелуй / Пер. Ю.Ф. Шульца, С.В. Шервинского [Текст] / Эразм. – М.: Наука, 1983. – 318 с.*
16. *Осиновский, И.Н. Эразм Роттердамский и Томас Мор. Из истории ренессансного христианского гуманизма [Текст] / И.Н. Осиновский. – М.: МПГУ, 2006. – 220 с.*
17. *Erasmus, Desiderius. Apologia qua respondet duabus invectivis Eduardi Lei // Erasmus Desiderius. The Collected Works of Erasmus. Vol. 72. Controversies / Ed. J.E. Phillips, trans. E. Rummel [Текст] / Erasmus. – Toronto: The University of Toronto Press, 1974. – Pp. 1-67.*
18. *Гесиод. Полное собрание текстов / Пер. В.В. Вересаева, О. П. Цыбенко; вступительная статья В.Н. Ярхо; коммент. О.П. Цыбенко и В.Н. Ярхо [Текст] / Гесиод. – М.: Лабиринт, 2001. – 256 с.*

REFERENCES

1. *Contemporaries of Erasmus: A biographical register of the Renaissance and Reformation, 3 vols., Toronto, The University of Toronto Press, 1985–1987.*
2. *Erasmiani Gymnasii Programma Litterarium, Ed. Dr. J.B. Kan, Rotterdam, 1881, 28 p.*
3. *Erasmus Rotterodamus, “O sposobe obucheniya, a takzhe chteniya i tolkovaniya avtorov”, Trans. L.V. Sofronova, Textum Historiae: issledovaniya po teoreticheskim i ehmpiricheskim problemam vseobshchej istorii, Issue 2, Nizny Novgorod, Nizny Novgorod State Pedagogical University, 2007, pp. 106-119. (in Russian)*

4. Erasmus Rotterodamus, *Stihotvoreniya. Ioannus Secundus. Pocelui*, Trans. Y.F. SHulc, S.V. Shervinskij, Moscow, Nauka, 1983, 318 p. (in Russian)
5. Erasmus Desiderius, "Apologia qua respondet duabus invectivis Eduardi Lei", in: Erasmus Desiderius, *"The Collected Works of Erasmus. Vol. 72. Controversies"*, Ed. J.E. Phillips, trans. E. Rummel, Toronto, The University of Toronto Press, 1974, pp. 1-67.
6. Erasmus Desiderius, *Opus epistolarum Des. Erasmi Roterodami*, trans. P.S. et H.M. Allen, 12 vols., Oxonii, 1906–1958.
7. Erasmus Desiderius, *The Epistles of Erasmus. From his earliest letters to his fifty-first year*, Ed. and trans. F.M. Nichols, 3 vols., London, Longman, Green & Co, 1962.
8. Gesiod, *Polnoe sobranie tekstov*, Trans. V.V. Veresaeva, O.P. Cybenko, vstupitel'naya statya V.N. Yarho, commentarii O.P. Cybenko, V.N. Yarho, Moscow, Labirint, 2001. 256 p. (in Russian)
9. Gleason J.B., The Birth Dates of John Colet and Erasmus of Rotterdam: Fresh Documentary Evidence, *Renaissance Quarterly*, 1979, Vol. 32, No. 1, pp. 73-76.
10. Hejzinga J., *Kultura Niderlandov v XVII century. Erasmus. Izbrannye pisma. Risunki*, St. Petersburg, Ivan Limbach Press, 2009. 677 p. (in Russian)
11. Hyma A., *The Youth of Erasmus*, Ann Arbor, The University of Michigan Press, 1930, 400 p.
12. More T., *Utopiya*, Trans. Y.M. Kagan, Vstupitel'naya statya I.N. Osinovskogo, Moscow, Nauka, 1978, 173 p. (in Russian)
13. *Northern Humanism in European Context, 1469–1625: from "Adwert Academy" to Ubbo Emmius*, Ed. F. Akkerman etc., Leiden-Boston-Köln, Brill, 1999, 373 p.
14. Osinovskij I.N., *Erasmus Rotterodamus i Thomas More. Iz istorii renessansnogo hristianskogo gumanizma*, Moscow, Moscow Pedagogical State University, 2006, 220 p. (in Russian)
15. Sofronova L.V., Erasmus o John Colet i Ioannus Vitrie: sobiratel'nyj obraz "hristianskogo gumanista", *Srednie veka*, Issue 71 (1-2), 2010, pp. 242-266. (in Russian)
16. Sofronova L.V., *John Colet: Opyt restavracii obraza hristianskogo myslitelya renessansnoj ehpoхи*, Nizny Novgorod, Nizny Novgorod State Pedagogical University, 2009, 450 p. (in Russian)
17. Sofronova L.V., Grigoreva E.A. "Compendium vitae" Erasmus Rotterodamus: avtobiografiya renessansnogo uchenogo", in: *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istoriya, ehkonomika, politologiya, informatika*, Belgorod, Issue 15 (31), 2014, pp. 60-67. (in Russian)
18. Volodarskij V.M., *Spor Erasmus i Guttenus, Erasmus Rotterodamus i ego vremya*, Moscow, Nauka, 1991, pp. 137-148. (in Russian)

Софронова Лидия Владимировна, доктор исторических наук, доцент, профессор, кафедра всеобщей истории, классических дисциплин и права, Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина, Lidiasof@yandex.ru.

Sofronova L.V., ScD in History, Associate Professor, World History, Classical Disciplines and Law Department, Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University, Lidiasof@yandex.ru

Романова Марина Александровна, магистрантка, кафедра всеобщей истории, классических дисциплин и права, Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина, marinochka.romanova93@mail.ru

Romanova M.A., Student, World History, Classical Disciplines and Law Department, Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University, marinochka.romanova93@mail.ru

УДК 811.112.2
ББК 81.432.4

ЯЗЫКОВАЯ ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК

■ Л.А. Нефедова

24—26 ноября 2016 г. в Государственном социально-гуманитарном университете г. Коломна состоялась международная конференция в рамках XIV-ого съезда Российского Союза германистов, созданного при поддержке Германской службы академических обменов (DAAD) в 2003 г. объединения литературоведов, лингвистов и культурологов, научные интересы которых сосредоточены в области германистики. Основным направлением деятельности ученых является изучение немецкого языка Германии, Австрии, Швейцарии и Люксембурга, а также немецкоязычной литературы этих стран.

Конференция, организаторами которой выступила кафедра немецкого и французского языков Коломенского университета совместно с кафедрой немецкого языка факультета иностранных языков МПГУ, была поддержана Германской службой академических обменов и Австрийским культурным форумом. Конференция имела статус лингвистического научного мероприятия и была посвящена актуальной теме: «Немецкий язык в контексте процессов глобализации: актуальные проблемы отечественной германистики». Важность и своевременность обсуждения данной темы обусловлена тем, что германистика накопила довольно значительный опыт описа-

ния современных процессов глобализации, которые привели к появлению общих закономерностей в развитии языков и языковых контактов.

Языковая глобализация находит выражение в широком и повсеместном распространении английского языка, в его влиянии на национальные языки. Как отмечает д.ф.н., проф. А.В. Кирилина, «сегодня английский язык практически вытеснил все языки из международной научной коммуникации, завоевав статус общего языка (лингва франка) эры глобальных сетей, новой экономики и Интернета». Ученый указывает на то, что «английский язык доминирует в области политики, экономики, прессы, рекламы, радио, кино и развлекательной музыки, путешествий, безопасности, системы коммуникации, науки и образования», добавляя, что «около 80% коммерческих переговоров по всему миру ведутся на английском». Обращается внимание на то, что «еще десять-пятнадцать лет назад знание английского было необходимо на среднем и высшем уровне корпоративной иерархии, сегодня же его освоение требуется и в низовом звене» [1].

Целью конференции германистов в условиях интернационализации английского языка стало осмысление проблемы «Язык — общество — человек» в новом глобализационном

435

ракурсе, обсуждение вопросов развития немецкого языка в условиях глобализации и возможности сохранения немецким языком статуса самого распространенного языка в Европейском Союзе, который остается ключом к интеграции России в европейское образовательное, экономическое и культурное сообщество.

На церемонии открытия конференции с приветственным словом к участникам обратились проректор по научной работе Государственного социально-гуманитарного университета проф. С.П. Хэкало, декан факультета иностранных языков проф. И.И. Саламатина, руководитель отдела культуры посольства Германии в России Ян Канторчик, начальник управления по культуре и туризму городского округа Коломна Н.В. Маркелова, руководитель Московского представительства Германской службы академических обменов доктор Петер Хиллер, президент Российского Союза германистов, заведующий кафедрой немецкого языка института иностранных языков МПГУ профессор Л.А. Нефедова.

Руководитель отдела культуры посольства Германии в России Ян Канторчик открыл работу конференции докладом об актуальных тенденциях развития германо-российских взаимоотношений и их будущем в европейском контексте. В докладе прозвучали важные предложения, направленные на поддержку интереса к изучению немецкого языка в эпоху глобализации.

С пленарным докладом «Языковые вызовы глобализации и проблемы отечественной германистики» выступила старший научный сотрудник отдела языкознания ИНИОН

РАН Н.Н. Трошина, подчеркнув, что для российской германистики особенно важны следующие аспекты сложившейся ситуации: 1) инновации на различных уровнях системы немецкого языка; 2) изменения в немецкоязычной языковой практике; 3) востребованность специалистов со знанием немецкого языка и профессиональных германистов; 4) востребованность немецкого языка в сфере образования и науки.

В работе конференции, рабочие заседания которой высокопрофессионально модерировали доктор филологии и культурологии, проф. Дирк Кемпер (РГГУ, Москва) и вице-президент РСГ д.ф.н., проф. С.И. Дубинин (Самара), приняли участие известные зарубежные ученые. Профессор университета г. Вупперталя Кристиан Эффинг (Германия) посвятил свой пленарный доклад теме места и роли немецкого языка в современном мире в условиях доминирования английского языка, сделав акцент на необходимости четкого проведения в языковом сознании границ между родным и иностранным языками.

Профессор Лейпцигского университета Эльмар Шенкель (Германия) в своем пленарном докладе «Влияние Фридриха Ницше на мировую литературу» говорил об исследованиях, посвященных влиянию учения Ницше на духовную традицию не только стран Европы, но и Америки, и даже Азии, о проблеме осмысления идейного наследия немецкого мыслителя и филолога в разных странах.

Французский германист, профессор Парижского университета Сорбонна Мартин Дальмас познакомила на пленарном заседании участни-

ков конференции с современным состоянием и перспективами развития германистики во Франции.

В работе секций приняли участие почетный профессор МПГУ Вольф Шмидт из Бельгии и доктор Гектор Ароча из Германии, научный сотрудник кафедры германского языкознания Эрфуртского университета, партнера кафедры немецкого языка МПГУ.

Российские коллеги представили вузы Архангельска, Волгограда, Вологды, Воронежа, Иванова, Иркутска, Казани, Кирова, Коломны, Красноярска, Липецка, Нижнего Новгорода, Новосибирска, Омска, Пятигорска, Самары, Санкт-Петербурга, Твери, Тольятти, Ульяновска, Хабаровска, университеты Москвы (МГУ им. М.В. Ломоносова, МПГУ), Российской академии наук.

Среди участников конференции было много учеников и последователей работавшего долгие годы на кафедре немецкого языка МПГУ профессора В.Д. Девкина. Это преподаватели, которые продолжают успешно развивать его научные идеи в настоящее время: д.ф.н., проф. Р.И. Бабаева (Иваново), д.ф.н., проф. С.Г. Катаева и к.ф.н., доц. Н.Д. Матарькина (Липецк), д.ф.н., проф. А.М. Поликарпов (Архангельск), д.ф.н., проф. С.В. Буренкова (Омск), к.ф.н., доц. Л.Ю. Кульпина (Хабаровск), к.ф.н., доц. Н.И. Хомутская (Коломна).

Профессор, заведующий кафедрой перевода и прикладной лингвистики САФУ имени М.В. Ломоносова А.М. Поликарпов из Архангельска представил на конференции вниманию коллег интересный доклад на тему «Немецкий лексикон странствующих подмастерьев и тен-

денции глобализации в исторически-культурном развитии Европы».

В рамках конференции были организованы два круглых стола: лингвистический – «Словари немецкого языка: новые лексикографические проекты», посвященный актуальным вопросам немецкой лексикографии, и литературоведческий – «Литература мигрантов в немецкоязычных странах (языковые аспекты)».

Руководитель лингвистического круглого стола д.ф.н., проф. Д.О. Добровольский (Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Москва) и его ученики познакомили участников конференции со своим новым лексикографическим проектом «Академический немецко-русский словарь», д.ф.н., проф. Л.А. Нефедова (МПГУ) сделала сообщение о работе над созданием немецко-русского и русско-немецкого словаря ложных аналогий, к.ф.н., доц. Н.Е. Бажайкин на примере Русско-немецкого словаря, разрабатываемого в Академии наук и литературы г. Майнца (ФРГ), отметил изменение статуса современной двуязычной лексикографии, которая служит надежным инструментом познания специфики определенной культуры. Тематика литературоведческого круглого стола, которым руководил к.ф.н., доц. А.В. Белобратов из Санкт-Петербурга, удачно вошла в программу конференции. Предметом обсуждения знатоков немецкоязычной литературы стали языковые аспекты литературы мигрантов из СССР в немецкоязычных странах.

Руководство методическими мастер-классами было также доверено германистам из Москвы и Санкт-Петербурга. К.ф.н., доц. И.В. Лысыкова (Москва) выступила с докладом

«Подготовительные упражнения и коммуникативные задания как стимул речевого действия (на примере лексической темы Reise)». Сообщение к.ф.н., доц. Л.Н. Пузейкиной (Санкт-Петербург) было посвящено теме «Использование технологий портала „Linguomaster“ при создании собственных курсов преподавания немецкого языка как иностранного».

На конференции работало 12 лингвистических секций. Среди них секции, в которых обсуждались общие проблемы коммуникации и дискурса в условиях глобализации: «Глобальная коммуникация и глобальный язык», «Языковые вызовы глобализации», «Влияние глобализации на дискурсы разных типов», «Политический дискурс в условиях глобализации». Одной из центральных тем дискуссии ученых была проблема «глобализация и язык» в традиционном социолингвистическом плане (преимущественно как проблема заимствований): заимствования в лексике современного немецкого языка, а также влияние немецкого языка на другие языки. Внимание участников конференции одной из секций было сосредоточено на глобализации как культурологическом явлении, на взаимоотношениях языка и культуры: секция, в которой нашел отражение немецкий язык Германии, Австрии, Швейцарии и Люксембурга, называлась «Немецкий язык и культурное наследие немецкоязычных стран». В ряде секций объектом исследования германистов были неологизмы немецкого языка в зеркале глобализации, язык немецкой рекламы, а также новые тенденции в развитии терминосистем. В работе переводческой секции

предметом разговора стало отражение явлений локализации и глобализации в переводе. Важность обсуждаемой проблемы для лингвистики и стилистики текста позволила организовать работу секции «Рецепция немецкоязычного художественного и публицистического текста в России».

Проблема «Немецкий язык и межкультурность» – одно из актуальных направлений исследований в современной германистике. В Коломне германисты продолжили обсуждение тем, затронутых на Международной научной конференции германистов “Deutscher Wortschatz – interkulturell” / «Лексика немецкого языка: межкультурный аспект», которая состоялась на факультете иностранных языков в Московском педагогическом государственном университете 9–10 октября 2015 г. [2].

Активное участие в работе конференции приняли преподаватели кафедры немецкого языка МПГУ д.ф.н., проф. Л.А. Нефедова, д.ф.н., проф. В.И. Шувалов, к.ф.н., проф. И.Б. Бойкова, к.ф.н., доц. М.Г. Петеленкова, старший преподаватель О.П. Белякова. Аспиранты кафедры Е.Н. Блохина, Е.П. Воронко, А.А. Гусаров сообщили об актуальных результатах своих диссертационных исследований.

Самыми активными участниками конференции стали преподаватели немецкого языка кафедры-организатора конференции в Коломне к.ф.н., доц. Н.И. Хомутская, к.ф.н., доц. Б.А. Хвостов, к.ф.н., доц. Е.В. Серебрякова, ст. препод. М.В. Мордакина. Организаторы конференции предложили ее участникам увлекательную культурную программу, позволив-

шую им познакомиться с историческими памятниками и уникальными музеями города, одного из самых древних городов России. Гости смогли побывать в музее пастилы и отведать за чашкой ароматного и бодрящего чая приготовленную по старинным русским рецептам коломенскую пастилу, наблюдать за процессом выпекания душистых калачей в музее «Калачная» и насладиться незабываемым вкусом подаваемых с пылу с жару хрустящих коломенских вкусностей. Душевный музей-усадьба «Дом самовара», согревающий сердце особым теплом, останется также надолго в памяти германистов.

По единодушному мнению участников, конференция была организована и проведена на высоком уровне, что способствовало эффективному и плодотворному обсуждению новых идей и результатов исследований с коллегами, обмену научной информацией и установлению новых профессиональных контактов. Ученые познакомились с новыми актуальными публикациями по германистике, обсудили актуальные вопросы, касающиеся положения германистики как за рубежом, так и в России, наметили кон-

кретные практические шаги по дальнейшему развитию и укреплению статуса германистики в России.

Выражаем благодарность ректору университета д.ист.н., проф. А.Б. Мазурову – за возможность провести в стенах вуза такой важный для германистов форум, организаторам конференции – за атмосферу душевного тепла, гостеприимства и радушия, а всем участникам – за сотрудничество и взаимное вдохновение на новые научные идеи!

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Кириллина, А.В.* Глобализация и судьбы языков. Останется ли русский великим и могучим? [Текст] / А.В. Кириллина // Литературная газета. – 2012. – № 5. – С. 13.
2. *Нефедова, Л.А.* Немецкий язык и межкультурность [Текст] / Л.А. Нефедова // Преподаватель XXI век. – 2016. – Т. 2. – № 2. – С. 437-438.

REFERENCES

1. Kirilina A.V., Globalizacija i sudby jazykov. Ostanetsja li russkij velikim i moguchim, *Literaturnaja gazeta*, 2012, No. 5, p. 13. (in Russian)
2. Nefedova L.A., Nemeckij jazyk i mezhkulturnost, *Prepodavatel XXI vek*, 2016, Vol. 2, No. 2, pp. 437-438. (in Russian)

Нефедова Любовь Аркадьевна, доктор филологических наук, профессор, кафедра немецкого языка, Институт иностранных языков, Московский педагогический государственный университет, nefedovalub@mail.ru

Nefedova L.A., ScD in Philology, Professor, German Language Department, Chairperson, Institute of Foreign Languages, Moscow State University of Education, nefedovalub@mail.ru

Уважаемые коллеги!

Управление издательской деятельности
и инновационного проектирования
Московского педагогического государственного
университета
предоставляет услуги:

- ✓ **редактирование**
- ✓ **верстка**
- ✓ **печать**

книг и брошюр всех видов

По вопросам оказания услуг обращаться
в редакцию по телефону:

8 (499) 730-38-61

по e-mail:

izdat@mpgu.edu

или по адресу:

г. Москва, проспект Вернадского, д. 88
(корпус гуманитарных факультетов МПГУ),
каб. 446